

А.Е. Шагов

2023

**«Гибридная война» и «Гибридные угрозы»
в зарубежной военно-исторической науке**

Специальность: 6.3.3 – Военная история

Монография

УДК 93/94:355
ББК 63:68
Ш 153

Рецензент: Пивоваров Юрий Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института военной истории Военной академии Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации.

Шагов, Андрей Евгеньевич

Ш 153 «Гибридная война» и «Гибридные угрозы» в зарубежной военно-исторической науке. Монография – М.: Мир науки, 2023. – Сетевое издание. Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/07MNNPM23.pdf> – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-907603-83-7
DOI: 10.15862/07MNNPM23

В монографии дается характеристика стратегии гибридной войны, которая нацелена на изнурение страны-жертвы с использованием широкого спектра действий, от иррегулярных формирований до кибернетических атак. В монографии показано как, следуя такой стратегии, агрессор тайно, без формального объявления войны атакует структуры государственного управления, экономику, информационную и культурно-мировоззренческую сферу, силы правопорядка и регулярную армию страны-мишени. Исследование актуально в свете того, что технологии гибридных войн широко используются целым рядом государств для обеспечения своих национальных интересов, а потому представляет интерес для специалистов в области истории военного искусства, профессорско-преподавательского состава, слушателей и курсантов высших военных учебных заведений, а также широкого круга читателей, интересующегося военной историей.

ISBN 978-5-907603-83-7

© Шагов Андрей Евгеньевич
© ООО Издательство «Мир науки», 2023

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Трактовка терминов «гибридная война» и «гибридные угрозы» западными военными теоретиками с учетом исторического опыта ведения войн	8
Глава 2. «Гибридность» в масштабной войне с противником традиционного типа с учетом фактора многомерности, предполагающего сочетание военного, дипломатического, информационного, финансово-экономического и иного воздействия на противника в реальном времени	31
Глава 3. Положение теории гибридных войн в рамках подготовки ограниченной войны против противника традиционного или иррегулярного типа.....	47
Глава 4. Теория «непрямых-невоенных» способов борьбы – технологии «мягкой силы» и «управляемого хаоса»	62
Глава 5. Западная теория и практика о новых нетрадиционных вызовах и угрозах	77
Глава 6. Борьба в информационной сфере в условиях гибридной войны.....	106
Заключение.....	130
Библиографический список.....	139

Введение

При возникновении вооруженного конфликта между суверенными государствами, целью которого являлся разгром противника с помощью военной силы, в течение многих столетий имело место прямое фронтальное столкновение противоборствующих сторон. В таком вооруженном конфликте применялись регулярные войска, подчинявшиеся при ведении военных (боевых) действий определенным правилам. Эти конфликты были характерны до середины – конца XX века.

Инициаторы современных конфликтов, как правило, стремятся избежать развития по силовому сценарию с целью не допустить уничтожения собственных вооруженных сил в ходе военных (боевых) действий, сохранить ресурсы и инфраструктуру страны-жертвы агрессии, которая с использованием мягких технологий переводится под внешнее управление. Война между государствами с масштабным применением вооруженных сил постепенно становится редким явлением, ей на смену приходят «новые войны», в основу которых положен принципиально иной тип организованного насилия, для которого характерен своеобразный симбиоз военных (боевых) действий, участия организованной преступности, проведение террористических атак и массированного воздействия на противника с помощью информационно-коммуникационных технологий¹.

В настоящее время происходит трансформация современных конфликтов, связанная с использованием новых технологий, вовлечением в войну гражданских и военных компонентов, что приводит к качественным отличиям «новых войн» от «старой войны», и важно понять, в чем заключается суть этих трансформаций. Такая задача требует углубленного научного осмысливания данного феномена.

Как утверждает британский политический теоретик, профессор Лондонской школы экономики и политических наук Мэри Калдор в книге «Новые и старые войны. Организованное насилие в эпоху глобализации», новые элементы в современных конфликтах связаны с глобализацией и технологиями². Развитие технологий сделало симметричную войну между одинаково

¹ Гибридная война – новый вызов национальной безопасности России. Национальная оборона. 2017.

² Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в эпоху глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

вооруженными противниками более разрушительной, при этом такой, в которой трудно победить одному из противников. Однако новизны в этом феномене немного, поскольку он проявлялся во времена Первой и Второй мировых войн, а наиболее ярко заявил о себе в одном из крупнейших современных военных конфликтов – войне между Ираном и Ираком 1980-1988 годы.

Более очевидным становится фактор «новизны» в связи с ускоренным развитием коммуникаций, расширением глобальных связей, что, с одной стороны, облегчает мобилизацию противостоящих государств, а с другой – позволяет в невиданных ранее масштабах сеять недоверие, страх и панику. Многие из того, с чем приходится сталкиваться сегодня, в том или ином виде применялось в практике прошлых войн, но в настоящее время вышло на новый технологический уровень и в условиях глобализации приобрело иные масштабы и уникальную способность провоцировать лавинообразную хаотизацию обстановки. Если раньше источник агрессии определялся задолго до начала ее активной фазы, то в современных условиях сделать это непросто. Не всегда удается установить время начала подрывных действий и сделать прогноз их вероятного развития.

Трансформация конфликтов ведет к формированию новой модели, в которой развитие оружия играет меньшую роль в сравнении с организационными, информационно-технологическими, управленческими, логистическими и некоторыми другими общими нематериальными изменениями. Трансформацию современной войны обуславливают следующие факторы: сохранение роли ядерного оружия как средства обеспечения стратегической и политической стабильности; склонность ядерных держав к применению военной силы и другим нарушениям норм международного права за счет использования различных гибридных технологий, в том числе в районах, географически удаленных от их национальной территории; появление международных террористических организаций, использующих для реализации своих политических целей «неклассические» способы насилия; порожденная глобализацией зависимость национальных экономик от складывающейся мировой экономики; появление новых форм войны – информационной войны и кибервойны; формирование новых сред противостояния в космосе и киберпространстве; воздействие постоянных и переменных факторов.

Не вызывает сомнений, что появление новых технологий, рост взаимосвязи и взаимозависимости в условиях глобализации придают особую

остроту современным конфликтам, в которых все чаще используются методы, основанные на комплексном применении политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Это так называемые гибридные методы, позволяющие достичь политических целей конфликта с минимальным военно-силовым воздействием на противника.

В теоретико-методологическом плане в западной военной науке под гибридной войной (угрозой) понимается использование разнообразных форм и способов действий по военной, политической и социально-экономической дестабилизации противостоящей стороны.

Противник, использующий традиционные способы ведения войны – это, обычно, развитые в военном отношении государства. США со своей военной мощью чувствуют себя в таком противостоянии достаточно уверенно. Но логика такого превосходства США позволяет предположить появление государств и негосударственных субъектов, которые не будут пользоваться традиционными средствами введения войны. Для достижения превосходства они могут искать любые действенные возможности, неожиданные сочетания технологий и тактики действий. В этом они отличаются от государств, являющихся легитимными субъектами международной политики.

Нетрадиционные способы ведения боевых действий – терроризм, организация внутригосударственных беспорядков, партизанская война без правил, криминальное насилие и наркопреступность, в качестве гибридных угроз получают все большее распространение в современном мире и бросают вызов интересам безопасности любого государства в глобальном масштабе. «Нетрадиционный» противник старается получить преимущество по времени и месту действий, игнорируя любые ограничения на применение насилия в мирное время. Такие государства и негосударственные субъекты, по мнению политического теоретика Мэри Калдор, являются весьма вероятными противниками США в будущем.

В группу постоянных (или условно медленно меняющихся) факторов трансформации современной войны следует включить: принцип географической предопределенности («географических детерминант»), а также состав участников конфликта, установившиеся между ними связи, сложившиеся организационные механизмы взаимодействия, иерархию отношений. Эти факторы способствуют формированию относительно устойчивых системных

структур, взаимодействие между которыми определяет стратегию симметричного или асимметричного гибридного конфликта в условиях резко повысившейся взаимозависимости мира.

Переменные факторы связаны с воздействием на конфликт вызовов, рисков, опасностей и угроз, часть из которых носят трудно предсказуемый характер и могут возникать внезапно в виде нетрадиционных способов ведения боевых действий. Влияние перечисленных выше факторов обуславливает трансформацию современных конфликтов и появление новых форм геополитического противостояния³.

³ Смыслы гибридной войны. Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 12 июля 2017.

Глава 1. Трактовка терминов «гибридная война» и «гибридные угрозы» западными военными теоретиками с учетом исторического опыта ведения войн

В американской военной науке понятие «гибридная война / гибридная угроза» было соотнесено с попытками американских военных специалистов оптимизировать организационную структуру сухопутных войск США в боевой обстановке, когда противнику трудно было дать адекватный симметричный ответ. Логика исследователей заключалась в том, что в конфликтах традиционных типов (обычная война) армия США может противостоять противнику в звене от бригады и выше. Для действий против небольших по численности групп террористов (военизированных формирований) в распоряжении американского командования имеются силы специальных операций. В то же время американские военные эксперты обратили внимание на тот факт, что при определенных ситуациях можно столкнуться с хорошо организованным и оснащенным современным оружием противником, когда для его уничтожения будет недостаточно сил спецназа, а силы регулярных армейских бригад будут избыточны. Такая ситуация была названа «гибридной угрозой», где, в качестве примера реализации подобного сценария, назывались действия военизированной ливанской шиитской организации «Хезболла» против Армии обороны Израиля во время Второй ливанской войны в 2006 года⁴.

Американские аналитики стали активно изучать данную проблему для понимания того, как успешно вести боевые действия против такого противника. В англоязычной научной литературе концепт гибридной войны стал обозначаться несколькими терминами: hybrid war – hybrid warfare (гибридная война), hybrid threat (гибридная угроза), hybrid adversary (гибридный противник). Необходимо подчеркнуть, что военные специалисты США предпочитают говорить о гибридной угрозе (hybrid threat), в то время как в западноевропейской «академической литературе» почти всегда употребляется понятие гибридная война (hybrid warfare)⁵.

⁴ Николайчук И.А. О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации. Проблемы национальной стратегии № 3 (36) 2016. С. 98.

⁵ Там же.

Специалисты «Рэнд Корпорэйшн» провели исследование боевого опыта действий Армии обороны Израиля против движения «Хезболла» в 2006 году. В выпущенном в 2010 году отчете по результатам этих исследований был сделан важный вывод о том, что «гибридность» противника выражается в его оснащении современными вооружениями, которые можно получить только при поддержке центральных властей или на государственном уровне других стран; во всем остальном движение «Хезболла» представляет собой организованные группы террористов (рис. 1). В отчете специально оговаривалось, что в организационном отношении такой противник может создавать регулярные подразделения силами до батальона.

Понятие «гибридность» стало часто употребляться американскими военными аналитиками с 2005 года. Среди теоретиков концепции гибридизации современных конфликтов необходимо в первую очередь назвать Натана Фрейера, Роберта Ньюсона, Фрэнка Хоффмана и Рассела Гленна, опиравшихся в своих исследованиях на опыт конфликтов начала XXI века.

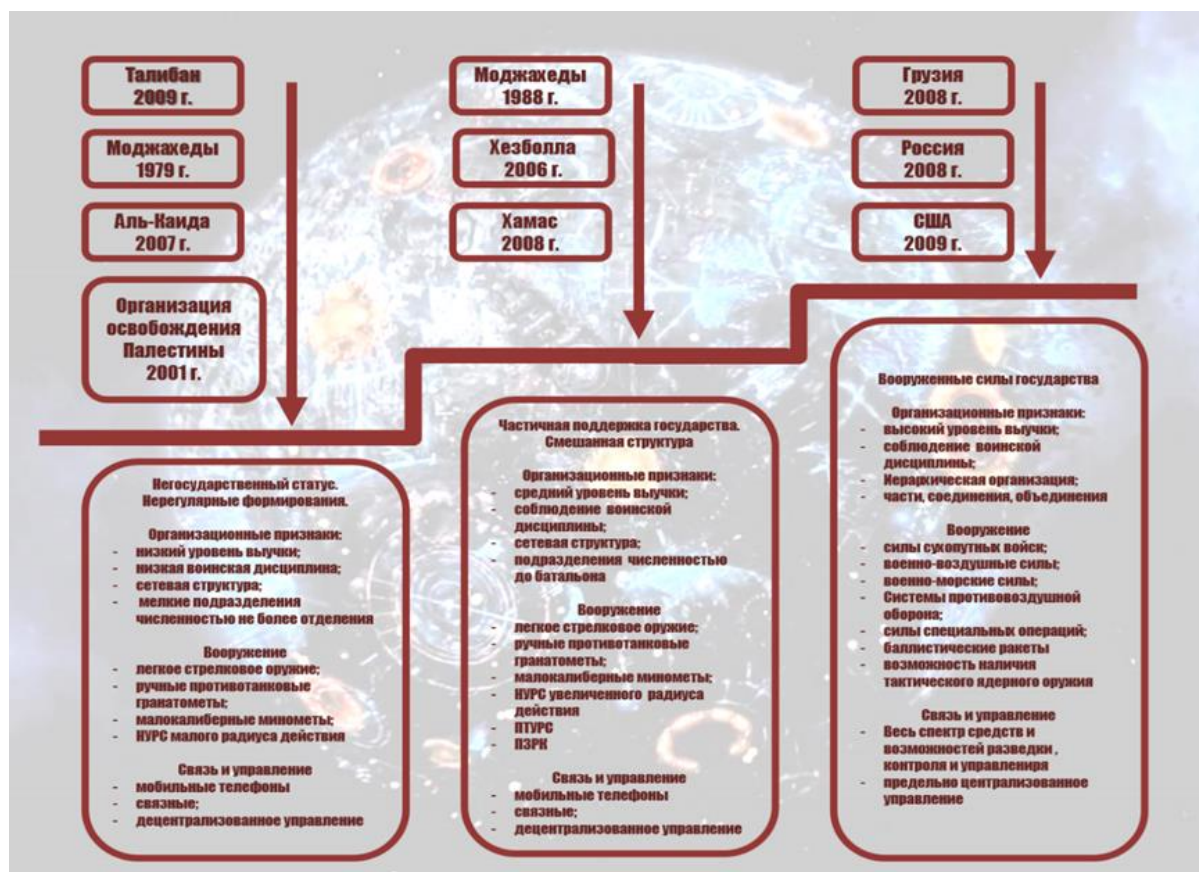

Рис..1. Особенности вооруженных формирований, задействованных в гибридной войне

В частности, появление понятия «гибридный» связано с анализом Второй ливанской войны (июль – август 2006 года), в ходе которой произошло

столкновение между Израилем, с одной стороны, и радикальной шиитской группировкой «Хезболла» (контролировавшей южные районы Ливана) – с другой.

Наряду с «Хезболлой», по мнению авторов рассматриваемой концепции, гибридные методы использовали также повстанцы в Ираке, организовывавшие атаки на американские оккупационные силы (против США выступали одновременно шиитские и суннитские вооруженные формирования, а также бывшие баасисты; «беспокоящие» гибридные действия проводила «Аль-Каида»). Свой вклад в разработку концепции гибридности внес анализ деятельности на территории США транснациональных преступных организаций, подпитываемых мигрантами из слаборазвитых стран мира, в частности из Центральной Америки.

Аналитический материал, содержащийся в этих по большей части «полевых» исследованиях, указывал на явную связь западного подхода к ведению войн (и определенных форм и способов ведения боевых действий, неоднократно применявшихся морской пехотой и силами специальных операций) с концепцией гибридных угроз.

Иными словами, США, НАТО и Израиль, с одной стороны, сами апробировали гибридные методы на практике, а с другой – ощутили на себе эффективность новых методик ведения войны, сделав вывод о необходимости разработки комплексной стратегии противодействия гибридным угрозам. В феврале 2009 года генерал-лейтенант морской пехоты Джеймс Мэттис (впоследствии министр обороны США) говорил о гибридных противниках и необходимости создания гибридных вооруженных сил, которые могли бы им противостоять⁶.

Одним из авторов понятия гибридная война является Н. Фрейер из Центра стратегических и международных исследований (The Center for Strategic and International Studies, CSIS). Он выдвинул идею о том, что в будущем США столкнутся с четырьмя видами угроз, которым соответствуют традиционная и иррегулярная войны, катастрофический терроризм и подрывная деятельность. По его версии, гибридная угроза возникает, когда любой субъект развязывает конфликты двух или более упомянутых видов.

⁶ Кучинская М.И. Феномен гибридизации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс. Проблемы национальной стратегии № 6 (51) 2018.

Вместе с тем он считает, что каждый конфликт будущего не будет вестись вероятным противником строго в соответствии только с одной из четырех угроз. Будущий противник будет рассматривать эти четыре разновидности угроз как своеобразный набор вариантов, из которого он будет выбирать наиболее эффективное сочетание приемов и тактик. Таким образом, США столкнутся не с четырьмя отдельными угрозами, а с их сочетанием – это новый подход к ведению боевых действий – слияние, синтез различных способов и средств ведения войн.

Понятие «гибридная война» ввели в научный оборот упомянутый выше генерал Джеймс Мэттис и теоретик в области военно-политической стратегии Френк Хоффман в статье «Будущая война: появление гибридных войн» (Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars), опубликованной в 2005 году. По их мнению, согласно современным представлениям, гибридная война сочетает методы классической войны, диверсионно-подрывные действия и новые информационные технологии.

В гибридной войне, как пишут авторы, США могут противостоять какому-либо несостоятельному / недееспособному государству, которое потеряло контроль над своим оружием массового поражения, при этом оно ведет борьбу с этническими незаконными вооруженными формированиями и многочисленными радикальными террористами, которые используют обычное оружие нетрадиционным способом. Это могут быть какие-либо формы экономической войны или сетевые атаки, оказывающие разрушающее информационное воздействие на компьютерные системы военных или экономических объектов. Это также могут быть неожиданные нападения военизированных групп на жизненно важную инфраструктуру или транспортную сеть любого государства.

Таким нападением стало нанесение ударов беспилотными летательными аппаратами по крупнейшему в мире заводу первичной переработки нефти в Абкайке на востоке Саудовской Аравии и нефтеперерабатывающему заводу на нефтяном месторождении Хурайс, которое произошло 14 сентября 2019 года. Из-за атаки с воздуха начались пожары на государственных предприятиях Saudi Aramco, что вызвало временное падение добычи саудовской нефти⁷. Ответственность за удары взяло на себя движение «Ансар Аллах». Проведенные атаки подчеркнули как крайнюю уязвимость саудовской инфраструктуры,

⁷ Saudi Aramco oil facilities spark fires. Aljazeera. 14 September 2019.

несмотря на гигантский военный бюджет страны, так и дешевизну масштабных ударов с использованием современных технологий.

Ф. Хоффман в своей работе «Конфликт в XXI веке. Появление гибридных войн» («Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars»), опубликованной в декабре 2007 года, доказывает, что межгосударственные конфликты XXI века имеют и будут носить мультимодальный и многовариантный характер и представляют собой сочетание традиционных (конвенциональных) и иррегулярных (неконвенциональных) тактик, основанных на разнообразных простых и сложных технологиях⁸. Здесь Хоффман дает точную (хотя и довольно узкую) формулировку для характеристики гибридных боевых действий, которые вбирают в себя «спектр различных модальностей ведения войны, включая классические, нерегулярные тактики, террористические акты, в том числе различные формы насилия, а также криминальные беспорядки»⁹.

Джеймс Мэттис и Френк Хоффман считают, что в будущих войнах, с которыми придется столкнуться США, не следует делать упор только на передовые технологии. Следует готовить личный состав к тому, что генерал Чарльз Ч. Крулак называл «трехблочной войной». Эта конструкция довольно проста: «первый блок» – должен стойко сражаться, «второй блок» – отвечает за оказание гуманитарной помощи, «третий блок» – занимается разведанием воюющих сторон. Дж. Мэттис и Ф. Хоффман расширяют эту концепцию, вводя «четверное измерение» – «четвертый блок». Его содержание – психологическое и информационное противодействие. «Четвертый блок» – это пространство, в котором противники не могут находиться физически, но могут общаться и размещать информацию. Таким образом «трехблочная война» усилиями авторов становится «четырёхблочной войной»¹⁰.

Она привносит определенную новизну в понимание ситуации противостояния в Ираке. Повстанческие движения имеют своей подосновой войну идей, и идеи, предлагаемые США, должны быть конкурентоспособными с идеями, предлагаемыми их противниками. Действия ВС США в трех «блоках»

⁸ Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Studies, 2007. P. 72. Hoffman F.G. Hybrid vs. Compound War: The Janus Choice of Modern War: Defining Conflict // Armed Forces Journal, October 2009.

⁹ Marine Corps Vision and Strategy 2025 // Headquarters Marine Corps. URL: <http://www.hqmc.marines.mil/Portals/142/Docs/>.

¹⁰ Перишин Ю.Ю. Записки о «гибридной войне» // Вопросы безопасности. – 2016. - № 4. - С.63-85.

нужны для завоевания авторитета и установления хороших отношений с населением и его правительством. В объеме каждого из «блоков» присутствует еще и компонент информационного противостояния. Он способствует расширению информационного присутствия США и его влияние на население в противовес искаженной идеологии и неприятия противника, которые предлагают повстанцы. Успешные информационные операции помогают гражданскому населению понять и принять то «лучшее» будущее, которое ему предлагают американские войска.

Сама по себе концепция гибридной войны в своей основе содержит идею, сформулированную в известном труде о военном искусстве К. фон Клаузевица «О войне». Суть идеи сводится к тому, что война не должна быть замкнута сама на себе, т.е. «война есть продолжение политики иными средствами». Под *«иными средствами»* в данном контексте понимаются различные способы ведения военных (боевых) действий, которые носят нетрадиционный характер и выходят за рамки стандартных и общепринятых технологий. Эти средства могут включать обширный перечень способов и механизмов воздействия на противника в рамках межгосударственного противостояния и использоваться в различных пространствах – информационном, культурном, экономическом, внутривнутриполитическом, в сферах классической разведки и кибернетического шпионажа»¹¹.

Следует признать, что американские военные специалисты и исследователи придерживаются осторожной точки зрения на оперативное использование понятия «гибридная война», учитывая смешанный или размытый характер будущих конфликтов, представляющих для интересов США потенциальную угрозу. Они отмечают, что феномен гибридной войны пока недостаточно обоснован теоретически и нуждается в дальнейшем изучении. В связи с этим в органах военного планирования США ограниченно используют понятие «гибридная война» и считают, что современной доктрины традиционной и нетрадиционной (иррегулярной) войны пока вполне достаточно, для описания уже существующей и будущей оперативной обстановки. Вместо понятия «гибридная война» или параллельно с ним часто используется термин «военные операции полного спектра» (full spectrum operations). Такой подход

¹¹ Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №. 36 (2015). С. 53-60.

позволяет отодвинуть на второй план разногласия по многочисленным определениям феномена гибридности и сосредоточиться на практической стороне вопроса.

Следует отметить, что в то время, как Ф. Хоффман фокусируется в большей степени на исследовании методов вооруженной борьбы, американский теоретик Р. Гленн вводит расширенное понимание использования силы, включающее в себя различные технологии. Он описывает противника, который одновременно применяет некую комбинацию политических, военных, экономических, социальных и информационных методов воздействия, а также конвенциональные, иррегулярные, катастрофические, террористические и криминальные методы ведения войны.

Концепция гибридной войны в течение последующих нескольких лет завоевала себе как сторонников, так и противников. Сторонники Хоффмана старались творчески развить концепцию, полагая, что новая концепция сможет упрочить позицию США в текущих и будущих конфликтах.

К примеру, полковник сухопутных войск США М. Бонд, развивая теорию Хоффмана, считает, что войны XXI века будут гибридными, в них будут участвовать все структуры государственной власти по всему спектру их деятельности: от операций по достижению стабильности, безопасности и проведению реформ до вооруженного противостояния¹². Парадигма гибридной войны, пишет М. Бонд, требует нового подхода к использованию вооруженных сил США в масштабной войне. Это противостояние, которое меняется в зависимости от складывающейся ситуации – от сугубо мирных гуманитарных миссий, выполняемых в качестве превентивных мер, до обычных военных операций с применением традиционных средств ведения военных (боевых) действия и, и в конечном итоге, до послевоенной стабилизации обстановки в стране-мишени.

М. Бонд также придерживается мнения, что ведение гибридной войны предусматривает применение разнообразных сил и средств: сочетания военной деятельности, снабжения ресурсами, реализации программ, предназначенных для максимально ненасильственного, но убедительного экономического и политического давления на недружественные правительства, политические

¹² *Bond M.S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2007. P. 25.*

движения, имеющие целью реформирование этих правительств или их замену в условиях политической, социальной и экономической нестабильности, характерной для несостоятельных государств.

Гибридная война также включает в себя использование всего спектра возможностей военной разведки, поставки нетрадиционного (в том числе нелетального) оружия, переброску вспомогательных подразделений и оборудования, которые могут быть немедленно применены в случае, если оппозиционные элементы регулярных ВС или нерегулярные силы (повстанцы, террористы или другие негосударственных субъекты) проявят открытую враждебность и станут представлять собой непосредственную угрозу¹³.

Джон МакКуэн из Командно-штабного колледжа армии США дает свою интерпретацию гибридной войны, полагая, что гибридные конфликты представляют собой войны с применением полного спектра сил и средств, как в физическом, так и в концептуальном измерении. Во-первых – это борьба против вооруженного противника, во-вторых – это широкомасштабная борьба за дружественное настроение со стороны местного населения и приобретение его поддержки с целью осуществления контроля над ним в зоне ведения боевых действий, а также борьба за собственную безопасность и поддержку со стороны международного сообщества. Для обеспечения безопасности и стабилизации обстановки в местах проживания местного населения, оккупационные силы должны немедленно установить или восстановить безопасность, необходимые службы, местное управление, силы самообороны и необходимые элементы экономики¹⁴. МакКуэн, рассуждая о гибридной войне, также определяет ее через термин – «военные операции полного спектра» (full spectrum operations).

Дискуссии о характере «гибридной угрозы» и «гибридной войны» привели американских исследователей к определенному результату: определение «гибридной угрозы» было уточнено и в согласованном варианте было принято 24 февраля 2009 года на конференции по гибридным войнам. Это уточненное определение приводится в следующей формулировке:

Гибридная угроза (1): любой противник, который одновременно и применительно к ситуации использует в оперативном боевом пространстве

¹³ Bond M.S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2007. P. 25.

¹⁴ *McCuen J.J.* Hybrid Wars // Military Review. Fort Leavenworth, Ks: Combined Arms Center. March-April 2008. Pp. 107-113.

сочетание традиционных, нетрадиционных средств, терроризм и преступные организации. Гибридная опасность или гибридный противник может представлять собой не единого субъекта, а комбинацию государственных и негосударственных субъектов¹⁵.

Гибридная угроза (2): Противник, который одновременно и применительно к ситуации использует сочетания (1) политических, военных, экономических, социальных и информационных средств, и (2) конвенциональных (традиционных), нетрадиционных, террористических и подрывных/преступных способов ведения военных действий, а также ведение военных (боевых) действий посредством генерирования катастроф и стихийных бедствий. Гибридная угроза может представлять собой комбинацию государственных и негосударственных субъектов¹⁶.

Несмотря на то, что определение «гибридной угрозы / войны» в согласованном варианте было принято на конференции по гибридным войнам, «гибридная война» не является официальным термином, одобренным министерства обороны США, хотя в ряде американских документов стратегического планирования имеются ссылки на концепцию гибридной войны. Понятие «гибридная война» было использовано в четырехлетнем прогнозе министерства обороны США в 2010 году для привлечения внимания к возрастающей сложности будущего конфликта, к необходимости ВС США быстро адаптироваться и перестраиваться в изменяющейся обстановке, но не для ведения нового типа войны. Командования видов ВС США и ОК ВС США также иногда используют понятие «гибридная война / гибридная угроза» в документах стратегического планирования для того, чтобы своевременно отвечать на существующие и будущие вызовы, такие, как киберугроза. Вместе с тем необходимо отметить, что там, где это понятие используется, вместе с ним и часто вместо него употребляется термин «военные операции полного спектра» (full spectrum operations).

Петри Хуовинен в своем исследовании сделал попытку сравнить различные концепции – концепцию компаундной (многосоставной, смешанной, комплексной) войны (compound warfare), концепцию гибридной войны (hybrid warfare) и концепцию военных операций полного спектра (full spectrum

¹⁵ Glenn R. W. Thoughts on «Hybrid» Conflict // Small Wars Journal – 2009. – March 02.

¹⁶ Першин Ю.Ю. Записки о «гибридной войне». // Вопросы безопасности. № 4, 2016. С. 63-85.

operations)¹⁷. В результате проведенного анализа выяснилось, что концепции практически полностью совпадают в плане применяемой тактики, используемых сил и средств. Концепция компаундной войны отличается от концепции гибридной войны всего лишь по двум пунктам: ведение кибервойны и привлечение автономных негосударственных структур. Он делает выводы о том, что гибридная война входит в понятие компаундная война, являясь ее тактическим уровнем, а компаундная война, в свою очередь, входит в понятие военных операций полного спектра. Отсюда, как гибридная, так и компаундная война полностью входят в концепцию «военных операций полного спектра».

Из критиков концепции гибридной войны следует упомянуть Р. Гленна¹⁸, который упрекает концепцию Ф. Хоффмана в недостатке убедительности. Вновь вводимое понятие может и должно стимулировать дискуссии специалистов для лучшего понимания характера современной войны. Однако гибридная война является концепцией, суть которой лучше описана в терминах других концепций, и Ф. Хоффман, как это показал пример исследования П. Хуовинена, фактически «плодит сущности». Р. Гленн считает, что «гибридная война/угроза» как концепция является слабой и не достигающей уровня формальной доктрины¹⁹.

Американские исследователи Д. Садовски и Дж. Беккер считают, что положительной чертой определения «гибридной» угрозы по Хоффману, является то, что оно констатирует ее сложность и многокомпонентность. Однако недостатком этого определения является то, что оно не дает представления о том, какие силы и средства должны быть задействованы в гибридной войне и каким образом они должны быть использованы для борьбы с гибридной угрозой. Авторы предлагают свое понимание военных действий, говоря о существовании двух разновидностей или подходов: «материального» (material) и когнитивного (cognitive). В соответствии с первым подходом, превосходство над противником в материальных силах и средствах является решающим, и с его помощью происходит уничтожение, захват, силовой физический контроль противника или принуждение его к капитуляции. «Когнитивная» разновидность военных

¹⁷ *Huovinen P.* Hybrid warfare – Just a Twist of Compound Warfare. Views on warfare from the United States Armed Forces perspective. Department of Military History. April 2011. P. 47-49.

¹⁸ *Glenn R.W.* Thoughts on «Hybrid» Conflict // *Small Wars Journal* – 2009. – March 02.

¹⁹ *Першин Ю.Ю.* Записки о «гибридной войне» // *Вопросы безопасности*. — 2016. - № 4. - С.63-85.

(боевых) действий подразумевает превосходство «разума над материальным», т.е. воздействие на волю и психику противника: это психологическое давление, введение в заблуждение, переубеждение, подрывная деятельность. Здесь происходит вмешательство в психические процессы, манипуляция чувствами, убеждениями, эмоциями, поведением, решениями²⁰.

Историк Т. Хубер, который в 1996 году ввел термин «компаундной» (многосоставной, смешанной, комплексной) войны, описав феномен совместного ведения боевых действий регулярными и иррегулярными силами (что фактически совпадает с идеей Хоффмана о совместном проведении боевых операций государственными и негосударственными военными структурами), определяет этот термин как «систематическое и целенаправленное объединение регулярных и иррегулярных сил»²¹. При этом Т. Хубер, понимая, что его определение компаундной войны аналогично определению гибридной войны Хоффмана, указывает на то, что гибридная война является новым определением для старого феномена.

Исследователь А. Эчеваррия считает, что в случае «гибридной угрозы» важна не терминология, а сама идея, которая своим появлением иллюстрирует концептуальные недостатки военной мысли США. Огромное количество определений «войны», по его мнению, является показателем того, что, во-первых, авторы концепций еще не пришли к пониманию войны как войны, а не сражения «с большой буквы», а во-вторых, американская военная мысль испытывает трудности с холистическим видением войны как явления многогранного и динамичного²².

В 2010 году Счетная палата, которая является верховным аудиторским органом конгресса США и отвечает за проверки и аналитическо-следственную работу, провела исследование, объектом которого стало понятие «гибридная война»²³. Исследование было инициировано из-за частого употребления понятия «гибридная война» высокопоставленными военными, что могло иметь

²⁰ *Sadowski D., Becker J.* Beyond the “Hybrid” Threat: Asserting the Essential Unity of Warfare // *Small Wars Journal* – 2010. – January 7.

²¹ *Huber T.M.* Compound Warfare: A Conceptual Framework // *Compound Warfare: That Fatal Knot*. Thomas M. Huber, ed. Fort Leavenworth, KS: US Army Command and General Staff College Press, 2002. P. 18.

²² *Echevarria A; Antulio J.* Preparing for One War and Getting Another? Carlisle Barracks, Pa: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, September 2010. P. 9.

²³ United States Government Accountability Office: *Hybrid Warfare*, GAO-10-1036R. Washington, DC, USA: USGAO, 2010 (September 10).

последствия для качества стратегического планирования министерства обороны США. В результате на широком фактическом материале было установлено, что МО США пока не дало четкого определения гибридной войны. Помимо этого, в организациях, входящих в структуру МО США, в понятие гибридной войны вкладывают различные смыслы.

Проблема генезиса гибридной войны еще недостаточно исследована. Некоторые военные специалисты считают, что гибридная война является новым видом конфликта, который полностью заявил о себе лишь в первой четверти XXI века. Можно предположить, что они пытаются отождествить момент появления понятия «гибридная война» (ряд специалистов называют дату его первого использования – 2010 год)²⁴ с самим феноменом, история которого насчитывает не одну сотню лет. Само понятие и его стратегическое обоснование впервые появились в официальных документах министерства обороны США в 2010 году. Именно в то время Роберт Гейтс, будучи министром обороны, официально ввел в военный лексикон понятие «гибридная война», которое заняло определенное место в американской военной стратегии и в официальных документах министерства обороны США.

В концентрированном виде идея гибридной войны была им проработана в 2009 году в статье «Сбалансированная стратегия». Р. Гейтс признавал «размытость» между современными способами ведения военных (боевых) действий и ожидал появление нового инструментария «тактики борьбы» с противником, в том числе применение в ходе военных конфликтов смешанных и более сложных форм ведения боевых действий. Размышляя над вопросом обеспечения национальной безопасности США на перспективу, Р. Гейтс в формате гибридной войны усматривал обязательность учета психологических, культурных, политических и гуманистических аспектов вооруженного противостояния, а также предоставление американским военным «колоссальных преимуществ и возможностей достижений в создании высокоточного оружия в информационных и спутниковых технологиях»²⁵.

США и их союзники по НАТО в течение ряда последних лет учитывают в своих военных доктринах и стратегиях происходящую трансформацию

²⁴ Грачева Т. Армия на подхвате. Военно-промышленный курьер, № 29 (595). 5 августа 2015.

²⁵ Чимаров С.Ю. Общая характеристика основных подходов к определению феномена «гибридной войны». Научные труды Северо-Западного института управления. Том 7, № 3 (25), 2016. С. 143-146.

современных конфликтов, признавая вместе с тем, что феномен гибридной войны пока недостаточно обоснован теоретически и нуждается в дальнейшем изучении. И все же понятие «гибридные угрозы» использовалось в американских четырехлетних обзорах по оборонной политике, вышедших в 2006, 2010 и 2014 гг. В документах говорится о широком спектре стратегий противостояния и вооруженных силах, приспособленных для противодействия традиционным, нетрадиционным, катастрофическим и разрушительным вызовам. Таким образом, *на Западе фактически разработана концептуальная модель гибридной войны, которая внедрена в военную доктрину США и их союзников по НАТО. В официальных документах блока НАТО и Соединенных Штатов концепция гибридной войны и гибридных угроз стала находиться в одном ряду с концепцией асимметричных конфликтов и неконвенциональной войны. В настоящее время западные политики и военные используют ее на практике, в первую очередь против Российской Федерации.*

В апреле 2008 года на саммите НАТО в Бухаресте был принят «План по реализации всеобъемлющего подхода НАТО в интересах противодействия современным угрозам». Данный документ указывал, что наибольший эффект в сохранении сложившегося геополитического состояния государства альянса могут получить за счет согласованного применения на всех уровнях (от стратегического до тактического) инструментов гражданского и военного потенциала альянса при поддержке международных и региональных организаций, а также стран-партнеров. Это была официальная декларация о готовности НАТО к гибридной войне против всех, «кто не с нами».

В рамках ведущейся Западом против Российской Федерации многолетней затяжной гибридной войны именно на российскую сторону возлагается ответственность за разработку и внедрение в практику международных отношений соответствующих технологий, которые характеризуются как «вероломные» и «глубоко аморальные»²⁶. При этом отмечается, что их полномасштабная апробация произошла в ходе кампании по присоединению Крыма к России в 2014 году, еще ранее они якобы просматриваются в действиях Москвы в ходе грузино-российского кризиса, разразившегося вследствие вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 году.

²⁶ Кучинская М.Е. Феномен гибридизации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс. Проблемы национальной стратегии № 6 (51) 2018. С.124.

Если до 2014 года гибридная война в основном определялась как сочетание традиционных (конвенциональных) и иррегулярных (неконвенциональных) тактик, основанных на разнообразных простых и сложных технологиях в межгосударственных конфликтах XXI века, носящих мультимодальный и многовариантный характер, то после событий «крымской весны» гибридная война, по мнению западных аналитиков и политтехнологов, наполнилась новым содержанием в котором прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Теперь «гибридная война» предполагает применение принципиально новых технологий межгосударственного противоборства, в первую очередь в информационном и киберпространствах.

События вокруг Крыма были названы командованием НАТО «нелинейной операцией», в ходе которой Россия применила не только военные, но и дипломатические, информационные и экономические средства, при помощи которых смогла достичь поставленной цели. Все необходимые действия были проведены так, что не привлекли внимание соответствующих структур Североатлантического альянса. Одновременно с этим были использованы средства массовой информации и кибернетическая среда, при помощи которых осуществлялось информационное сопровождение действий, направленное на их «прикрытие»²⁷.

²⁷ Геополитический конфликт, развязанный США при поддержке западных стран с целью ослабления России и сохранения глобального лидерства, есть не что иное, как скрытая агрессия с технологиями «гибридной войны». Основной движущей силой конфликта стали США и страны Евросоюза. Украина в нем выступила своеобразным «тараном», предназначенным для открытого участия в конфликте и провоцирования России на применение военной силы.

Технологии США по ведению «гибридных войн» оттачивались в Югославии, Афганистане, Египте, Ливии, Сирии, в государствах на постсоветском пространстве. «Революция зонтиков» спровоцирована спецслужбами США в Гонконге. Что же касается Украины, то она с 2004 года является полигоном для отработки этих технологий на практике.

Действия России в Крыму в феврале-марте 2014 года оказались настолько быстрыми, эффективными и неожиданными для США и Евросоюза, что потребовалось придумать объяснение, которым руководство НАТО и американские разработчики концепции киевского «Евромайдана» могли бы прикрыть украинский провал. Воссоединение с Россией Крыма и Севастополя как важного геополитического района обеспечивает контроль не только всей акватории Черного моря, но и черноморских проливов, Балкан, Кавказа, Восточного

На почве надуманных обвинений России в ведении гибридной войны против Украины НАТО стала первой военно-политической организацией, в которой об этом феномене заговорили на официальном уровне – на саммите в Уэльсе в 2014 году. Уже тогда Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе генерал Ф. Бридлав поднял вопрос о необходимости готовить НАТО к участию в войнах нового типа – гибридных войнах (hybrid warfare)²⁸, которые включают в себя проведение широкого спектра прямых боевых действий и тайных операций, осуществляемых по единому плану вооруженными силами, партизанскими (невоенными) формированиями и включающих также действия различных гражданских компонентов. Отработка действий в гибридной войне называется одним из приоритетов альянса в широкомасштабном противостоянии с Российской Федерацией.

Пункт 16 декларации саммита в Уэльсе говорит следующее: «Мы сделаем так, чтобы НАТО была способна эффективно преодолевать конкретные вызовы, возникающие в связи с угрозами гибридной войны, при ведении которой применяется широкий ряд тесно взаимосвязанных открытых и скрытых военных, военизированных и гражданских мер. Принципиально важно, чтобы у Североатлантического союза были инструменты и процедуры, необходимые для эффективного сдерживания угроз гибридной войны и реагирования на них, а также потенциалы для усиления войск (сил) государства»²⁹. В рамках основных положений плана действий по обеспечению готовности противостоять гибридным войнам НАТО создало в Латвии аккредитованный центр передового опыта по стратегическим коммуникациям, основные задачи которого заключаются в обзоре и систематизации работы по гибридным войнам.

Наиболее полное определение «Гибридной войны» дано в предисловии «MilitaryBalance-2015» – ежегодного издания Лондонского Международного института стратегических исследований: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях; масштабные и стремительные

Средиземноморья и Ближнего Востока. Возвращение Крыма и Севастополя в состав России является важнейшим элементом обороны страны на Западном и Юго-Западном стратегических направлениях.

²⁸ Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. September 5, 2014.

²⁹ Официальный текст Заявления по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. 05 Sep. 2014.

информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий; в сочетании с экономическим давлением»³⁰.

Это определение в определенной степени отражает ключевое отличие гибридных войн от традиционных конфликтов. Отличие обусловливается заметным смещением используемых в таком виде конфликта военных и невоенных форм, средств, методов и технологий в не силовую часть спектра. *В гибридной войне к открытому применению силы нередко переходят лишь на этапе завершения конфликта, используя в этих целях существующую нормативно-правовую базу миротворческой деятельности и операций по кризисному урегулированию.* Данное определение отражает качественное видоизменение показателей, определяющих конфликты нового поколения. Речь идет об изменении парадигмы современных конфликтов, что связано с тенденцией перехода от линейной к нелинейной модели войны, основанной на применении непрямых асимметричных действий.

В дальнейшем альянс сделал проблему гибридных угроз и гибридной войны одной из центральных в своей повестке. На саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 года была принята «Стратегия гибридной войны», которая должна ускорить процесс принятия решений по противодействию в случае начала гибридной войны против членов блока³¹. Важное место отводится усилению сотрудничества между ЕС и НАТО по борьбе с гибридными угрозами, что нашло свое отражение в отчетном докладе Генерального секретаря НАТО за 2016 год*: «Были предприняты конкретные шаги для обеспечения способности к эффективному преодолению вызовов в связи с гибридной войной, при ведении которой для достижения своих целей государственные и негосударственные субъекты применяют широкий, комплексный диапазон, сочетающий в различной конфигурации тесно взаимосвязанные обычные и нетрадиционные средства, открытые и скрытные военные, военизированные и гражданские меры. В ответ на этот вызов мы приняли стратегию и предметные планы, касающиеся роли НАТО в противодействии гибридной войне». * В открытом доступе текст этой стратегии не появлялся. Однако анализ достаточно обширного пласта

³⁰ The Military Balance-2015. Editor's Introduction // URL: <https://www.iiss.org/en/publications/military-2015-balance/issues> (дата обращения 18.11.2016)

³¹ Смыслы гибридной войны. Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 12 июля 2017.

научных исследований и документов НАТО по данной проблеме позволяет сделать некоторые предварительные заключения по подходам альянса к гибридным войнам.

В стратегии НАТО важное место отводится вопросу, как убедить правительства стран-союзниц в необходимости использовать все организационные возможности для парирования гибридных угроз и не пытаться действовать только с опорой на высокие технологии. В этом контексте подчеркивается особая роль наземных сил в гибридной войне. Одновременно считается необходимым развивать потенциал сотрудничества с невоенными структурами, оперативно выстраивать военно-гражданские отношения, предоставлять гуманитарную помощь. Таким образом, планируется использовать формат гибридной войны для своеобразной игры на повышение и понижение, применения технологий «мягкой и жесткой силы» на размытой границе между миром и войной. Такой набор средств и методов предоставляет в распоряжение государства-агрессора новые уникальные инструменты для давления на противника.

Одна из основных задач гибридной войны – удерживать уровень насилия в государстве-объекте агрессии ниже планки вмешательства существующих организаций обеспечения международной безопасности на постсоветском пространстве, таких как ООН, ОБСЕ или ОДКБ. Это, в свою очередь, требует разработки новых адаптивных концепций и организационных структур для ползучего развала и удушения государства-жертвы и собственной защиты от гибридных угроз.

Показательным в этом контексте является аналитическая разработка американского исследовательского центра «Рэнд Корпорэйшн», изданная в 2017 году, «Гибридная война в странах Балтии. Опасности и потенциальные ответы». В документе говорится о вероятной «агрессии» со стороны РФ. В числе реальных угроз странам Балтии называют сценарий ненасильственного переворота, сценарий скрытых насильственных действий, а также сценарий обычной войны в сочетании с политическими подрывными акциями. Подчеркивается, что опасность третьего сценария связана с недостаточностью обычных военных возможностей НАТО в регионе, которые следует усилить в интересах сдерживания России. Для совершенствования способности союзников противостоять угрозе со стороны РФ было предложено наладить координацию между министерствами внутренних дел, привлекать силы полиции и

жандармерии для пресечения нетрадиционных угроз, связанных с пропагандистскими кампаниями, кибератаками и действиями местных сепаратистов.

В своей очередной разработке «Враждебные действия России в Европе. Осознание угрозы», изданной в 2019 году, тот же исследовательский центр «Рэнд Корпорэйшн» гибридные действия, охватывающие широкий спектр политических, экономических, дипломатических, разведывательных и военных мероприятий оценивает как «опасные или враждебные действия»³².

В странах НАТО понятию гибридная война придают гипертрофированный идеологический характер и пытаются представить гибридную войну как современную стратегию действий России. Цель подобных исследований взаимосвязана с общей стратегией информационной войны Запада против России и достаточно очевидна: оправдание наращивания военного присутствия НАТО в странах Восточной Европы, развертывание элементов американской стратегической ПРО, проведение военных учений по провокационным сценариям. Одновременно этот документ является еще одной попыткой запугать нейтральные Швецию и Финляндию и подтолкнуть их к вступлению в военно-политический блок. Это подтверждает принятое в Брюсселе 11-12 июля 2018 года «Заявление по итогам саммита НАТО», многие разделы которого носят откровенно антироссийский и провокационный характер³³.

В документе получили развитие оценки гибридной войны как нового феномена, угрожающего безопасности Североатлантического альянса. Отмечено, что альянс готов оказать содействие своим членам, подвергшимся гибридной агрессии, вплоть до принятия Североатлантическим советом решения о приведении в действие статьи 5 Вашингтонского договора, как и в случае вооруженного нападения.

Альянс также создает группы поддержки по борьбе с гибридными действиями, в задачу которых войдет предоставление адресной, целевой поддержки государствам НАТО по их запросу в обеспечении готовности и реагировании на гибридные действия.

Существенную неопределенность действиям альянса придает отсутствие каких-либо внятных определений того, как именно планируется определять

³² Russia's Hostile Measures in Europe. Understanding the Threat. «Rand Corporation». 2019.

³³ Бартош А.А. Гибридные угрозы и особенности войны нового типа. Независимое военное обозрение. 10 августа 2018.

источники гибридных угроз и конкретного субъекта – инициатора гибридной войны. В условиях существующей нормативно-правовой неопределенности, связанной с гибридным противоборством, вполне можно ожидать, что альянс для обоснования конкретных военно-политических решений будет использовать введенные в оборот британской дипломатией предлоги вроде «хайли лайкли» и «отсутствие иных правдоподобных объяснений». Это повышает угрозу возникновения крупномасштабного конфликта из-за неправильного прочтения намерений сторон, правовой и терминологической неопределенности.

В апреле 2021 года власти Чехии выступили с утверждением, будто Россия причастна к взрывам на складах боеприпасов в Врбетице на востоке страны в 2014 году, и выслали российских дипломатов, которых назвали сотрудниками российских спецслужб. Несмотря на то, что Чехия изобрела свою замену британскому «хайли лайкли», в отчетах чешской службы безопасности и информации каких-либо доказательства и свидетельства в пользу «российского следа» не было найдено. История со взрывом стала «игрой западных спецслужб», жертвой которой стали российско-чешские отношения. Дипломатическая «война», в которую, кроме Чехии, оказались втянуты Польша, Словакия и прибалтийские страны, произошла на фоне активизации военной деятельности НАТО в Черноморском регионе. Дипломатический кризис между Россией и Чехией с точки зрения отмененных переговоров о тендере на строительстве нового энергоблока АЭС «Дукованы», который должен был выиграть «Росатом» и о закупке российской вакцины от ковида «Спутник V» стал частью гибридной спецоперации объединенного Запада против России.

Комплекс гибридных угроз НАТО формируется по заранее определенному стратегическому замыслу и воздействует на широкий спектр военных и гражданских целей противника, включая население страны-мишени. Конечная цель состоит в подрыве совокупной мощи государства, позиций и влияния правительства внутри страны и на международной арене. Успешная реализация комплекса угроз зависит от наличия источника, способного обеспечить необходимые силы и средства, а также возможности доступа к ним. Такой синергетический эффект применения гибридных угроз обуславливает их особую

опасность для всей системы обеспечения национальной безопасности страны РФ³⁴.

Весьма интересно оценить то, как понимают сущность и содержание гибридной войны на Украине. Литовская военная академия в 2016 году выпустила книгу «Гибридная война России: опыт Украины для стран Балтии». Автор – Евгений Дикий. В этой книге, насквозь пропитанной антиросийской риторикой, под гибридной войной понимается особый тип военно-политических конфликтов. *«Гибридная война в самой общей форме определяется как военная агрессия одного государства против другого, внешне замаскированная под внутривнутриполитический конфликт в государстве – жертве агрессии.* Именно такое понимание гибридного конфликта позволяет прогнозировать ход его развития: за внешними камуфлирующими признаками гражданского конфликта следует все время видеть единый оперативный план, разработанный и осуществляемый военно-политическим руководством иностранного государства.

Украинский генерал-майор Ю. Даник – эксперт по военному искусству, национальной обороне и безопасности, информационной и кибербезопасности считает, что гибридная война является *высокотехнологичным конфликтом. Это продолжение политики государства и/или коалиций государств, политических групп, транснациональных корпораций и негосударственных субъектов, целью которых является навязывание своей воли противостоящей стороне через интегрированные адаптивные и асимметрически синхронизованные деструктивные средства влияния в многомерном пространстве и в разных сферах жизни.* Гибридная война рационально сочетает традиционные и нетрадиционные средства воздействия с упором на использование множества источников и способов нападения³⁵.

Появление новых технологий, рост взаимосвязи и взаимозависимости в условиях глобализации придают особую исключительность и ухищренность современным конфликтам, в которых все чаще используются методы, основанные на комплексном применении политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Это так

³⁴ Гибридные угрозы. GLASRU. Обзор российской геополитической мысли. 24 октября 2013.

³⁵ Даник Ю. Гибридная война: Хай-Тек, Информационный и киберконфликты. Quarterly Journal. 2015.

называемые «гибридные» методы, позволяющие достичь политических целей конфликта с минимальным военно-силовым воздействием на противника³⁶.

Сущностное отличие стратегии гибридной войны от стратегии обычной войны состоит в том, что в гибридной войне применение собственно вооруженной силы не является единственным обязательным условием достижения победы над противником. Военная сила в гибридной войне применяется в сочетании с невоенными методами воздействия – операциями информационно-психологической войны, методами подрыва экономики противника, попытками его изоляции и блокады с целью изнурения и подавления воли к сопротивлению, кибервойны, инструментами традиционной дипломатии, которая активно использует тезис «борьбы с терроризмом».

Все доктринальные документы ведущих государств НАТО в части определения приоритетов и угроз содержат следующие основные закономерности. Преимущественное внимание уделяется новым, нетрадиционным угрозам. Первостепенными среди нетрадиционных угроз в порядке убывания важности официально признаны: международный терроризм, этнические и религиозные конфликты, в том числе по причинам миграционной проблематики, проблемы несостоявшихся государств, распространения оружия массового уничтожения, попытки неконституционного захвата власти, организованная преступность и война между государствами.

Наибольшая опасность кроется в сочетании различных типов угроз, в том числе традиционных и нетрадиционных, что придает им новое, более «тяжелое» качество. Трансграничный характер этих угроз и их сложность делают невозможным обеспечение безопасности на уровне более низком, чем глобальный. Большое значение придается возможности выявления, предупреждения и предотвращения угроз на ранней стадии. США и НАТО по-прежнему считают важными, а порой и основными, военно-политические способы предупредительного характера.

В этом контексте представляет интерес оценки вызовов и угроз, сделанные руководством Соединенных Штатов и других ведущих стран НАТО, а также рядом известных международных организаций. Так, например, просматривается много общего в оценках угроз, приведенных в документе командования по

³⁶ Бартош А.А. Философия гибридной войны. Сравнительный анализ моделей гибридной войны и цветной революции. СПб. Геополитика и безопасность, 2015. № 4(32). С. 44-52.

трансформации ОВС НАТО «Многочисленные угрозы в будущем»³⁷, в докладе объединенного командования единых сил «Тенденции и вызовы ВС США в перспективе до 2030 года»³⁸, и в отчете-прогнозе Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции 2025: изменяющийся мир»³⁹.

Объединенное командование единых сил в перспективе до 2030 г. рассматривает три группы угроз Соединенным Штатам: существующие, появляющиеся новые и так называемые «удары» по национальной безопасности. К существующим угрозам относят возможность нападения на территорию США (как, например, террористическая атака 11 сентября 2001 года), возможные конфликты между США и другими государствами (Китай, Индия, Россия), опасности, исходящие от разрушающихся государств, международного терроризма и организованной преступности.

Новые угрозы могут быть связаны с трудно прогнозируемыми процессами глобализации и нестабильностью, несовершенством системы международного взаимодействия в сфере обеспечения безопасности, неудачами в переговорных процессах и переходом сторон к силовым действиям. «Удары» могут быть нанесены по американским военным базам, центрам связи и управления войсками и оружием, космическим системам. Нестабильность может быть порождена технологическими прорывами в разработке новых систем оружия, появлением новых идеологий терроризма, крупномасштабными финансовыми и экономическими кризисами, распространением ОМУ и средств его доставки, кибератаками, неустойчивостью ядерных держав и стран-поставщиков энергоресурсов, потерей управляемости в крупных городах, попытками сформировать глобальную антиамериканскую коалицию с участием стран Среднего Востока, радикальных исламских режимов, Ирана, Венесуэлы. В этом контексте Шанхайская организация сотрудничества, созданная в 2001 году, рассматривается как попытка ограничить американское влияние в Азии.

К «ударам» по национальной безопасности США относят срыв снабжения энергоресурсами, технологические прорывы в сфере создания новых систем оружия, ядерную атаку против США, пандемии, мировые экономические и

³⁷ «Multiple Futures Project» («Многочисленные угрозы в будущем»). Командование по трансформации ОВС НАТО. Норфолк, США, штат Виргиния. 2008.

³⁸ «Тенденции и вызовы ВС США в перспективе до 2030 года». Объединенное командование единых сил, декабрь 2007.

³⁹ «Глобальные тенденции 2025: изменяющийся мир. Национальный совет по разведке США. 2008.

финансовые кризисы, попытки ограничить свободу доступа к глобальному пространству в космосе, на океанах и на суше.

В докладе Объединенного командования единых сил содержатся рекомендации по приданию ВС США способности адекватно реагировать на возникающие гибридные угрозы. Так, вместе с американскими войсками в ряде конфликтов могут действовать организованные по сетевому принципу местные боевые формирования, которые, как правило, пользуются поддержкой населения. Подобные конфликты могут иметь место в районах со сложными географическими и климатическими условиями или в крупных городах, что требует соответствующей заблаговременной подготовки войск.

Один из наиболее известных западных аналитических центров Национальный совет по разведке США в 2008 году выделял возможность возникновения ряда критических неопределенных ситуаций, представляющих собой потенциальные источники угроз. В социальной сфере – это этническая и религиозная напряженность, пандемии, неравномерность распределения населения в регионах. В технологической сфере – энергетические проблемы. И, наконец, в экономической сфере – проблемы глобализма. Рассматривались также трудности, связанные с изменениями климата, нехваткой продовольственных ресурсов и воды.

Что касается политической сферы, то неопределенности связывались с местом, ролью и авторитетом в мире США, России и Китая, процессами распространения ОМУ, усилением религиозного фундаментализма, действиями международного терроризма и транснациональной преступности, обеспечением свободного доступа к энергоресурсам. США и НАТО, на словах признавая приоритетное значение политических мер, решительно делают упор на подготовку к реализации военно-силовых способов превентивного реагирования на потенциальные угрозы.

Впервые такой подход был продемонстрирован во время агрессии Североатлантического альянса против Югославии, затем наступила очередь Ирака, Ливии и других стран. Сегодня именно такая направленность трансформации вооруженных сил США и ОВС НАТО позволяет утверждать, что со стороны ведущих западных стран укрепляется тенденция разрешения возникающих кризисных ситуаций с использованием гибридных невоенных методов, а также военной силы.

Глава 2. «Гибридность» в масштабной войне с противником традиционного типа с учетом фактора многомерности, предполагающего сочетание военного, дипломатического, информационного, финансово-экономического и иного воздействия на противника в реальном времени

Классическим типом военного конфликта является такой конфликт, в котором противоборствующие стороны для достижения своих политических целей применяют регулярные вооруженные силы. Вооруженные силы всех современных государств являются регулярными: они являются важным элементом политической организации государства и главным силовым инструментом продолжения политики другими средствами. Регулярные вооруженные силы являются мощным, надежным и эффективным инструментом обеспечения безопасности или агрессивных устремлений государства.

Военный конфликт, в котором с обеих сторон принимают участие только группировки войск (сил) регулярных вооруженных сил государств, считается «традиционной» войной. Именно в эту модель вписываются все войны в принятом понимании этого термина, будь то войны Наполеоновской эпохи, Первая и Вторая мировые войны, война в Корее (1950–1953 годы) или война в Персидском заливе 1991 году.

Все эти военные конфликты разительно отличаются по своим масштабам, целям, характеру и особенностям, по применяемым средствам поражения и защиты, по стратегии и тактике действий, по итогам и последствиям. Однако у них есть одно общее – они велись группировками регулярных войск (сил), по определенным принципам и правилам.

После окончания Второй мировой войны будущая война виделась как крупномасштабное, ожесточенное и непримиримое военное столкновение двух мировых систем. Театром военных действий рассматривалась вся территория Европы, при этом стороны ориентировались на применение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Вооруженные силы государств готовились вести активные и решительные действия в высоком темпе на широком фронте во всех физических сферах – на земле, в воздухе и на морских просторах. Сценарии любых военных конфликтов между двумя сверхдержавами неизбежно приводили к тому, что та, или другая сторона, в конечном счете,

применит ядерное оружие. Однако первоначальные взгляды на ядерное оружие как на «абсолютное оружие» сменились пониманием того неоспоримого факта, что крупномасштабный военный конфликт в ядерную эпоху означает конец существованию человечества.

Теоретические и практические выводы и соображения, связанные с сущностью и характером ядерной войны, даны в книгах отечественного военного теоретика В.И. Слипченко⁴⁰. Он назвал такой тип военного конфликта «войной пятого поколения»⁴¹ и отмечал, что «ядерным оружием воевать нельзя, им можно только пугать...»⁴². Логическое следствие из ядерного тупика В.И. Слипченко видел в том, что в недрах войн четвертого и пятого поколений (обычная контактная война, ядерная война) уже зарождается и набирает силу новое, шестое поколение войн (обычная бесконтактная война).

С развитием информационных технологий и появлением новых, более совершенных средств ведения обычной войны, концептуальные представления о современном и будущем военном конфликте «традиционного» типа подвергаются серьезным, качественным изменениям. Военные действия в современной «традиционной» войне, если она случится, будут иметь пространственно-неограниченный многомерный характер, охватывая при необходимости значительные территории и околоземное пространство. Даже в рамках региональной или локальной войны между развитыми государствами военные действия будут вестись одновременно на всю глубину территории противника, на сотни и тысячи километров от линии границы.

Важной особенностью современных военных конфликтов является то, что они преимущественно ведутся на урбанизированной местности, в так называемых городских агломерациях, а не на открытой местности, которая на протяжении веков являлась идеальным полем боя для эффективного применения войск и боевой техники⁴³.

⁴⁰ Слипченко В.И. «Война будущего», 1999 г.; «Бесконтактные войны», 2001 г.; «Войны шестого поколения: вооружение и военное искусство будущего», 2002 г.

⁴¹ Основные рубежи смены поколений войн совпадают, главным образом, с историческими качественными скачками в развитии экономики, которые приводили к появлению новых вооружений, что вызывало, в свою очередь, смену форм и способов вооруженной борьбы.

⁴² Попов И.М. Военные конфликты: взгляд за горизонт. Независимое военное обозрение. 12.04.2013.

⁴³ Попов И.М. Матрица войн современной эпохи. Независимое военное обозрение. 22.03.2013.

Появление феномена гибридной войны, который заявил о себе как важная составляющая военных стратегий в конце 90-х – начале 2000-х годов, придает новое качество современным многомерным конфликтам. Свойство многомерности предопределяет трансформацию количественных изменений в качественные по мере развития стратегий, сил и средств современных конфликтов.

Геополитические соперники России не скрывают, что собираются достигать политических целей не только в результате локальных конфликтов, но и готовятся к ведению войн с «высокотехнологичным противником» – с применением высокоточных средств поражения с воздуха, с моря и из космоса и активным ведением информационного противоборства. В то же время свои главные операции в настоящее время наши противники проводят, как правило, тайно, не заявляя о них заранее, отчетливо осознавая, что открытое военное нападение может привести к необратимым последствиям для самого Запада.

Важнейшей особенностью гибридной войны (одновременно и скрытой стратегической угрозой) является ее способность при определенных обстоятельствах выступить катализатором масштабного конфликта, вплоть до глобального.

Ответом США на разнообразные гибридные вызовы и угрозы современности является совершенствование возможностей ВС успешно проводить операции широкого спектра. В этом плане понятие гибридность относится прежде всего к боевой обстановке и условиям, к стратегии и тактике противника и, наконец, к типу сил, которые США и их союзники должны иметь в своем распоряжении.

Наряду с традиционными средами противостояния формируются новые. По словам генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга: «Мы определили киберпространство как военное пространство. Существуют морское, сухопутное и воздушное пространства, теперь к ним добавилось киберпространство». Формируется военно-космическая сфера противостояния, становится все более изощренной борьба в культурно-мировоззренческой сфере⁴⁴.

Военные действия в военном конфликте «традиционного» типа ведутся, как правило, регулярными вооруженными силами, однако их структура и

⁴⁴ Гибридная война – новый вызов национальной безопасности России. Национальная оборона. № 9 сентябрь 2019.

функции меняются. Группировки войск (сил), создаваемые для достижения определенных целей в операциях, уже сейчас носят не только межвидовой, но и межведомственный характер, включая в свой состав сухопутный, авиационный, космический, морской компоненты, а также подразделения сил специальных операций, других формирований различных министерств и ведомств. Яркий тому пример – формирования Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, куда входят части и подразделения различных федеральных органов. Серьезные изменения происходят сегодня в организационной структуре подразделений, частей, соединений и объединений регулярных воинских формирований. Мировой тенденцией становится постепенный отход от их жесткой организационной структуры к гибкости и модульности (гибридности), обеспечивающих выполнение оперативных (боевых) задач.

Принцип модульности (гибридности) позволяет создавать в каждом конкретном случае на каждом конкретном направлении необходимые группировки войск (сил) тактического, оперативного или даже стратегического уровня. Для непосредственного ведения военных действий в военных конфликтах будущего могут найти свое применение разведывательно-ударные воинские формирования, представляющие собой высококомобильные тактические части и подразделения, оснащенные разведывательными и навигационными комплексами, разнообразными системами вооружения и военной техники, действующие в едином информационно-коммуникационном пространстве. Включенные в единую сеть, эти формирования будут способны оперативно перемещаться в пространстве, концентрироваться в нужном месте, наносить «точечные» удары по критически важным объектам противника и «растворяться» после выполнения боевой задачи.

«Традиционный» военный конфликт, как показывает опыт войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий, может произойти практически мгновенно или, наоборот, зародиться постепенно путем нарастания соответствующих угроз, в том числе гибридных, когда одна из сторон будет достаточно долго наращивать свою группировку сил вторжения, а вторая будет иметь возможность подготовиться к отражению агрессии.

В первой четверти XXI века радикальные изменения системы международных отношений в условиях ведения гибридных войн между различными государствами привели к тому, что адекватность восприятия конфликта на международном и национальном уровнях оказывается весьма

неоднозначной. Особую озабоченность вызывает необъективность Совета Безопасности ООН по различным международным проблемам, затрагивающим национальные интересы России. Действия НАТО в Югославии и Ливии положили начало новому явлению в межгосударственных отношениях, выражающемуся в монополии по применению силы в международных отношениях. В ряду подобных феноменов находится также агрессия США и их союзников против Ирака в марте 2003 года.

Эгоцентричные акценты в политике государств в условиях серьезного обострения военно-политической обстановки, многомерность гибридных действий и угроз позволит усилить концентрированное давление на государство-оппонента в дипломатической, финансово-экономической, информационно-коммуникационной сферах и использования кибероружия. Угрожающую актуальность приобретают шаги США, направленные на снижение порога самоограничения в применении кибероружия. Такое решение подтверждает предположения о том, что Соединенные Штаты в стратегическом плане готовятся к реализации силовых сценариев разрешения противоречий со своими геополитическими противниками.

Проблему представляет также возрастание масштабов, разнообразия средств и скорости информационного воздействия на объект гибридной агрессии. Информационные системы и технологии воздействия в начале XXI века вышли на новый количественный и качественный уровень, что придает информационному оружию недоступный ранее пространственный масштаб, особую остроту и угрожающую актуальность с учетом жесткой антироссийской составляющей в политике США и НАТО.

Западная военная мысль выработала в настоящее время типовую модель масштабной «традиционной» войны активного (агрессивного) типа, которая уже неоднократно реализовывалась на практике⁴⁵. В общем виде она включает в себя три периода:

1. Подготовительный период, который может длиться от нескольких часов до нескольких месяцев.
2. Активный период военного конфликта, включающий в себя три этапа: этап скоординированного и массированного применения ракетно-авиационных

⁴⁵ Попов И.М. Военные конфликты: взгляды за горизонт. Независимое военное обозрение. 12.04.2013.

ударов с целью максимального ослабления военного и экономического потенциала, морального духа войск и населения противника; этап наземной операции вторжения; этап проведения военных операций по уничтожению противостоящих группировок войск противника, захвату ключевых объектов и установлению контроля над его территорией.

3. Период постконфликтного урегулирования (проведения операций по стабилизации обстановки)⁴⁶.

В рамках этой модели военного конфликта военные действия будут иметь скоротечный характер (часы, дни, недели), а период постконфликтного урегулирования может продолжаться годами. Содержанием масштабных военных действий в конфликтах будущего станет точечное воздействие на выявленные критически важные объекты противника, под которыми понимаются ключевые объекты систем военного и государственного управления, группировки войск противника (элементы оперативного построения и боевого порядка), ключевые элементы транспортной инфраструктуры и промышленности, объекты энергетики и жизнеобеспечения населения.

В конфликтах будущего ставка будет делаться на «бесконтактную» войну, широкое применение различных систем высокоточного «умного» оружия различного назначения. При этом «бесконтактный» характер военных действий предполагает уничтожение или поражение противника на дальних дистанциях задолго до боевого соприкосновения. В идеальном варианте, войска противника вообще не должны выйти из мест постоянной дислокации или, в крайнем случае, они должны быть уничтожены на маршрутах выдвижения. Такое, естественно, возможно только при условии абсолютной информационной осведомленности, прежде всего о противнике, его замыслах и намерениях.

Существенное влияние на характер войн и вооруженных конфликтов «традиционного» типа оказывает комплекс применяемых систем вооружения, военной и специальной техники. Речь идет о кинетическом и некинетическом оружии, информационном, психотропном, консциентальном⁴⁷, геофизическом, климатическом и других видах оружия. В результате, регулярные вооруженные силы государства в будущем могут вообще не иметь ничего общего с их

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Консциентальное оружие – такая технология работы с сознанием, которая нацелена на поражение и уничтожение определенных форм и структур сознания, а также некоторых режимов его функционирования.

современным обликом. Соответственно, формы и способы применения группировок войск (сил), да и сам характер военного конфликта будущего могут не соответствовать нашим сегодняшним представлениям.

Если проанализировать все оперативные мероприятия Североатлантического альянса у российских границ за последнее десятилетие (в т.ч. широкомасштабные учения НАТО типа «Крепкий джаз 2013», «Балтийский хозяин 2019» с активной фазой на территории Польши и стран Балтии, «Защитник Европы 2020», в ходе которых отрабатывались сценарии войны с Россией), то можно сделать, исходя из имеющихся фактов, вполне определенные выводы. Россия по-прежнему рассматривается НАТО в качестве главного противника. Мероприятия боевой и оперативной подготовки ОВС НАТО нацелены на отработку и совершенствование методов планирования и ведения военных (боевых) действий против Вооруженных Сил РФ (рис. 2).

В соответствии с принятой 2 февраля 2018 года новой доктриной ядерной политики (Nuclear Posture Review)⁴⁸, где декларируется приоритет совершенствования ядерных вооружений, США развивают ядерное оружие малой мощности, «для противостояния угрозам XXI века». * В этом плане США допускают применение ядерного оружия на Европейском театре войны⁴⁹. США намерены разместить в Европе новые ядерные авиабомбы варьируемой мощности и повышенной точности. Это означает, что США сознательно понижают порог применения ядерного оружия, целенаправленно увеличивая риск возникновения ядерного конфликта с катастрофическими последствиями. Директор департамента по нераспространению и контролю над вооружениями МИД России В.И. Ермаков заявил, что «размещение американскими властями ядерного вооружения в Европе является подготовкой к его применению»⁵⁰.

⁴⁸ Обзор ядерной политики. Аппарат министра обороны. Февраль 2018.

⁴⁹ США готовят в Европе для ограниченной ядерной войны. «Вести. Экономика». 26 апреля 2019.

⁵⁰ В МИД заявили о подготовке США к применению ядерного оружия в Европе. RT на русском. 14 апреля 2019.

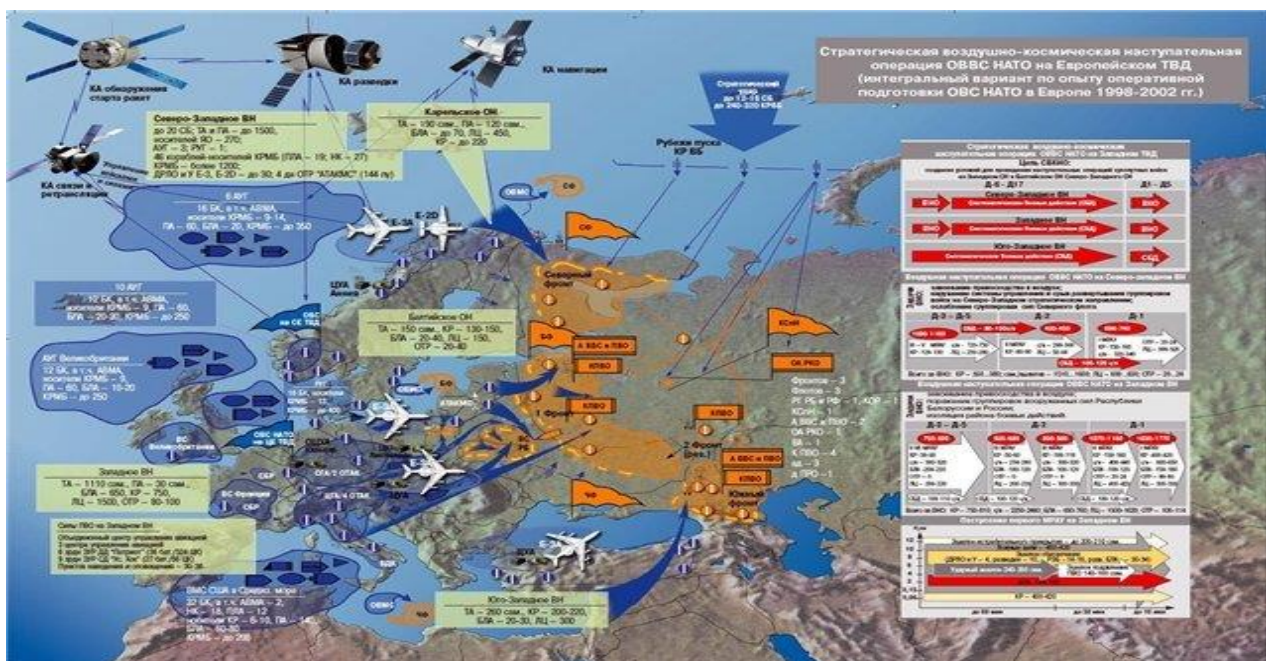

Рис. 2. Стратегическая воздушно-космическая наступательная операция ОВВС НАТО на Европейском ТВД (по опыту оперативной подготовки ОВС НАТО в Европе в 2002 г.)

Запад рассматривает польскую территорию как место главного сражения в гипотетическом военном конфликте с Россией и готов в случае войны использовать все доступные средства, включая ядерный удар. Подобные планы существуют и в настоящее время⁵¹. На Европейском континенте насчитывается более полутора сотен ядерных бомб США. Это так называемые В-61 общей мощностью 18 мегатонн. Размещены они в подземных хранилищах на авиабазах в Германии, Италии, Бельгии, Нидерландах, Румынии и Турции⁵².

В ходе проводимых учений соответствующими планами НАТО предусматривается, что в случае реального военного конфликта с Россией, альянс должен быть готов к решению следующих задач:

нанесение удара высокоточными средствами поражения в обычном оснащении по объектам системы государственного и военного управления РФ, аэродромной сети, а также по железнодорожным магистралям с целью воспрепятствования переброски дополнительных контингентов российских войск в район вооруженного конфликта;

блокирование и уничтожение кораблей российского флота в военно-морских базах;

⁵¹ Польский генерал оценил готовность НАТО применить ядерное оружие против России в случае войны. Федеральное агентство новостей. 4 апреля 2019.

⁵² *Иваница Ф.* Делайте, как мы сказали: Брюссель получил ультиматум от Вашингтона. Телеканал «Звезда». 19 мая 2019.

проведение информационных операций в российских социальных сетях с целью подрыва морального духа населения, распространения паники и хаоса, подрыва доверия к органам государственной власти и управления, а также срыва мобилизационных мероприятий;

заброска диверсионно-разведывательных групп на территорию Калининградской, Псковской, Новгородской, Ленинградской, Смоленской, Курской, Белгородской областей и других субъектов РФ с целью поиска, и уничтожения объектов 12-го Главного управления МО РФ, развернутых ОТРК, воздушно-космической компоненты и систем ПВО-ПРО, других целей, представляющих первостепенную опасность для альянса;

разведка системы российской ПВО, уничтожение ее сил и средств в полосе пролета авиации НАТО и в районе боевых действий, радиоэлектронное подавление системы управления ПВО;

нанесение тактического ядерного удара по развернутым группировкам российских войск.

Среди целей для кибератак НАТО в период военного конфликта с Российской Федерацией определены, в частности, сайты:

президента РФ и правительства России;

Министерства обороны РФ, других российских силовых министерств и ведомств;

сайты крупнейших информационных агентств России;

официальные интернет-порталы субъектов РФ⁵³.

Учитывая изложенное, необходимо отметить, что с окончанием XX века «традиционная» война, понимаемая как столкновение группировок войск исключительно регулярных вооруженных сил двух противоборствующих сторон, постепенно приобретает все более комплексный и сложный характер.

Крупномасштабная война в том смысле, который вкладывает в это понятие отечественная военная наука, применительно к Российской Федерации представляется маловероятной. Такая война, как отмечалось выше, в процессе своего развития неизбежно подойдет к опасной фазе перерастания в ядерный конфликт с глобальными последствиями.

⁵³ НАТО отработала сценарий войны против России. Азиатский репортер: Деловые хроники Востока. 17 февраля 2014.

В основу концепции войн шестого поколения или «бесконтактных» войн положены соображения о том, что задачи крупномасштабной войны могут быть решены не массовыми армиями, как это имело место в прошлом, а в ходе «точечного» поражения ключевых целей и критически важных объектов противника высокоточными средствами поражения нового поколения.

Вместе с тем, в войнах шестого поколения не исключается ситуация, когда проигрывающей стороной (коалицией) по территории, важным объектам и группировкам войск противника будет применено оружие массового уничтожения. Эта угроза существует и будет существовать до тех пор, пока будут сохраняться ядерные арсеналы (рис.3). Ведущие государства мира стоят на позициях, что ядерная война недопустима, поэтому между ними опасным является даже вооруженный конфликт самого незначительного масштаба.

Рис. 3. Стратегическое ядерное оружие России и США (по данным Стокгольмского международного института исследований мира на 2015 год)

	НАЗЕМНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	МОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	ВВС
 РОССИЯ всего 2825 боеголовок	1357 боеголовок 68 Межконтинентальные баллистические ракеты Р-36МУТТХ и Р-36М2 (SS-18) 72 Межконтинентальные баллистические ракеты УР-100НУТТХ (SS-19) 180 Подводные грунтовые комплексы Тополь (SS-25) 50 Комплексы Тополь-М шахтного базирования (SS-27) 15 Мобильные комплексы Тополь-М (SS-27)	612 боеголовок 13 Ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН): 7 пр. 667БДРМ (Delta IV), 5 пр. 667БДР (Delta III) На них 292 пусковые шахты: • Ракетный комплекс с ракетами Р-29Р (SS-N-18) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМ (SS-N-23) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМУ2 «Синева»	856 крылатых ракет 14 Бомбардировщики Ту-160 (Blackjack) 63 Бомбардировщики Ту-95МС (Bear H) • Бомбардировщики Ту-22М3
 США всего 5900 боеголовок	1700 боеголовок 50 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-118А Peacekeeper (MX) 500 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-30G «Minuteman-III»	3168 боеголовок 18 Подводная лодка атомная с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) (класс «Ohio» SSGN/SSGN) На них: 144 Пусковые установки с БРПЛ «Trident-1» 288 Пусковые установки с БРПЛ «Trident-2»	1098 крылатых ракет Тяжелые бомбардировщики: 81 В-1 20 В-2 142 В-52

С другой стороны, некоторые развивающиеся государства упорно стремятся получить доступ к оружию массового уничтожения и средствам его доставки, исходя из того, что членство в «ядерном клубе» является лучшей гарантией национальной безопасности. По этой и многим другим причинам военно-политическое руководство Соединенных Штатов и других ведущих западных стран не исключает любого варианта развития событий в будущем, включая ядерную войну и всеобщую войну обычными вооружениями. Хотя вероятность ядерной войны оценивается, как крайне низкая, США считают необходимым иметь самые мощные в мире стратегические ядерные силы.

Действующая военная стратегия США не исключает нанесения отдельных ядерных ударов в операциях по предотвращению распространения ядерного оружия, борьбе с терроризмом. Разработана также программа переоснащения

МБР обычными высокоточными боевыми частями для нанесения «быстрых (мгновенных) глобальных ударов»⁵⁴.

Так, еще в 1999-2000 годах в документах министерства обороны США стал использоваться термин «быстрый глобальный удар»; отмечалась необходимость разработки технологий нанесения молниеносных глобальных ударов неядерными боеприпасами высокой точности и глубокого проникающего действия.

Войны нового типа в исполнении США характеризуются многообразием форм и способов развязывания вооруженного конфликта, приоритетом систем разведки, управления и высокоточного поражения, использующих преимущества в получении, обработке и реализации полученных данных в реальном масштабе времени, высокоманевренным, вплоть до бесконтактного, ведением военных (боевых) действий на всю глубину фронта, перемещением в воздушное и космическое пространство.

При этом США стремятся максимально исключить применение своими противниками ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, поскольку демографический порог «неприемлемого ущерба» для их вооруженных сил чрезвычайно низок и исчисляется на уровне от десятков тысяч (в случае «локальной войны») до миллиона (в случае «большой войны») человек⁵⁵.

Угроза глобальной ракетно-ядерной войны, доминировавшая в эпоху недавнего открытого противостояния двух мировых социально-экономических систем и блоков – СССР и США, ОВД и НАТО, в целом ослабла. Определенные угрозы подобного формата гипотетически исходят и от других ядерных стран: КНР, Израиля, мусульманских государств и некоторых других. Но реальная угроза массированного ракетно-ядерного удара по территории России на ближайшие десятилетия сохранится лишь со стороны США и их союзников по НАТО. При этом вероятность такой войны на данном этапе можно считать

⁵⁴ Идея «быстрого глобального удара» начала формироваться в США в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века под влиянием завершения «холодной войны» и развития процесса ограничения ядерных вооружений. В политических и военных кругах началось обсуждение идеи достижения США полного глобального военного превосходства (full spectrum dominance), в т.ч. за счет расширения арсенала американских ВС путем создания новых эффективных неядерных вооружений – при сохранении ядерных средств сдерживания.

⁵⁵ Военная реформа как составная часть концепции безопасности Российской Федерации: системно-динамическая оценка. Экспертный доклад. 6 февраля 2013 г.

минимальной в силу сохранения Россией своего стратегического ядерного потенциала и потенциала гарантированного нанесения ответного ракетно-ядерного удара. Все это делает ядерное оружие потенциалом «последнего аргумента» и объектом непрерывного военно-технического соревнования сверхдержав в попытках нейтрализовать этот силовой фактор.

В современных условиях крупномасштабная военная агрессия со стороны НАТО против Российской Федерации в традиционных формах – при поддержании на необходимом и достаточном уровне российского потенциала ядерного сдерживания – в ближайшей перспективе маловероятна⁵⁶, но она все же существует. Об этом заявил начальник Генерального штаба ВС России В.В. Герасимов во время выступления перед военными атташе иностранных государств 17 декабря 2019 года. Сценарии интенсивных военных учений НАТО указывают на целенаправленную подготовку альянса к крупномасштабному военному конфликту⁵⁷. Отсутствие вероятности вооруженного столкновения между великими державами не означает, что между ними не может быть периодических обострений противоречий и даже роста напряженности, что хорошо видно на примере политики последовательного наложения санкций со стороны США и других стран НАТО в отношении России в 2014–2021 годах.

В последние десятилетия США и страны НАТО активно разрабатывали концепцию *обезоруживающего глобального удара* по объектам системы управления и стратегических ядерных сил России такой силы и масштаба, который полностью исключал бы возможность какого-либо ответного применения российского ядерного оружия с нанесением США «неприемлемого ущерба». Вот почему наивысший приоритет в программах военного строительства США получили системы ударных вооружений, которые отличаются высокой точностью, трудностью их обнаружения и повышенной дальностью⁵⁸.

К таким системам, в частности, относят крылатые ракеты морского и воздушного базирования (для нанесения ударов с рубежей, недоступных для

⁵⁶ Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века. М., 2008. С. 59.

⁵⁷ Генштаб увидел в учениях НАТО подготовку к крупномасштабному конфликту. Известия. 18 декабря 2019.

⁵⁸ Сивков К. Неядерная дубина Пентагона. США способны реализовать концепцию быстрого глобального удара исключительно для решения локальных задач. Военно-промышленный курьер № 9 (477). 6 марта 2013.

средств обороны противника), самолеты, разработанные по технологии «стелс» (стратегические и тактические), беспилотные системы поражения (прежде всего для ударов по РЛС и космическим аппаратам в системе воздушно-космической обороны), разведывательно-ударные системы (для поражения групповых, а также точечных высокозащищенных целей в глубине территории противостоящих государств). Новым этапом в развитии этих средств стали активные работы в области гиперзвуковых средств доставки, что к уже упомянутым качествам высокоточного оружия добавляет еще одно важнейшее для воздействия по ядерному потенциалу России качество – минимальное подлетное время. Постановка таких систем на вооружение фактически вернет национальную безопасность России в положение 80-х годов XX века, когда в Европе были развернуты ракеты средней дальности, и время реагирования на военную угрозу ужималось до 8–10 минут.

Западные аналитики подчеркивают ориентацию указанных систем, прежде всего, на неядерный конфликт. При этом отмечают, что, в силу своей высокой эффективности, сочетания большой мощности, точности и скрытности, действующие и перспективные обычные вооружения, будут способны решить практически все боевые задачи, включая и стратегические. Таким образом, налицо явное стремление США к приобретению возможности обезоруживающего неядерного удара по стратегическим ядерным силам России⁵⁹.

Исходя из вышесказанного, теоретически серьезной представляется угроза нанесения кораблями ВМС США (вместе со стратегической и, возможно, палубной авиацией) массированного обезоруживающего неядерного удара с помощью крылатых ракет «Томагавк» по объектам стратегических ядерных сил РФ. Такой удар может уничтожить значительную часть российских МБР, ракетных подводных крейсеров стратегического назначения и бомбардировщиков, причем без глобальной экологической катастрофы. При таком сценарии американские стратегические ядерные силы (СЯС) полностью сохраняют свой потенциал. Ответный удар оставшимися российскими СЯС может быть парирован с помощью ПРО. В отражении этого удара также могут принять участие корабли ВМС США с ЗУР «Стандарт-SM3» с соответствующими РЛС. Для выполнения этих задач американские корабли

⁵⁹ Удар по России: миф или реальность? «Национальная оборона» № 9, сентябрь 2014.

должны наносить удар из Арктики, поскольку отсюда простреливается крылатыми ракетами (КР) «Томагавк» большая часть российской территории (и большая часть объектов СЯС) (рис. 4).

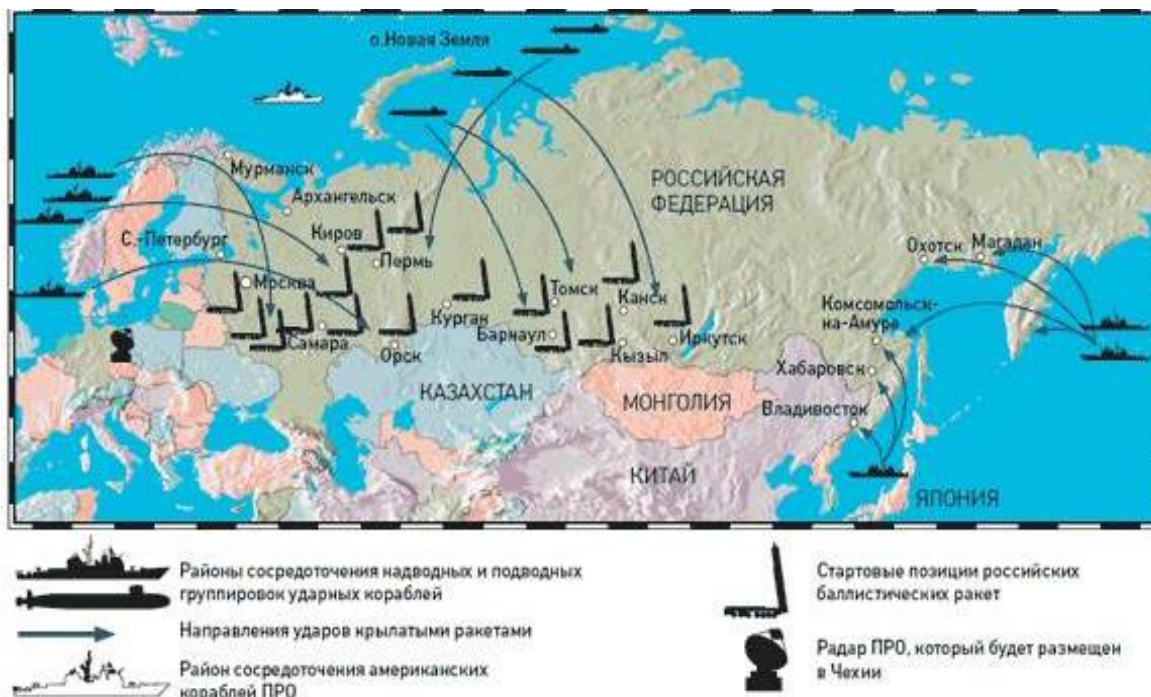

Рис.4. Возможный вариант нанесения кораблями ВМС США удара по объектам СЯС РФ

Подобный сценарий имеет ряд существенных рисков и ограничений:

1. Обезоруживающий удар должен быть единственным, поскольку если первый удар не принес ожидаемого результата, либо принес ограниченный успех, возможности нанести второй удар уже не будет, поскольку РФ автоматически нанесет полномасштабный ядерный удар по территории США. Следовательно, в первом и единственном ударе должен быть задействован максимальный потенциал ВМС и ВВС США. Это означает, что большая часть американских кораблей с КР «Томагавк» должна подойти на минимальное расстояние к берегам России, что не может быть не замечено российским командованием. Если же удар не будет внезапным, то он теряет смысл.

2. Нанесение обезоруживающего удара с помощью КР «Томагавк» и решение задачи ПРО входят в противоречие друг с другом, поскольку КР и ЗУР «Стандарт» размещаются в одних и тех же ячейках установок вертикального пуска Mk41. Таким образом, чем больше КР, тем меньше ЗУР и наоборот.

3. Дивизии ракетных войск стратегического назначения, дислоцированные в регионах Сибири, остаются вне зоны досягаемости КР «Томагавк» даже при стрельбе по ним из арктических вод⁶⁰.

Соответственно, проведение в жизнь подобного сценария возможно только при реализации одновременно нескольких условий:

при потере боеспособности РВСН, ВВС и ПВО, ВМФ и космической группировки РФ, что минимизирует количество целей для обезоруживающего удара и возможности по его отражению и по нанесению ответного удара (как по территории США, так и по кораблям ВМС США, наносящим обезоруживающий удар);

США значительно нарастят ударный потенциал ВМС и ВВС, что не очевидно в условиях бюджетных ограничений и не останется без внимания со стороны российского военного-политического руководства;

политические отношения между США и РФ ухудшатся до такой степени, что руководство США сочтет риск войны с Россией приемлемым. В настоящее время наблюдается противоположная тенденция.

Следует подчеркнуть, что обязательно должны быть выполнены все три условия одновременно, при невыполнении хотя бы одного удар наноситься не будет. Поэтому вероятность реализации подобного сценария следует считать очень низкой.

Для США совершенно очевиден высокий риск перерастания такого конфликта из обычного в ядерный. Причем противник может первым принять решение на применение стратегического ядерного оружия. Поэтому провоцировать такую атаку по своей территории без гарантий ее надежного отражения американское военно-политическое руководство вряд ли станет. Военная угроза со стороны США и НАТО в данный момент не является угрозой «завтрашнего дня», но вероятность ее возрастает в условиях обострения глобального системного кризиса и нарастающей гибридной борьбы между «центрами силы» за ресурсы и рынки, что уже сегодня требует принятия эффективных мер по противодействию такой угрозе.

Таким образом, в ближайшем будущем опасность возникновения крупномасштабной войны (вооруженного конфликта) является незначительной,

⁶⁰ Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Т. 1. Российский совет по международным делам. Аспект пресс. М., 2013. С. 327.

но при определенных изменениях военно-стратегической обстановки вероятность ее развязывания может существенно повыситься, что требует поддержания готовности обороны РФ на надлежащем уровне.

Гибридная война против России и ее союзников не прекращалась и в период относительного «потепления» отношений с Западом в начале 1990-х гг., а в настоящее время приняла ожесточенную форму в условиях проведения нашей страной самостоятельной внешней политики, соответствующей национальным интересам. В результате изменения баланса военных и невоенных видов борьбы на современном этапе гибридная война фактически становится новой формой межгосударственного противоборства. Угрожающая реальность этого феномена ужесточает императив обеспечения национальной безопасности России, заключающийся в продолжении курса на укрепление Вооруженных Сил.

Появление новых изоциренных форм агрессии обуславливает необходимость заблаговременного создания механизмов нейтрализации негативного влияния внешних вмешательств и внутренних экстремистских действий за счет укрепления гражданского общества, консолидации союзников и партнеров, защиты национальных ценностей и национальных интересов как факторов внутренней мобилизации для противостояния цветным революциям и гибридным войнам. Особое внимание должно уделяться опережающим разработкам, нацеленным на адаптацию к военным нуждам некоторых современных информационных и гуманитарных технологий.

Глава 3. Положение теории гибридных войн в рамках подготовки ограниченной войны против противника традиционного или иррегулярного типа

В настоящее время наряду с качеством оружия важнейшее влияние на характер войны, ее пространственный размах, избираемые средства, формы и способы борьбы все большее влияние оказывает содержание политических целей, которые необходимо достигнуть в результате войны. Анализ современных вооруженных конфликтов показывает, что технологически развитые страны практически полностью отказались от ведения массовых войн классического типа, и предпочитают добиваться своих политических целей посредством «ограниченной войны».

Это объясняется, прежде всего, тем, что чрезвычайно возросшая мощь оружия в войнах последнего столетия стала сопровождаться огромными потерями населения и экономического потенциала, а появление оружия массового поражения поставило под сомнение возможность пользоваться плодами победы в силу негативных экологических и иных последствий. Отсюда возникла и развивается идея управления международными кризисами и военными конфликтами.

Цель этого управления – принудить противника или соперника к принятию навязываемых ему условий, но без существенных материальных, а главное – людских, потерь (прежде всего, со своей стороны). Эта цель и определяет границы применения силы по следующим основным показателям: ограничение театра военных действий по пространству границами государства-жертвы агрессии; ограничение вооруженного противоборства по физическим сферам, борьба в воздухе и в космосе и воздействие из этих сфер по наземным объектам; ограничение вооруженной борьбы по средствам – недопущение применения ядерного и других видов оружия массового поражения.

В целом, сущность управления военным конфликтом в военно-техническом плане заключается в навязывании противнику тех способов и форм противоборства, использование тех сил и средств, в которых активная сторона имеет явное преимущество. Под влиянием этих и других факторов стратегические цели и задачи войны, формы и способы ее ведения, т.е. основные черты характера войны, стали меняться, что нашло проявление в следующем.

Во-первых, стремление к тотальному физическому уничтожению противника трансформировалось в уничтожение его ключевых жизнеобеспечивающих объектов и лишение способности организованного функционирования основных институтов государства и группировок ВС. Во-вторых, непосредственный контакт ведущих военные (боевые) действия войск стал заменяться огневым контактом на удаленных дистанциях. Дистанционное противоборство стало превалировать над контактными, повысился удельный вес «дальнего поражения», что в свою очередь приводит к исчезновению четкого разделения понятий «тыл» и «фронт». В-третьих, наряду с физическим воздействием на население и войска исключительную роль стало приобретать информационное воздействие, в том числе информационно-техническое, направленное главным образом против систем управления войсками и оружием, и информационно-психологическое, направленное против личного состава вооруженных сил и населения. В-четвертых, общая цель войны – принуждение политического руководства страны-жертвы принять навязываемые агрессором условия – все чаще достигается не только и не столько непосредственным применением военной силы⁶¹.

Гораздо активнее стала использоваться стратегия непрямых действий с присущими ей политико-дипломатическим и финансово-экономическим давлением, информационным воздействием, международно-правовыми и экономическими санкциями, подрывными акциями сил специальных операций, подкрепленными демонстрацией военной силы и готовности к ее применению. Когда этот комплекс средств не приносит желаемых результатов, военная сила применяется непосредственно. И тогда воля политического руководства жертвы агрессии к сопротивлению ломается за счет подрыва жизненных сил страны путем уничтожения ключевых объектов управления, энергетики и промышленности при параллельном внушении ее народу, равно как и мировому сообществу, мысли о неспособности действующего руководства эффективно управлять государством.

В военном искусстве существует ряд известных принципов, к которыми можно отнести: активность и инициатива, упреждение противника в действиях; асимметричность действий, применение неожиданных для противника приемов

⁶¹ «Ограниченная война»: концепция современных и будущих военных конфликтов. Современная армия. Вооружение, тактика, боевой опыт. 14 июня 2012.

и способов; результативность действий, нанесение противнику чувствительных потерь; комплексное использование всех способов и форм противоборства, военных и невоенных, таких как: превентивная дипломатия, активное и наступательное информационное воздействие, экономические санкции, при необходимости – применение специальных операций, подрывные действия; и, наконец, в критических ситуациях – готовность и решимость применить ядерное оружие и убедительная демонстрация готовности сделать это. В этом суть сдерживания противника от попыток силового разрешения конфликта или от попыток эскалации военного конфликта⁶².

Возникшая в последние годы форма военного конфликта, начинающегося с «мирных» антиправительственных акций и завершающаяся жестокой гражданской войной и внешней интервенцией, вполне может быть названа новым типом войны современной эпохи. Такая война выходит за рамки традиционных представлений о ней, приобретая комбинированный характер, превращаясь в запутанный клубок политических интриг, ожесточенной борьбы за ресурсы и финансовые потоки, непримиримых цивилизационных столкновений. В ход пускаются все возможные средства, стороны прибегают к любым, самым бесчестным способам и приемам действий – как силовым, так и несиловым.

Содержанием военных действий в войне нового типа становится не физическое уничтожение вооруженных сил противника, а деморализация и навязывание своей воли всему населению государства. На поле боя современного военного конфликта наряду с регулярными войсками появляется множество новых действующих лиц – иррегулярные формирования повстанцев и боевиков, криминальные группировки, международные террористические сети, частные военные кампании и иностранные наемники, подразделения спецслужб разных стран мира, а также воинские контингенты международных организаций.

С развитием информационных технологий и появлением новых, более совершенных средств ведения обычной войны, концептуальные представления о современном и будущем военном конфликте «традиционного» (регулярного) типа подвергаются серьезным, качественным изменениям. Сегодня война может

⁶² «Ограниченная война»: концепция современных и будущих военных конфликтов. Современная армия. Вооружение, тактика, боевой опыт. 14 июня 2012.

вестись во всех физических средах – на суше, в воздухе, на воде и под водой, в космическом пространстве. Однако уже сейчас, а тем более в будущем, добавляются другие сферы: киберпространство, информационный и когнитивный домены. В результате, если в прошлом достижение политических целей в войне достигалось исключительно в ходе вооруженной борьбы, то сейчас эти цели могут быть достигнуты без единого выстрела. Когнитивная составляющая современного военного конфликта играет все более важную роль и охватывает сферу выработки и принятия решений с учетом национальной психологии и ментальности, разнообразных цивилизационных факторов и аспектов⁶³.

Содержанием военных действий в конфликтах будущего станет точечное воздействие на выявленные «центры тяжести» противника, под которыми понимаются ключевые, критически важные объекты боевого порядка или оперативного построения войск противника, ключевые элементы инфраструктуры, объекты энергетики и жизнеобеспечения населения. Для достижения этих целей ставка будет делаться на «бесконтактную» войну, широкое применение различных систем высокоточного «умного» оружия различного назначения. Соответственно, главные усилия в военном конфликте должны быть направлены на уничтожение политических лидеров страны противника, причем в этом контексте под уничтожением не обязательно понимается физическая ликвидация, но и акции по идейной, политической и морально- нравственной дискредитации.

С окончанием XX в. «традиционная» война, понимаемая как столкновение группировок войск исключительно регулярных вооруженных сил двух противоборствующих сторон, постепенно приобретает все более комплексный и сложный характер. Безусловно, отдельные бои, операции и сражения, ведущиеся «по уставу» между группировками войск (сил) регулярных вооруженных сил противоборствующих государств, сохраняют свое значение и в войнах современной эпохи. Такие столкновения имели место в период войны в Ираке в 2003 г. Подобные столкновения могут иметь место в случае развязывания войны США с Ираном. По мере совершенствования средств и способов ведения «традиционных» (регулярных) войн и вооруженных конфликтов формировался

⁶³ *Попов И.М.* Военные конфликты: взгляд за горизонт. Независимое военное обозрение. 12 апреля 2013.

устойчивый стереотип: побеждает сильнейший. Вместе с тем, стремление более слабых в техническом и иных отношениях государств противостоять агрессии более сильных стран способствовало появлению концепции асимметричного конфликта.

Указанные факторы приводят к изменениям методов и организации конфликтов нового поколения с использованием невоенных и военных средств и формируют так называемые «гибридные» стратегии, которые лежат в основе – гибридных войн и цветных революций. Объединяет обе стратегии ставка на достижение политических целей с минимальным военно-силовым воздействием на противника за счет использования современных информационно-когнитивных технологий с опорой на мягкую и жесткую силу.

Теория гибридных войн в рамках подготовки ограниченной войны против противника традиционного типа предусматривает использование непрямых методов, связанных с введением санкций, наращивание силового давления, целенаправленное разрушительное информационно-психологическое воздействие на сознание правящих элит и всего населения страны, создание и поддержку иррегулярных вооруженных формирований, задействование сил специальных операций, участие организованной преступности и террористических группировок, что в совокупности создает крайне опасную, неподконтрольную ситуацию в стране-мишени. В результате образуются обширные зоны неопределенности, связанные с действиями разнородных субъектов, зачастую не координирующих свои планы, а действия одного из них могут вызвать лавинообразное изменение всей военно-стратегической и политической обстановки. Эти и некоторые другие факторы создают серьезные препятствия при попытках предвидеть ход и исход гибридной войны.

Такая неопределенность влечет за собой ряд других особенностей при использовании гибридных технологий в ограниченной войне. Например, здесь неприменимы понятия миротворчества, построенные на принципах согласия сторон конфликта, нейтралитете и беспристрастности самих миротворцев. Миротворцы привлекаются в результате переговоров между сторонами конфликта и в качестве первого шага осуществляют разведение сторон. Возможно вмешательство миротворцев в военные действия для поддержки одной из сторон, определенной международным сообществом. Если в гибридной войне одним из очевидных субъектов выступает государство-жертва агрессии, то определить самого агрессора как вторую сторону конфликта непросто.

При этом факт гибридной агрессии становится очевидным не сразу. Этот тезис следует в первую очередь отнести к важным составляющим гибридной войны – информационной и кибернетической войнам. В обоих случаях сложно определить субъекта агрессии, кроме того, информационное и кибероружие обладают высокой скрытностью на начальном этапе применения.

Эти и некоторые другие особенности использования гибридных технологий при подготовке к ведению ограниченной войны обуславливают ее коренное отличие от других конфликтов, прежде всего за счет уникальной возможности лишить противоборствующую сторону фактического суверенитета без захвата территории государства военной силой. Гибридная война превращается в новую форму межгосударственного противостояния, что настоятельно требует изучения этого феномена и его учета в военной теории и практике.

Государство-агрессор в процессе разработки стратегического плана ограниченной войны с использованием гибридных технологий как нового вида межгосударственного противостояния строит свою деятельность поэтапно. Этапы подготовки и реализации плана включают:

вскрытие слабых и уязвимых сторон в обеспечении внутренней и внешней безопасности страны-мишени;

формирование комплекса гибридных угроз с учетом местной специфики для воздействия на объект агрессии;

оказание последовательного разрушительного воздействия на ключевые сферы управления коллективной деятельностью людей: административно-государственное (политическое) управление; управление культурно-мировоззренческой сферой; управление социально-экономической сферой.

На последующих этапах осуществляется развертывание необъявленных военных действий, в ходе которых страна-агрессор (или коалиция государств) атакует государственные структуры, экономику, культурно-мировоззренческую сферу и регулярную армию противника с помощью местных мятежников и сепаратистов, снабженных оружием и финансами из-за рубежа, при поддержке частных военных компаний, сил специальных операций, с применением санкций и подрывных информационно-коммуникационных технологий. Важное место отводится действиям «пятой колонны», которая используется для нанесения таранных ударов по власти в ходе

В военном плане США постепенно переходят от борьбы с радикальными террористическими группировками к противоборству с традиционными соперниками – Россией, Китаем, Ираном и КНДР. Европа и Азия вновь становятся «приоритетными театрами военных действий» для американских войск.

С политической точки зрения, вопрос о вероятности участия России в ограниченной войне неоднозначен. Общеизвестен ряд «горячих» и чрезвычайно уязвимых для нашего государства регионов как внутри России (Северный Кавказ, Поволжье), так и по ее периметру (Украина, Центральная Азия, Приднестровье). Возможное инспирирование затрагивающих интересы нашей страны вооруженных конфликтов в этих регионах и вынужденное втягивание в них России будет направлено на то, чтобы измотать ее в экономическом и военном отношении, дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию, создать условия для смены руководства страны и выбранного политического и экономического курса с подчинением в конечном итоге своим глобальным интересам (интересам транснациональных компаний). В результате могут быть предприняты попытки создания благоприятных условий для отсечения от России по частям целых регионов. Это в полной мере соответствует принципу постановки в войне ограниченных целей, что, по мнению западных аналитиков, позволит избежать крупномасштабной, и тем более ядерной войны, чреватой массовыми материальными и людскими потерями.

Если этого окажется недостаточно, усилия будут наращиваться по линии информационного воздействия, экономических санкций и даже блокады и других мер, включая дестабилизацию внутри Российской Федерации и втягивание ее в вооруженные конфликты по периметру границ. Завершаться же они могут, при необходимости, операциями по принуждению к миру. После вышеизложенного представляется целесообразным рассмотреть, как теория гибридных войн реализуется на практике в рамках подготовки ограниченной войны США против Ирана с необходимым для этого кратким историческим экскурсом.

Анализ исторического опыта становления США как мировой державы свидетельствует о том, что к началу прошлого века добыча природных ресурсов и рынки их сбыта были уже поделены между другими странами. Поэтому единственной возможностью доступа к мировым ресурсам и коммуникациям стала борьба, силовое давление под благовидным предлогом экспорта

демократии. По своей сути американская геополитика явилась продолжением немецкой геополитической мысли периода Второй мировой войны. На вооружение было взято такое понятие, как «жизненные пространства», которое в новой «демократической упаковке» получило название «зоны жизненных интересов». Фактически такими зонами может стать любой регион, любая страна за пределами США. При этом еще раз следует подчеркнуть, что, кроме непосредственной борьбы с глобальными конкурентами, принципиально важным для США остается тотальный контроль над энергоресурсами⁶⁴.

Внешнеполитическая доктрина и внешнеэкономическая деятельность США определяется, кроме всего прочего, инстинктом самосохранения, требующего от американского руководства проведения захватнической агрессивной политики в различных регионах мира, откуда может исходить угроза их экономическому благополучию и, соответственно, выживанию. Так, в Евразии проживает 75% населения мира. Здесь находится большая часть мирового богатства, выраженная как в наличии промышленного потенциала, так и в полезных ископаемых. США практически сразу уступят свое нынешнее положения в мире, если они будут лишены возможности доступа и контроля над этими ресурсами⁶⁵.

Все потенциальные вызовы статусу и роли США в мире исходят из Евразии. В совокупности евразийское богатство намного превосходит американское. И выжить Америка может только постоянно сталкиваясь между собой евразийские государства, которые достаточно для этого разнородны и не едины в политическом отношении. Китай со своим проектом «Один пояс – один путь» впервые в истории способен обеспечить это политическое единство в Евразии, что сразу сделало его мишенью Соединенных Штатов.

СССР в свое время ставил целью выдавить США из Евразии и по этой причине он стал главной стратегической целью США в XX веке. В силу тех же целей ныне именно Россия для США заменила СССР в статусе противника № 1. Не азиатский Китай, а евразийская Россия. И потому Китай – это противник № 2. Россия главнее не в силу экономики, а в силу геостратегического положения. Без России цепь мощных товарно-денежных потоков, выбивающих США из Евразии на периферию, не замкнется и не будет действовать. Контролирующее Евразию

⁶⁴ *Ивашов Н.* США на пути к мировому господству. Портал «Родон». 21 мая 2008.

⁶⁵ Почему США начнут войну против Ирана. Армейский вестник. Интернет-журнал об армии, вооружении и технике. 1 мая 2018.

государство по факту контролировало бы два из трех наиболее развитых мировых регионов⁶⁶.

С геополитической точки зрения Иран – это самый центр Евразии. Соглашение шести стран по ядерной программе Ирана позволило ему выйти из режима санкций и при этом сохранить все наработки по ядерной программе. Президент Ирана Хасан Роухани 30 апреля 2018 года заявил, что «Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе», заключенный Ираном в 2015 году с шестью державами, не подлежит обсуждению. Тегеран не согласится ни с какими новыми ограничениями, на которых настаивают США, которые считают, что достигнутое администрацией соглашение Америке не выгодно, ибо сохраняет потенциал Ирана в неприкосновенности, давая возможность выиграть время⁶⁷.

Пока Иран был враждебен России или просто недружественен, это было выгодно США, так как Иран служил барьером для российского проникновения на Ближний Восток, что угрожало американским интересам. Но когда Иран и Россия сблизилась в Сирии, и Россия на Ближний Восток не только проникла, но и совместно с Ираном вытесняет оттуда США, необходимость разрушения Ирана встала во весь свой рост, ибо возникла реальная угроза Израилю – главному форпосту США на Ближнем Востоке. Выход обладающего ракетным оружием и авиацией Ирана к Средиземному морю через строительство железной дороги протяженностью в 30 километров через Ирак и вовсе становится для США геополитическим невыгодным вариантом. Если Иран решится, он в состоянии заблокировать и Персидский залив, и Средиземное море. Несмотря на то, что США многократно превосходят Иран в оснащении современным вооружением, сам факт возможности удара и блокады судоходства для американского руководства неприемлем (рис. 5).

Выход США из ядерного соглашения с Ираном не привел к сокращению ракетных испытаний, наоборот, повысил иранскую активность на этом направлении. Иран в 2018 году по сравнению с 2017 годом более чем удвоил

⁶⁶ *Майстер Ш.* Геоэкономика Евразии: Европейский взгляд. Германский совет по международным делам. 18 января 2017.

⁶⁷ Почему США начнут войну против Ирана. Армейский вестник. Интернет-журнал об армии, вооружении, технике. 1 мая 2018.

количество ракетных испытаний, иранские военные произвели семь пусков ракет средней дальности и пять пусков ракет малой дальности⁶⁸.

В качестве информационного давления 8 апреля 2019 года президент США Д. Трамп принял решение внести Корпус стражей исламской революции (КСИР, элитные части Вооруженных сил Ирана) в список иностранных террористических организаций. Соединенные Штаты мотивировали этот шаг утверждением о том, что КСИР «активно участвует в террористической деятельности, финансирует и продвигает терроризм в качестве инструмента государственной политики». В ответ Высший совет национальной безопасности Ирана причислил к террористическим организациям Объединенное Центральное командование ВС США⁶⁹.

Рис.5. Сравнение боевых потенциалов сухопутных войск США и Ирана за 2017 год

По данным доклада, опубликованного Центром стратегических и бюджетных оценок * (Center for Strategic and Budgetary Assessments – CSBA), «Иран, в частности, вкладывает средства в новые системы, которые можно будет использовать для срыва, сдерживания и воспреещения эффективных боевых операций США в Персидском заливе. Приобретение Ираном оружия, которое можно применять для ограничения доступа в залив, контроля поставок нефти и газа из региона, а также проведения актов агрессии и принуждения, вызывает

⁶⁸ Бобкин Н. Трамп подходит к красной черте – военному столкновению с Ираном. Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». 8 мая 2019.

⁶⁹ Иран пообещал серьезный ответ на любые силовые действия США. РИА Новости. 12 мая 2019.

серьезную озабоченность у США и их военных партнеров». Этот доклад носит название «Снаружи вовнутрь: действия на расстоянии с целью ликвидации иранских угроз ограничения и воспреещения доступа и маневра» («Outside-In: Operating from Range to Defeat Irans Anti-Access and Area-Denial Threats»).

В нем отмечается, что Иран на протяжении десятилетий готовится к возможной военной конфронтации с Соединенными Штатами Америки. Иран разрабатывает асимметричную «гибридную» стратегию A2/AD (боевая сеть ограничения и воспреещения доступа и маневра), в которой сочетаются передовые технологии и тактика партизанской борьбы, и которая направлена на то, чтобы лишить американские войска баз и свободы маневра на море⁷⁰. Иран может также задействовать свою обширную сеть преимущественно шиитских группировок, раскинувшуюся во многих странах мира, чтобы осуществлять теракты и провоцировать создание повстанческих движений в государствах, находящихся в дружественных отношениях с США.

Соединенные Штаты продолжают гибридную войну против Ирана, состоящую из комбинации невоенных действий в надежде подорвать стабильность режима изнутри, сделав упор, в первую очередь, на экономическую составляющую и угрозу применения военной силы.

Санкции против Ирана исторически вводились как с целью сдерживания его ядерных амбиций, так и по более широкому кругу проблем. Среди них – сдерживание развития обычных вооружений и ракетной программы, обвинения в нарушении прав человека, подозрения в поддержке терроризма, задержание иностранных граждан, военно-морская активность в Персидском заливе и др. Как правило, США выступали наиболее жестким инициатором санкций, вводя их по максимально широкому кругу и предлагая наиболее серьезные ограничительные меры. США также традиционно сочетали свою политику санкций с проведением военных операций в регионе или же с угрозой применения военной силы против Ирана. Политика санкционного политического, экономического и информационного давления на Иран продолжается в расчете на то, что экономические трудности и ухудшение условий жизни в конечном итоге затруднят проведение активной иранской политики в регионе и могут привести к росту внутреннего недовольства существующим режимом.

⁷⁰ Насколько готов Иран к войне против США? Альтернативная история. 1 февраля 2012.

Ситуация остается сложной, так как нельзя забывать о судьбе иранской ядерной программы. Иранское руководство заявило, что больше не связывает себя ограничениями на обогащение урана, предусмотренными «ядерной сделкой», которую Трамп разорвал в 2018 году. Но если Иран перейдет здесь некоторые «красные линии», то удар по нему нанесет уже Израиль, который никаких предупреждений делать не будет. На такой удар Иран должен будет отвечать очень агрессивно и жестко, и в эту вторую «лестницу эскалации» будут втянуты и США⁷¹. Эскалация гибридного давления Запада может в конечном итоге нанести Ирану такой ущерб, который сделает его абсолютно неспособным играть нынешнюю роль ведущей региональной державы. При таком раскладе позиции России в Сирии без иранской поддержки могут значительно ослабнуть.

Соединенные Штаты постоянно подтверждают свое притязание на мировое господство и называют страны, которые этому мешают, «бросая вызов мощи, влиянию и интересам Америки, пытаются размыть американскую безопасность и процветание, а также хотят создать мир, прямо противоположный ценностям и интересам США» – это Россия и Китай, а также Иран. Поэтому против перечисленных выше стран ведутся гибридные войны, наполняемые новейшими информационными и кибернетическими разработками, дополняемые жесточайшей санкционной политикой.

Военно-политическое руководство многих государств принимает активные меры по адаптации своих ВС к новым условиям вооруженной борьбы и пытается учесть реалии ограниченных военных конфликтов XXI века по борьбе с *иррегулярными формированиями*. Наиболее показательны в этом плане примеры США и Великобритании, а также Израиля, проявивших наибольшую активность в подготовке своих войск (сил) и проведении операций против иррегулярных вооруженных формирований в различных регионах мира. Они предпринимают схожие меры для приведения своих вооруженных сил в соответствие с новыми требованиями, акцентируя внимание на многих деталях их боевой подготовки и модернизации вооружения и военной техники.

18 марта 2009 года в Комитете по делам вооруженных сил палаты представителей США выступал будущий министр обороны США генерал Джеймс Мэттис, который в своем докладе обосновал план по ведению

⁷¹ Ответ Трампа на ракетный удар Ирана оказался мягче ожидаемого. Ведомости. 8 января 2020.

иррегулярных военных (боевых) действий в качестве одной из основных задач ВС США⁷². Этому способствовал тот факт, что противники Соединенных Штатов отказываются вступать в лобовую конфронтацию с США методами обычной войны, в которой они не имеют шансов выстоять, и вместо этого прибегают к асимметричным иррегулярным действиям. *

Доклад генерала Мэттиса стал уточнением задачи, которую поставило перед американскими вооруженными силами министерство обороны США в декабре 2008 года, когда выпустило директиву 3000.07 «Иррегулярные боевые действия», где говорилось о необходимости: «Признать иррегулярные боевые действия стратегически такими же важными, как и обычная война.

Проводить иррегулярные боевые действия в независимости или в сочетании с обычной войной. Создать механизмы и командование для повышения эффективности министерства обороны в операциях совместно с и посредством иностранных военных партнеров»⁷³. *

Иррегулярные военные (боевые) действия, в которых противник не представлен регулярными вооруженными силами государства, включают конфликты низкой интенсивности, затяжные войны, антитеррористические, повстанческие и противоповстанческие операции, военные интервенции, специальные операции, партизанские войны, международный терроризм, психологическую войну, а также операции по стабилизации и восстановлению государств. Терминология в этой сфере достаточно расплывчатая, и некоторые типы боевых действий часто накладываются на другие.

Ведение таких операций для армии США не являлось новой задачей. В своей программной статье в журнале «Foreign Affairs» министр обороны США Роберт Гейтс приводил примеры стран, где США вели иррегулярные боевые действия: «Вьетнам, Ливан, Гренада, Панама, Сомали, Гаити, Босния, Косово, Афганистан, Ирак и другие»⁷⁴. Этот перечень можно продолжить и более ранними примерами. Таким образом, иррегулярные боевые действия, которые обычно велись силами специальных операций, чаще всего тайно и часто с

⁷² Statement of General James N. Mattis, USMC Commander, United States Joint Forces Command, before the House Armed Services Committee on 18 March 2009 // веб-документ <http://www.jfcom.mil/newslink/storyarchive/2009/sp031809.html>.

⁷³ Department of Defense Directive 3000.07 “Irregular Warfare” // веб-документ <http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/300007p.pdf>.

⁷⁴ Gates R. A Balanced Strategy: Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs, # 1, 2009.

участием военизированных формирований посредников, возводились в тот же ранг, что и обычная война.

В американской стратегии элементами иррегулярной войны являются:

нетрадиционная война (unconventional warfare (UW) и контрнетрадиционная война (Counter-UW);

контртерроризм (counterterrorism (CT) и использование терроризма в поддержку иррегулярной войны; участие во «внутренней обороне» иностранного государства (foreign internal defense – FID) (оказание военной помощи зарубежным государствам); противоповстанческие операции (counter insurgency – COIN); операции по стабилизации обстановки (stability operations – SO);

противодействие транснациональным преступным сетям;

использование транснациональных преступных организаций в поддержку иррегулярной войны (рис. 6).

Рис. 6 Элементы иррегулярной войны

Одним из идеологов ограниченной войны против противника иррегулярного типа был главный советник министра обороны США Р. Гейтса по вопросам иррегулярной войны Майкл Викерс, в то время помощник министра обороны по вопросам специальных операций и конфликтам низкой интенсивности, а впоследствии заместитель министра обороны по разведке. М. Викерс выступал за непрямой подход (тайные операции), предусматривающий финансирование проамериканских организаций за рубежом и участие в войнах за американские интересы союзников и партнеров США. Это позволяло экономить силы и посылать в горячие точки ограниченный контингент американских войск, перекладывая основное бремя ведения ограниченной войны на союзников и партнеров. В Национальной военной стратегии 2015 года

в разделе «Интегрированная военная стратегия» одной из трех ключевых целей ВС США стало укрепление глобальной сети союзников и партнеров США с целью перехода к «неизбежным рассредоточенным операциям по всему миру будет неизбежен».

Глава 4. Теория «непрямых-невоенных» способов борьбы – технологии «мягкой силы» и «управляемого хаоса»

Теория «непрямых-невоенных» способов борьбы как технологии «мягкой силы» и «управляемого хаоса» представляет серьезный практический интерес, т.к. эти технологии широко используются целым рядом государств для обеспечения своих стратегических и тактических интересов на международной арене. Все наиболее значимые события последних 20-25 лет, которые безусловно повлияли и еще долго будут сказываться на ходе мирового развития, напрямую связаны с массированным применением технологии «мягкой силы» (рис.7).

Это и крушения социалистической системы, и распад Советского Союза, и проведение так называемой «арабской весны» в странах Ближнего Востока. Вектор «мягкой силы» исходит, прежде всего, от Соединенных Штатов и других крупных западных стран, которые принято причислять к «золотому миллиарду». Он направлен либо на их стратегических противников (в прошлом на СССР, теперь – на Россию и ее союзников), либо на развивающиеся страны, богатые сырьевыми ресурсами или географически расположенные на маршрутах транспортировки мировых запасов энергоресурсов, или демонстративно отказывающиеся принять западное политическое доминирование.

Рис. 7. Определение категории «мягкая сила»

В наши дни политика мягкой силы многократно усилена новейшими информационными и когнитивными технологиями, что позволяет более эффективно использовать ее для решения широкого спектра задач – от

информационной обработки мирового общественного мнения и населения противостоящих стран до подготовки плацдарма для прямого военного вмешательства. Так было в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и Украине⁷⁵. Что касается России, то она всегда находилась под пристальным вниманием западного военно-политического руководства. В начале 90-х годов прошлого века хорошо известный американский политик Генри Киссинджер сказал: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое и централизованное государство»⁷⁶.

Главный смысл технологии мягкой силы заключается в способности властной элиты (и тех, кто ее обслуживает) влиять на поведение широких масс людей и даже каждого человека, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда не сделали бы, хотя любая власть в принципе не обходится без использования методов манипулятивного воздействия на своих граждан. Она основывается не столько на убеждении или способности воздействовать на людей с помощью аргументов, сколько на «активах», продуцирующих ее привлекательность, на создании информации и образов, когда образ становится важнее самого содержания. Это власть смыслов.

Мягкая сила, в отличие от традиционной политики, сочетает в себе симуляцию и диссимуляцию. «Прибегать к диссимуляции – это значит делать вид, что ты не имеешь того, что у тебя есть. Симулировать – это значит делать вид, что у тебя есть то, чего ты не имеешь. Одно отсылает к наличию, другое – к отсутствию»⁷⁷.

Симуляция размывает границы между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «мнимым» или, по крайней мере, ставит под сомнение различия между ними. То же можно наблюдать и в социальной сфере, в области межкультурного взаимодействия. Разрушению Советского Союза предшествовало практически беспрепятственное проникновение в ядро нашей отечественной культуры иноцивилизационных⁷⁸ импульсов. Защитные механизмы государства в лице государственных структур, отвечавших за

⁷⁵ Петров В. «мягкая сила» как технология разрушения нашей национальной духовной матрицы». Информационно-политический журнал «Политобразование». 29 октября 2016.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. ООО Издательский дом «ПОСТУМ», 2014.

⁷⁸ На формирование культурно-исторического национального самосознания оказывают влияние «образы» других культур, народов, в контексте взаимодействия с которыми происходят изменения российского самосознания.

идеологию, культуру, науку и образование, а также специальных органов и служб, не сработали должным образом.

Важным предназначением мягкой силы является сокрытие фундаментальных пороков капитализма, которые, как бы их не затушевывали, никуда не исчезли. Это жестокость, непостижимая кровожадность, фундаментальная аморальность. Понятие «мягкая сила» включает в себя много смыслов и технологий. Это и широкое задействование методов лингвистического конструирования; вытеснение из мирового культурного пространства языков своих противников; формирование нужных образов и символов, позволяющих манипулировать сознанием больших масс людей; провозглашение, что такое «хорошо» или «справедливо» и что такое «плохо», деление на этой основе всех стран на государства-изгои и государства-образцы демократической трансформации; предоставление образовательных услуг и развитие наук, в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов (теорий и концепций), легитимизирующих позицию и взгляды государства, проводящего политику «мягкой силы» и т.д.

Мягкая сила для Соединенных Штатов «даже более значима, чем ее экономическая или военная мощь. Американская культура, будь она низкого или высокого уровня, проникает повсюду с интенсивностью, которая наблюдалась только во времена Римской империи, но с новой характерной особенностью. Агрессивное навязывание России культуры общества потребления ведет к разрушению традиционных ценностей семьи, религии, коллективизма, соборности, составляющих основу нашей национальной духовной матрицы»⁷⁹.

По сути, мягкая сила хорошо вписывается в концепцию «консциентальной войны». Название концепции (*conscientia* – «сознание», а также «совесть») указывает на то, что это война на поражение сознания, это скрытая война. Более того, в современных условиях именно мягкая сила зачастую обеспечивает информационную подготовку, готовит своеобразный плацдарм для прямого военного вмешательства.

Еще в июле 2012 года на Совещании послов и постоянных представителей России президент РФ В.В. Путин обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе мягкую силу. Это подразумевает

⁷⁹ Петров В. «мягкая сила» как технология разрушения нашей национальной духовной матрицы». Информационно-политический журнал «Политобразование». 29 октября 2016.

«продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере». Президент признал, что «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко» (рис. 8).

Различные способы воздействия на сознание, методы ненасильственной обработки властных и иных групп известны давно. Об этом писали Н. Макиавелли и французские энциклопедисты, Г. Торо и М. Ганди, Т. Лири и Р. Уилсон. Однако появление стройной не столько в научном плане, сколько сугубо практической концепции «мягкой силы» связано с именем политолога Джозефа Сэмюэля Ная, профессора Публичной административной школы им. Дж. Кеннеди в Гарвардском университете, члена американской Академии искусств и наук и Дипломатической академии. Главным достижением Дж. Ная стало не только емкое описание природы и значения мягкой силы, которая сыграла существенную роль в холодной войне, но и определение ее возможностей, которые в XXI веке, веке информационных технологий и когнитивных войн, становятся неограниченными.

Рис. 8. Российский подход к использованию «мягкой силы»

Сам термин «мягкая сила» был предложен Дж. Наем в 1990 году (рис. 9), а в 2004 году, вышла его известная книга – «Мягкая сила: Средства достижения успеха в мировой политике»⁸⁰. В настоящее время Най активно продолжает свои

⁸⁰ Joseph S. Nye, Jr. «Soft Power: The Means to Success in World Politics». New York. 2004.

исследования и формирует повестку «умной власти» для американского руководства, понимая ее как «способность объединять в различных контекстах жесткие и мягкие ресурсы власти в успешные стратегии».

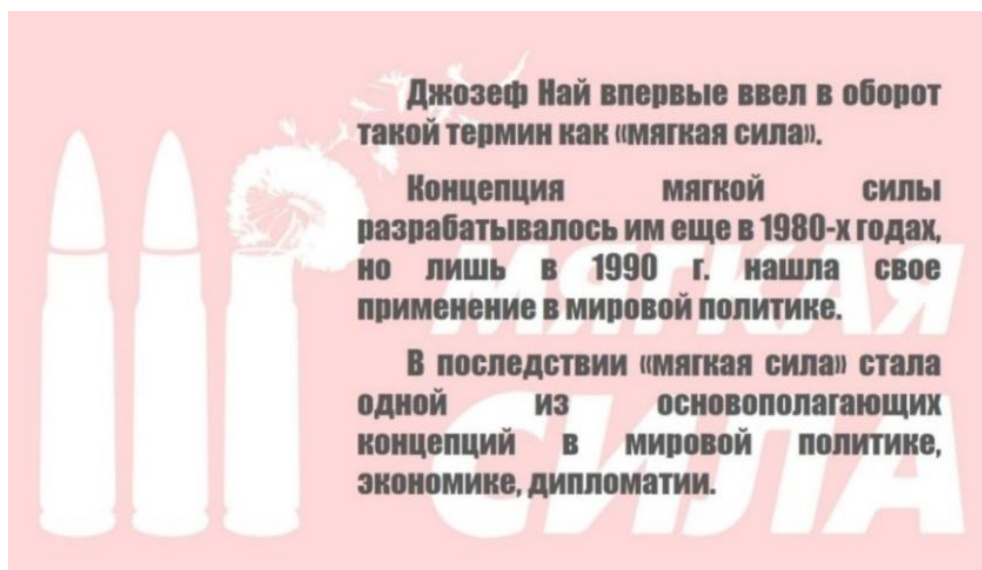

Рис. 9. «Мягкая сила» применяется для решения широкого спектра задач в политике, экономике, дипломатии с использованием новейших информационных и когнитивных технологий

Проводники мягкой силы определяют, что есть «хорошо» или «справедливо», какая страна становится изгоем или образцом демократической трансформации, подвигая тем самым остальных участников политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на поддержку со стороны субъекта «мягкой силы». Информационная революция позволяет перекодировать сознание, начиная с изменения исторической памяти и заканчивая миром символов-смыслов. Мир символов в определенном смысле легитимирует жизнь человека в реальном мире, придает ей смысл и порядок.

Нарушение внутреннего символического мира опасно тем, что оно приводит к кризису самоидентификации.

Человек как бы перестает понимать, что происходит с ним и его миром. Он не в состоянии определить происходящее вокруг него. В момент такой внутренней неопределенности проще воспринимаются символы другой, навязываемой человеку культуры. Это впоследствии может привести к утрате собственной культуры. Именно смысло-символический мир является наиболее значимым, так как на него в значительной степени ориентируется социальная память общества, позволяющая противостоять как разрушению извне, так и самоуничтожению.

Человек всегда жил в трех измерениях – в мире реальном, мире информационном и мире символическом. Именно в современном мире новые технологии и средства коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события только тогда становятся значимыми, когда они представлены в СМИ, то есть становятся функцией виртуальности. События как бы и нет в реальной жизни, если о нем не написано в газете или оно не отражено в Сети. Важно еще и то, что современные технологии позволяют легко и быстро манипулировать сознанием больших масс людей, формировать нужные манипулятору образы и символы.

Именно на это и опирается мягкая сила Запада, работая с сознанием человека, а точнее, масс посредством информации, знаний и культуры. Мягкое воздействие на большие массы людей может быть осуществлено в довольно короткий период – он, как правило, не превышает нескольких месяцев. В этом случае наиболее эффективными инструментами мягкой силы являются традиционные и новые социальные СМИ, которые являются трансляторами нового видения мира не только в публицистической или научно-популярной форме, но и через художественные произведения, соответствующим образом трактующие определенные исторические факты. Присутствуя ежедневно в жизни каждого человека, СМИ фактически управляют мнениями и оценками, интегрируют индивидуальные человеческие умы в «массовый разум». В результате у людей появляются одни и те же мысли, порождаются одни и те же образы, отвечающие целям и задачам тех лиц, которые контролируют мировые средства коммуникации.

Эффективные инструменты мягкой силы включают: предоставление услуг высшего образования, а также развитие наук, в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, отражающих позицию и взгляды государства, проводящего политику мягкой силы. Совокупность этих стратегий позволяет воздействовать на «матрицу убеждений» конкретного индивида, общества, по отношению к которому применяется данный тип воздействия, заставляя его в конечном итоге изменить свое поведение. Ресурсная база мягкой силы не ограничивается только обучающими программами. Она использует весь спектр культурных, информационных, разведывательных, сетевых, психологических и иных технологий.

В XXI веке важнейшим инструментом мягкой силы, придавшим ей динамизм и мобильность, стали современные средства массовых коммуникаций, практически не знающие границ. Появилась возможность дистанционно формировать мировоззрение социума конкретной страны в нужном направлении, посредством передачи информации через различные сети.

Современный мир, соединенный интернетом, телевидением, радио и газетами, все более напоминает паутину, объединяющую человечество в единое информационное пространство. Формируя посредством этих каналов либерально-демократическую культурную среду, социальные сети и СМИ (прежде всего американские) открывают путь к смене неудобных режимов в невиданных ранее масштабах. Возросшая роль информации в жизни современного человека форсирует создание глобального сетевого общества, оторванного от традиций и национальных культур.

Поэтому необходимо знать, что сетевые технологии, будучи одним из важнейших ресурсов мягкой силы, стали самым значимым в XXI веке инструментом борьбы за власть и влияние. Оценка роли и значения социальных сетей в формировании настроения масс, в их экзальтации и организации позволяет утверждать, что, во-первых, социальные сети – это когнитивная технология; во-вторых – организационное оружие, а в-третьих – бизнес-продукт.

Под когнитивными или познавательными принято понимать информационные технологии, описывающие основные мыслительные процессы человека. Они являются одним из наиболее «интеллектуальных» разделов теории искусственного интеллекта. Сегодня к понятию когнитивного относятся не только процессы мышления, но и любые формы взаимодействия человека и среды, основанные на построении образа ситуации. В современном мире известное утверждение «Кто владеет информацией – тот правит миром» уступило место принципу когнитологии: «Кто умеет систематизировать информацию и из нее получать знания, тот правит миром»⁸¹.

Информационные и когнитивные технологии изначально развивались, взаимно дополняя друг друга, создавая задел для нового технологического уклада, в котором объектом и субъектом преобразования становится человек. Благодаря робототехнике, беспроводной связи 3G, 4G, 5G, социальным сетям и

⁸¹ Пономарева Е. Мягкая сила: Железная хватка «мягкой силы». Правдаинформ. 26 февраля 2013.

смартфонам с выходом в интернет социум стал прозрачным в полном смысле этого слова. Доминирующими стали «стратегия непрямых действий» и «стратегия безлидерного сопротивления» («стратегия политического сопротивления», представляющая собой формирование малых независимых групп (тайных ячеек), которые опираются на сетевые структуры, создаваемые среди населения потенциального противника. Именно на этом были основаны все, начиная с белградской революции 2000 года, завершившейся низложением Слободана Милошевича с поста президента СРЮ, политические перевороты XXI века.

В 2002 году в своей книге «Smart Mobs» («Умная толпа») специалист по культурным, социальным и политическим импликациям в медиасферу Говард Рейнгольд не только подробно описал флэшмоб («мгновенная толпа», действующая согласно заранее определенному плану), придавая особое значение новому способу организации социальных связей, структур, но фактически предвосхитил и описал волну новых социальных революций⁸². Он полагал, что флэш-акции (смартмобы) столь мобильны благодаря тому, что их участники используют современные средства коммуникации для самоорганизации. Сегодня флэшмобы используются довольно широко и формируют совершенно особую реальность, так как флэшмобы являются механизмом формирования конкретного поведения в данный момент в данном пространстве. Важнейший смысл подобных акций заключается в том, что подобные акции формируют модели необдуманного, навязанного поведения больших масс людей.

Сегодня активно внедряются новые технологии социальной инженерии, создающие неведомые ранее модели принятия решений, изменяющие когнитивный базис современного человека. Интернет, будучи планетарной информационной магистралью, превращает такие проекты, как, «Викиликс», «Фейсбук» и «Твиттер», в инструмент борьбы за влияние и конкретно смены политических режимов в странах-мишенях. При помощи интернет-технологий происходит молекулярная агрессия в культурное ядро конкретного режима, разрушается основа национального согласия, накаляется до предела ситуация внутри страны и в ее окружении. Все это укладывается в концепцию «мягкой силы».

⁸² Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

Сеть «Фейсбук» стала самым значимым сетевым инструментом мягкой силы и политических переворотов 2011-2012 годов. В результате у пользователей возникает ощущение значимости происходящих событий и мгновенной их включенности в этот процесс. Оценивая значение «Фейсбук» в мягкой силе Запада, важно помнить, что пользователи этого ресурса – самая активная часть населения любой страны, к тому же активно включенная в контекст информации определенной направленности (как правило, это критическая оценка существующего режима).

Анализ работы социальных сетей позволяет выстроить их своеобразную иерархию как по степени воздействия, так и по технологической применимости. На вершине сетевой пирамиды может быть размещен интеллектуальный портал для самых продвинутых и креативных пользователей – «Живой Журнал» (ЖЖ). Это место «высокого» общения, самоутверждения, либо же так называемого троллинга – размещения материалов с целью вызвать конфликт, спровоцировать на какие-то оценки и даже поступки. По воздействию на общественное мнение ЖЖ технологически применим практически так же, как классические СМИ. «Фейсбук» занимает срединное или центральное место в сетевой иерархии, охватывая многомиллионные аудитории. В России эту нишу занимает социальная сеть «ВКонтакте», затем следует «Твиттер».

Социальные сети выполняют сегодня не столько роль площадки для общения, сколько детонатора информационного взрыва, способного распространять данные по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход той или иной операции. Таким образом, сетевые структуры являются важнейшим инструментом мягкой силы, созданным для решения как минимум трех задач, причем в глобальном масштабе. Первая – формирование новых смыслов, задаваемых извне. Если эту задачу удастся решить, то никакое военное вмешательство не понадобится.

Вторая задача заключается в организации оперативного контроля над деятельностью групп и отдельных лиц. Третья задача – создание механизма формирования и манипуляции поведением в конкретных ситуациях, а также привлечение к решению задач людей, которые этих задач не понимают и не должны этого понимать. Таким образом, набирая многомиллионные аудитории, социальные сети превратились в когнитивное, информационное и организационное оружие.

Сегодня в силу очень многих обстоятельств, связанных как с внутривнутриполитическими проблемами в самих Соединенных Штатах, так и со многими внешнеполитическими факторами, значительной части американской правящей элиты потребовалось найти нового врага. На эту роль в силу объективных причин была назначена Россия. Россия в последние годы решительно заявила о неприятии однополюсного мира и диктата США, о праве развиваться по собственному пути, о праве отстаивать свои национально-государственные интересы и интересы великой российской цивилизации. Главное же, что Россия не только заявила, но практически и последовательно проводит политику в этом направлении. Поэтому в лучших традициях управления массовым сознанием был вновь массировано использован термин «холодная война», который у американского населения и у значительной части населения Западной Европы прочно отождествляется с советской, а значит и российской угрозой. Запад осознанно сделал выбор курса на конфронтацию с Россией. В этом смысле, вброс в российское политическое и интеллектуальное пространства, а также массовое сознание термина «холодная война» далеко не безобиден.

В 70-е годы прошлого столетия стали вырисовываться очертания процессов, ориентированных на формирование Нового мирового порядка. Основными идеологами и участниками этих процессов выступили Римский клуб, а в дальнейшем Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, «Рэнд Корпорэйшн», Институт Санта Фе и др. Разработанные ими общие принципы были конкретизированы в работе МВФ, Всемирного банка и ВТО.⁸³

В течение последнего времени в Соединенных Штатах и ряде других западных стран прошел целый ряд важнейших форумов, конференций и т.п., посвященных анализу эффективности применения таких испытанных инструментов, как мягкая сила, управляемый хаос, цветные революции. Анализируя смысл сказанного на этих мероприятиях, можно сделать вывод: западная элита пришла к заключению о недостаточной эффективности этих инструментов, о необходимости наполнения их новым содержанием, а главное, разработке и применении принципиально новых методов, инструментов и

⁸³ Батчиков С. Глобализация – управляемый хаос. «Экономические стратегии», № 04-2008. С. 30-36.

средств обеспечения безусловного американского доминирования не только сегодня, но и на перспективу.

Повышенный научный интерес к проблеме хаоса появился под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 году (в переработанном виде в 1984 году) и переведенной в России впервые в 1986 году. В этой книге, имеющей серьезные философские идеи, особо подчеркивается, что хаос обладает не только разрушительной силой, но может стать источником порядка⁸⁴.

Инструментом реализации политики мягкой силы стали технологии управляемого хаоса, в соответствии с которыми в хаос превращалась экономическая и социальная жизнь неудобных Соединенным Штатам стран. А сами организаторы держали хаос в стане противника под контролем, для них он был целенаправленно созданным особым порядком.

Этот новый вид действий подробно описал один из его разработчиков и экспертов Стивен Манн, который лично участвовал в создании многих очагов управляемого хаоса в разных точках мира (в том числе и в СССР). Он прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создании хаоса» как инструментах обеспечения национальных интересов США.

В качестве механизмов «создания хаоса» у противника он называет «содействие демократии и рыночным реформам» и «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию». Согласно С. Манну, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории: содействие либеральной демократии; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего в элитной прослойке общества; вытеснение моральных ценностей общества и государственной идеологии⁸⁵. Эти ключевые положения были реализованы на постсоветском пространстве в ходе постперестроечных перемен, венчаемых «цветными революциями». Это создает специфическую среду ослабленного национального духа разлагающегося государства и национально-культурных традиций.

Деидеологизация, идейный плюрализм, сбрасывание «балласта» ценностей, насаждение «культы денег», резкое повышение материальных

⁸⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М: Эдиториал УРСС, 2000.

⁸⁵ Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autumn 1992. P. 62.

запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой, – все это сознательно внедряемые составляющие «управляемого хаоса», служащие главной цели – демонтажу ныне существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На их место должно прийти совершенно новое общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что достигается при помощи особых технологий, относящихся, в основном, к сфере СМИ и образования).

В основу организации управляемого хаоса положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий. Это – мировая информационно-психологическая война. В ходе ее было достигнуто разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Способность больших масс населения к сопротивлению, самоорганизации и развитию была резко снижена.

В 2012 году в статье «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» президент России В.В. Путин написал: «По большому счету то, с чем сегодня сталкивается мир, – это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности. И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий»⁸⁶.

Технологии управляемого хаоса – это инструмент для установления мирового порядка в интересах стороны его применяющей. Анализ последствий воздействия данного рода технологий позволяет выделить две основные задачи организаторов их использования.

Во-первых, задача сокращения численности населения, не представляющего интерес для организаторов нового мирового порядка. Неолиберальные реформы приводят к демографической катастрофе, снижая рождаемость и вызывая скачок смертности. Сексуальная революция, пропаганда гедонизма и потребительства, индивидуализм резко сокращают рождаемость.

⁸⁶ Путин В.В. «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить». Российская Газета. 16 января 2012.

Социал-дарвинизм и равнодушие к бедствию ближних лишают людей воли к жизни и подстегивают смертность.

Во-вторых, задача ослабления или разрушения национальных государств, с перехватом управления этими государствами со стороны транснациональных корпораций, транснациональных криминальных синдикатов, наднациональных органов и организаций, подконтрольных инициаторам запуска технологий управляемого хаоса. При решении этой задачи имело место совмещение мягких форм технологий управляемого хаоса с варварскими военными агрессиями (например, Югославия, Ирак). Как следствие, эти процессы должны вести к концентрации контроля над финансовыми, военными и информационными ресурсами мирового сообщества со стороны организаторов управляемого хаоса.

Аргументом обоснованности такого рода тенденции служат результаты анализа экономических аналитиков, которые показывают, что рост экономики ведущих стран достигается не за счет развития производства, а посредством перераспределения богатства между сильными и слабыми странами. Достигается это с помощью резкого ослабления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные⁸⁷. В апреле 2020 года Международный валютный фонд приветствовал принятие украинским парламентом законодательного акта об отмене моратория на продажу земли. Проведение земельной реформы являлось одним из требований МВФ к украинским властям⁸⁸.

Национальное государство под давлением международных финансовых институтов начинает проводить приватизацию и сокращать расходы на социальные нужды, науку и культуру. Таким образом происходит разрушение субъектности развития стран, попавших под воздействие технологий управляемого хаоса. Фактически это скрытая форма уничтожения конкурентов в самых доходных экономических сферах, каковыми в настоящее время и в будущем являются высокие технологии. Уже сегодня доходы от высоких технологий превышают доходы от сырьевой и энергетической сфер, в ближайшие годы разница будет нарастать на порядки.

⁸⁷ Перкинс Д. «Исповедь экономического убийцы», М., «Претекст», 2007.

⁸⁸ МВФ высоко оценил решение Украины по земельной реформе. Газета.ру. 4 апреля 2020.

В России проявляются отдельные признаки применения на практике концепции управляемого хаоса. Это – внешний перехват инициатив в реформировании отечественной экономики путем некритического использования западных моделей (неадекватных российским условиям); доминирование сырьевой ориентации; создание режима благоприятствования для бурного роста коррупции в системе государственного управления, проникновения в него финансово-промышленных группировок и криминальных структур; ангажирование отдельных лидеров российской системы управления и их использование для управления страной «извне»; навязывание либерального императива «невмешательства» государства в социальное строительство в качестве гаранта неотвратимости подлинно демократических преобразований, и другие. Так, глава «Роснефти» И.И. Сечин на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2019 года сказал, что США с помощью санкций против алюминиевой компании «Русал» добились контроля над несколькими секторами российской металлургии⁸⁹. Все рассмотренные выше признаки вписываются в механизмы концепции управляемого хаоса.

Проведенный в работе анализ позволяет выявить обобщенную схему концепции управляемого хаоса:

предварительная подготовка к организации управляемого хаоса, предпочтительно в условиях возникновения острых политических и экономических кризисов; организация управляемого хаоса; формирование новой организованности для внешней управляемости; частичная потеря внешней управляемости; антикризисная самоорганизация или дальнейшая хаотизация.

Специфика использования технологий управляемого хаоса на Украине связана с ориентацией на разжигание национализма, что создало возможности организации более динамичных процессов разрушения субъектности развития, чем в России. Особенности использования технологий управляемого хаоса в Косово была связана со столкновением на небольшой территории больших проектов и интересов, стоящих за ними субъектов (проект «Великая Албания», исламский проект, мафиозный проект наркотрафика, террористический проект, военно-энергетический проект)⁹⁰. В Ираке, Афганистане, Югославии, Грузии и

⁸⁹ Дианов С. В Кремле отреагировали на угрозы Сечина о потере контроля над экономикой. URA.RU. Российское информационное агентство. 6 июня 2019.

⁹⁰ Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики: Аналитический доклад. - М.: ИНФРА-М, 2008.-32с.

других странах была также своя специфика, однако полученный результат везде одинаков – разрушение субъектности развития.

Глава 5. Западная теория и практика о новых нетрадиционных вызовах и угрозах

Угрозы безопасности государства традиционно принято разделять на три категории: внутренние (четкая локализация угрозы в пределах одного государства или одного из его регионов), внешние (чаще всего это военные угрозы иностранных государств и поддерживающих их организаций, а также неконтролируемая миграция на территорию государства) и трансграничные⁹¹.

В последнее время особую опасность приобретают так называемые трансграничные угрозы, которые имеют собственную специфику и по форме проявления, и по своей сути, отличную от внешних и внутренних угроз. К ним в настоящее время можно отнести следующие их виды:

1. Создание, оснащение и подготовка на территории других государств вооруженных формирований и групп с целью их переброски для действий на территории определенной страны или территориях ее союзников.

2. Деятельность прямо или косвенно поддерживаемых из-за рубежа подрывных сепаратистских, национальных или религиозных экстремистских группировок.

3. Трансграничная преступность, включающая контрабандную и иную противозаконную деятельность в масштабах, угрожающих безопасности государства.

4. Применение современных информационно-сетевых технологий разрушения государственности.

5. Деятельность на территории государства международных террористических организаций.

6. Деятельность наркобизнеса на территории государства, включая транспортировку наркотиков по его территории в другие страны⁹².

При анализе сути трансграничных угроз, напрашивается вывод, что часть из них связана с трансформацией иных типов угроз. Таким способом удастся выявить трансграничные угрозы, возникшие из внутренних, а также внешних

⁹¹ Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020-2025 гг. Издательский дом «Научная библиотека». М., 2016. С. 96.

⁹² Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020-2025 гг. Издательский дом «Научная библиотека». М., 2016. С. 97.

угроз. Принимая за основание источник происхождения трансграничных угроз, их можно разделить на следующие виды.

1. Трансграничные угрозы, возникшие из внутренних. Практически все угрозы безопасности, причисленные к глобальным проблемам человечества, прошли именно такой путь становления. Международный терроризм, преступность, организованная в планетарном масштабе – эти трансграничные сети возникли тогда, когда внутренние угрозы эволюционировали и перешагнули границы своих государств. Антигосударственные образования оказались весьма восприимчивыми к тенденциям глобализации, к возможностям, которые открывают современные коммуникации. Каждая трансграничная угроза рассматриваемого вида – не просто результат развития конкретной внутренней угрозы, это результат взаимодействия субъектов многих однотипных внутренних угроз, перешагнувшего государственные границы. Так, с того момента, когда наркопроизводители и торговцы начинают налаживать связи с представителями иных государств, когда наркотрафик пересекает хотя бы одну границу, угроза становится трансграничной. Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что наркоторговля перестала существовать как внутренняя угроза безопасности каждого отдельного государства, но корни ее сегодняшней трансграничности лежат именно в совокупности когда-то бывших внутренними угроз.

2. Трансграничные угрозы, возникшие из внешних. Выше уже говорилось о внешней угрозе, которую представляет собой неконтролируемая миграция на территорию государства. Но, кроме перечисленных опасностей, наблюдается еще ряд негативных тенденций, связанных с миграционными потоками. Относительная «прозрачность» границ создают благоприятные условия для создания и развития криминальных структур, преступная деятельность которых способствует подрыву экономической стабильности государства. Подрыв этот осуществляется не в результате внешнего воздействия на экономическую систему, а в результате нарушения внутреннего законодательства. Таким образом, зачастую исключительно внешние угрозы безопасности (к примеру, миграционные процессы) влекут за собой возникновение иных угроз, носящих трансграничный характер.

3. Трансграничные угрозы, возникающие объективно, т.е. их независимость от внутренних и внешних угроз. К подобного рода ситуациям можно отнести, к примеру, угрозу загрязнения трансграничных вод (к ним

относят любые поверхностные или подземные воды, которые обозначают, пересекают границы между двумя или более государствами или расположены на таких границах).

Очевидно, что угрозы различных типов требуют различной реакции от государства: внешние угрозы могут быть устранены в ряде случаев ужесточением внешней и военной политики; внутренние угрозы обезвреживаются совершенно иными методами, с помощью внутрисистемных преобразований и мер; бороться с трансграничными угрозами силами одного государства явно бессмысленно и не целесообразно.

В первые годы XXI столетия военная политика США формировалась под влиянием внешних и внутренних факторов как объективного, так и субъективного свойства. Некоторые из них, такие, как всплеск международного терроризма, неэффективность политики нераспространения оружия массового уничтожения и другие сыграли решающую роль при выборе США военно-политических приоритетов. Комплексное воздействие перечисленных факторов проявлялось через появление новых, нетрадиционных рисков и угроз национальной безопасности США, в том числе и в военной сфере, и через активизацию и усиление некоторых рисков и угроз, которые США унаследовали от эпохи холодной войны.

Исходя из традиционных угроз безопасности государству, американское военно-политическое руководство подразделяет вызовы США в сфере обороны и безопасности на традиционные (traditional), нетрадиционные (irregular), катастрофические (catastrophic) и разрушительные (disruptive). Традиционные вызовы безопасности США исходят от государств, обладающих военным потенциалом и силами для военного противостояния и участия в классических военных конфликтах. Нетрадиционные вызовы исходят от тех, кто использует «необычные» («unconventional») методы для противодействия имеющимся преимуществам более сильных оппонентов. Катастрофические вызовы подразумевают приобретение, обладание и использование оружия массового уничтожения или других средств и методов, применение которых дает эффект сравнимый с применением ОМУ. Разрушительные вызовы могут исходить от противников, которые разработали и используют «прорывные» технологии,

чтобы свести на нет существующие преимущества США в ключевых областях деятельности⁹³. *

Исследования «Рэнд Корпорэйшн» говорят о том, что эти вызовы могут реализовываться через комбинацию экономических, военных, экологических и других факторов в форме современных и будущих угроз Соединенным Штатам, таких как: глобальные экономические перемены (замедление развития мировой экономики); экологические угрозы; военные угрозы, включая терроризм; транснациональная организованная преступность; демографические перемены (рост мегаполисов, старение населения, миграционные потоки); технологические и образовательные вызовы (ослабление доминирования США в сфере науки и образования); распространение оружия массового уничтожения; идейные перемены (ослабление либерализма и откат «демократической волны»); новые угрозы жизни и здоровью человека в виде пандемий; увеличение числа и усиление новых субъектов международных отношений (диаспоры, группы людей, объединенные вокруг передовых технологий, например, в сфере коммуникаций и др.)⁹⁴.

В действительности, реальная политика формулируется в интересах решения, главным образом, краткосрочных и среднесрочных задач под влиянием самых жестких факторов и в ограниченное время, главным императивом которых является удержание глобального лидерства США. Этот принцип заложен в основу приоритетов, относящихся к национальным интересам США, которые можно классифицировать на жизненно важные и важные. К жизненно важным национальным интересам США относятся: защита национальной территории; победы в войнах с участием США; сдерживание и урегулирование конфликтов; победа в войне с терроризмом.

Среди важных национальных интересов США выделяются следующие: расширение зон американского военно-политического и экономического влияния с последующим закреплением в них и превращения этих зон в плацдармы для дальнейшей экспансии; предотвращение разработок и распространения ОМУ и средств его доставки, представляющих непосредственную угрозу безопасности Соединенным Штатам; расширение и

⁹³ Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020-2025 гг. Издательский дом «Научная библиотека». М., 2016. С. 98-99.

⁹⁴ *Trevertjn G.F., Jones C.G.* «Measuring National Power». Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2005. P. 35.

укрепление проамериканских военно-политических блоков и экономических союзов; установление контроля за источниками и путями транспортировки стратегически важных минеральных и углеводородных ресурсов.

Особое место стала занимать проблема использования военной силы для охраны транспортировки энергоносителей. Еще в 1987 г. США провели операцию в Персидском заливе по защите танкеров от ракетно-бомбовых ударов Ирана и Ирака. В наше время этот опыт оказался вновь востребованным в ходе реализации с 2003 г. проекта «Инициатива по энергетической и экологической безопасности», в рамках которого предусматривается использование военных мер по обеспечению безопасной транспортировки углеводородного сырья⁹⁵. Большое внимание уделяется предотвращению совершения террористических актов на путях транзита углеводородов (особенно в Малаккском и Ормузском проливах), а также захвата радикальными исламистами месторождений нефти и газа в странах Персидского залива. На Рижском саммите НАТО 21 ноября 2006 года рассматривался вопрос о придания Североатлантическому альянсу новой, энергетической, направленности.

Это отражается на содержании основополагающих документов США и НАТО (стратегий, доктрин, концепций, планов и т.п.), но при их разработке, как правило, используется системный подход, где увязываются воедино краткосрочные военно-политические цели и долгосрочные цели приоритетов государства.

Кроме того, все доктринальные документы ведущих государств НАТО в части определения приоритетов и угроз содержат следующие основные закономерности. Преимущественное внимание уделяется новым, нетрадиционным угрозам. Первостепенными среди нетрадиционных угроз в порядке убывания важности официально признаны: международный терроризм, этнические и религиозные конфликты, в том числе по причинам миграционной проблематики, проблемы несостоявшихся государств, распространения оружия массового уничтожения, попытки неконституционного захвата власти, организованная преступность и война между государствами.

Наибольшая опасность кроется в сочетании различных типов угроз, в том числе традиционных и нетрадиционных, что придает им новое, более «тяжелое»

⁹⁵ *Ebinger C.K.* Why the U.S. Needs to Reconsider the Energy Policy and Conservation Act of 1975. Brookings Institute. December 11, 2014.

качество. Трансграничный характер этих угроз и их сложность делают невозможным обеспечение безопасности на уровне более низком, чем глобальный.

Большое значение придается возможности выявления, предупреждения и предотвращения угроз на ранней стадии. США и НАТО по-прежнему считают важными, а порой и основными, военно-политические способы «предупредительного» характера.

В этом контексте представляет интерес оценки вызовов и угроз, сделанные руководством Соединенных Штатов и других ведущих стран НАТО, а также рядом известных международных организаций. Так, например, просматривается много общего в оценках нетрадиционных угроз, приведенных в документе* Командования по трансформации ОВС НАТО «Многочисленные угрозы в будущем»⁹⁶, в отчете-прогнозе* Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции 2030: изменяющийся мир»⁹⁷, в «Стратегии национальной безопасности США 2017 года».⁹⁸ *

В 2010 г. английским аналитическим «Центром развития, концепций и доктрин» в рамках проекта министерства обороны Великобритании был подготовлен доклад* «Глобальные стратегические тенденции – до 2040»⁹⁹, а в последствии – до 2045 года. * Методология, описанная в исследованиях, сводится к прогнозированию различных сценариев развития ситуации по трем ключевым темам: человеческая среда; изменения на мировой арене, вопросы нетрадиционных вызовов и угроз безопасности – с учетом возможных стратегических потрясений.

Эпоха 2040-х годов станет временем перемен и нестабильности. Гегемонии США возможно наступит конец, хотя Соединенным Штатам, вероятно, удастся сохранить лидирующую позицию в области вооружений. Подъем таких стран как Китай не стоит переоценивать, имея в виду их внутренние проблемы. Процесс глобализации усилит взаимозависимость

⁹⁶ «Multiple Futures Project» («Многочисленные угрозы в будущем»). Командование по трансформации ОВС НАТО. Норфолк, США, штат Виргиния. 2008.

⁹⁷ «Глобальные тенденции 2030: изменяющийся мир. Национальный совет по разведке США. 2012.

⁹⁸ Стратегия нацбезопасности США: главными конкурентами назвали Россию и Китай. РИА Новости. 19 декабря 2017.

⁹⁹ Strategic Trends Programme/ Global Strategic Trends – Out to 2040. Fourth Edition. Ministry of Defence. 12 January 2010.

различных стран. Это приведет к более высоким рискам для участников мировой экономической системы.

Одной из основных угроз останется распространение современных технологий военного назначения, в том числе оружия массового уничтожения. Террористические группы рано или поздно получают доступ к ОМУ. Многие страны смогут разработать баллистические управляемые ракеты, способные доставлять химическое, биологическое, радиационное и ядерное оружие. Системы противоракетной обороны могут снизить определенные риски, но они вряд ли способны снять вопрос противоракетной безопасности с повестки дня.

Государственные и негосударственные структуры будут существовать в условиях постоянной конкуренции. Все субъекты политических процессов будут стремиться использовать любые методы в условиях конфликта: конвенциональные, неконвенциональные, асимметричные. Инновационные коммуникационные технологии позволят создать сетевые аудитории, что станет одновременно и новым вызовом, и возможностью для проведения любых видов операций. Конфликтующие стороны будут активно использовать СМИ и политические системы друг друга. Страны будут более активно привлекать третьи стороны к ведению конфликта с целью минимизации рисков.

В докладе выделяется ряд последствий для мировой безопасности, вызванных описанной ситуацией:

вооруженные конфликты станут более частым явлением;

будущие конфликты будут трудно прогнозируемыми и отличаться особой жестокостью. Участники конфликтов все чаще будут прибегать к асимметричным (гибридным) методам ведения войны;

граница между государственными, спонсируемыми странами, негосударственными субъектами будет размыта. Новые технологии будут представлять собой новые средства нанесения урона противнику;

«мягкая сила» будет все чаще использоваться для достижения политических целей;

вероятность получения ОМУ террористами возрастет, как и вероятность использования ядерного оружия;

изменение баланса сил, вероятно, будет сдерживать военные интервенции стран за пределами их зоны ответственности. В таких условиях противники будут вынуждены привлекать третьи стороны для ведения военных (боевых) действий, осуществлять кибератаки и другие неконвенционные методы;

западные страны потеряют качественное преимущество в некоторых видах вооружений, что изменит западную парадигму ведения войн: технология имеет большее значение, чем количество вооружений;

робототехника; наука, связанная с изучением сознания; компьютерная техника; энергоэффективные технологии и нанотехнологии резко улучшат возможности боевых систем;

поставки вооружений значительным образом интернационализируются. Само вооружение станет более мобильным и легким в применении;

будут возникать кризисные ситуации стратегического значения, хотя их характер остается непредсказуем;

успех в конфликтах будущего напрямую зависит от качества знаний о противнике.

В значительной степени схожими являются оценки угроз и вызовов, сделанные влиятельными международными организациями, которые преимущественное внимание уделяют новым, нетрадиционным формам угроз и вызовов, вследствие чего государства не располагают исторически выверенным опытом борьбы с ними. Часть угроз не может быть устранена силовыми методами и требует применения новых подходов. В то же время остаются неизменными принципы применения военной силы, гибридных и асимметричных подходов, ранжирование международных отношений от сотрудничества до конфронтации, противоречия из-за доступа к природным ресурсам. Наиболее опасной признается возможность сочетания различных типов угроз, в том числе традиционных и нетрадиционных, что придает им более взрывоопасный характер.

Подчеркивается трансграничный характер этих нетрадиционных угроз и сложность обеспечения безопасности государств на уровне, более низком, чем глобальный. В целях обеспечения глобальной безопасности признается необходимость широкого международного сотрудничества в форме укрепления политического сотрудничества и торгово-экономической интеграции.

Так, по мнению авторов доклада * «Прогнозы относительно будущего субъектов международных отношений до 2030 г.»¹⁰⁰ мир не будет однополярным к 2030 г. США станут лидером в новой полицентричной системе. Причины этому: неэффективность военных кампаний в Ираке и Афганистане, критика в

¹⁰⁰ Predictions regarding international actors up to the year 2030. www.defmin.fi.

адрес односторонней политики США, усиление России и КНР, финансово-экономические проблемы в США. Авторы отмечают, что способности союзников США участвовать в конвенционной войне постепенно снижаются, следовательно, количество баз, на которых могут присутствовать США также будет уменьшаться. Это приведет к развитию БПЛА и роботизированного оружия, где США уйдут далеко вперед по сравнению с другими странами.

Основным конкурентом США признается Китай. Экономика КНР останется относительно стабильной после 2020 г. и будет зависеть от способности политической элиты проводить необходимые реформы. Снижение темпов экономического роста неизбежно скажется на настроениях населения. Развитие экономики КНР приведет к увеличению разрыва между классами, повышению спроса на энергию, нехватке электричества, старению населения и ухудшению экологии в городах. Тайвань и Корейский полуостров останутся насущными проблемами для КНР. Китай будет стремиться закрепиться в своем регионе, в то время как присутствие США станет проблемой для КНР, угрозой его национальным интересам.

К 2030 г. Россия станет одной из полноценных держав в военном, политическом и экономическом отношении. Ядерное оружие останется основным фактором, не допускающим войны между великими державами. Россия расширит свои связи с Центральной, Южной и Восточной Азией, а также рядом ближневосточных стран, что увеличит ее внешнеполитический ресурс. Белоруссия останется ближайшим союзником России. Постоянное гибридное давление со стороны НАТО может привести к ухудшению отношений России с рядом закавказских и центрально-азиатских стран (в первую очередь с Грузией и Узбекистаном). Вместе с тем, проблема регионального терроризма останется нерешенной. Именно это обусловит постоянное присутствие НАТО в регионе.

«Арабская весна» может сплотить ряд ближневосточных стран, что приведет или к напряженности в регионе или к консервации ситуации. Арабские волнения заставят Иран выделять больше средств на обеспечение безопасности, что приведет к разработке ядерного оружия. Это вновь существенно обострит отношения Ирана с Западом и Израилем. Северная Африка будет находиться в относительно стабильной ситуации. Однако региональный терроризм будет постоянно мешать развитию данного региона. Такие режимы как в ОАЭ, Катаре и Саудовской Аравии могут стать более авторитарно-умеренные. Это положительно скажется на отношениях этих стран с Западом.

Страны Северной Европы уже сегодня сталкиваются с множеством проблем: старение наций, увеличение нагрузки на систему здравоохранения и рынок труда. Все это заставит страны войти в разные региональные организации. Ресурсы в Северном море постепенно истощатся. Экспертами прогнозируется активизация добычи нефти и газа в Северном Ледовитом океане и Баренцевом море, что резко осложнит отношения этих стран с Россией. В случае невозможности решить проблему дипломатическим путем возможен межгосударственный конфликт.

НАТО сохранит роль политической и военной организации в мире. США будут делиться своим вооружением с европейскими членами, чтобы противостоять новым угрозам. Однако новые международные вызовы потребуют более тесного сотрудничества с Россией. *

После 2040 г. решающая роль в международных отношениях перейдет к странам Востока, которые сумеют сократить технологическое отставание от Запада, значительно усилить свои вооруженные силы, начать производить и экспортировать продукцию военного назначения¹⁰¹. * Оружие направленной передачи энергии (лазерное оружие), космические и кибернетические технологии будут широко доступны как для государств, так и для других структур. К 2040 г. останется мало причин полагать, что обстановка в мире станет более стабильной, чем сейчас. Перечисленные выше угрозы усилят степень конфликтогенности.

Мировая война, война между европейскими державами, война между либеральными демократиями маловероятны. Однако разногласия по вопросам границ и доступа к ресурсам могут возникать, что может приводить к ограниченным с точки зрения сил и средств конфликтам. Очевидно то, что потенциальные противники будут иметь доступ к высокоэффективным технологиям¹⁰².

Современный международный терроризм, являясь самым опасным социально-политическим явлением, оказывает колоссальное влияние на политические процессы в мире. В сфере международных отношений терроризм представляет, прежде всего, острую угрозу для международной безопасности,

¹⁰¹ UK Development, Concepts and Doctrine Center. Multiple Futures Project. Navigating Towards 2030. Allied Command Transformation, April 2009.

¹⁰² Краткий обзор зарубежных прогнозов военно-политического характера. Центр военно-политических исследований. 21.09.2014.

поскольку он подвергает опасности стабильность и мирный характер во взаимоотношениях между отдельными государствами, а также целыми группами государств, провоцирует напряженность в отношениях между ними, нередко способствует разжиганию опасных международных конфликтов, препятствует их разрешению. Терроризм на международной сцене выступает также как инструмент вмешательства во внутренние дела государств, дезорганизует международные связи, грубо нарушает права человека, международный правопорядок.

Беспрецедентные по своим последствиям террористические акты последнего десятилетия показали, что сложившиеся механизмы противодействия международному терроризму в большинстве государств мира не адекватны уровню и характеру террористической угрозы. Более того, обозначилась тенденция перехода от разрозненных террористических актов к масштабным акциям, принимающим характер диверсионной войны, в ходе которой применяются методы информационно-психологического воздействия, в том числе для создания атмосферы всеобщего страха. Особенно опасен терроризм тем, что его идеология в значительной степени имеет религиозную и радикальную направленность.

Крупнейшая катастрофа в истории российской и советской авиации произошла 31 октября 2015 г.: самолет «Аэробус А321» компании «Когалымавиа», выполнявший рейс 9268 Шарм-эш-Шейх – Санкт-Петербург, был взорван в результате террористического акта, ответственность за который взяла на себя группировка «Исламское государство». 217 пассажиров и семь членов экипажа погибли. Катастрофа произошла в результате взрыва на борту устройства иностранного производства мощностью до 1 кг в тротиловом эквиваленте¹⁰³.

Террористические акты в Париже и его пригороде произошли 13 ноября 2015 года. Почти одновременно имели место несколько атак: взрывы возле стадиона «Стад де Франс» в Сен-Дени, расстрел посетителей нескольких ресторанов, а также бойня в концертном зале «Батаклан» (где около 100 чел. были захвачены в заложники)¹⁰⁴. Эти теракты стали крупнейшими по числу жертв среди населения за всю историю Франции и самыми масштабными по

¹⁰³ Правда-TV.ru. Новости 14-21 ноября 2015.

¹⁰⁴ Число жертв терактов в Париже возросло до 129 человек. Интерфакс. 14 ноября 2015.

числу жертв нападением на Париж со времен Второй мировой войны. В стране, всего лишь четвертый раз за ее историю, было введено чрезвычайное положение.

20 ноября 2015 года группировка «Аль-Мурабитун», присягнувшая на верность «Исламскому государству», захватила 170 заложников для дестабилизации обстановки в Мали.

С учетом того, что террористические группировки, действуя, как правило, нетрадиционно, обладают разветвленной сетью и координируют свои действия, террористические акты в 90% случаев стали достигать своих целей¹⁰⁵. Эти цели рассчитаны не только на причинение непосредственного ущерба жертве или жертвам, они имеют также и определенный устрашающий эффект: посеять страх, создать угрозу широкому кругу лиц и вызвать чувство растерянности, беспомощности и т.д.

Насилие направлено в основном против гражданских объектов и лиц. Мотивы чаще всего имеют политический характер. Акции совершаются так, чтобы привлечь максимум общественного внимания и оказать воздействие на власть или определенные группы населения, выходя за рамки причинения непосредственного физического ущерба¹⁰⁶. Акты международного терроризма в России и США, Испании и Турции, Индонезии и Израиле, Марокко и Египте, Пакистане, Афганистане, Сирии, Ираке и Тунисе показывают, что терроризм становится, к сожалению, привычным фактором мирового процесса. Обладание новейшими вооружениями, технологиями и огромными финансовыми средствами повышает тяжелые последствия террористической деятельности.

Новые угрозы и вызовы безопасности имеют более широкий понятийный смысл и включают в себя не только терроризм как таковой, но и явления коррупции, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков, нанесение ущерба компьютерным системам, общую криминализацию общества. Анализ характеристик проявлений международного терроризма позволяет сделать вывод, что террористическая активность различного рода экстремистских организаций в ближайшее время сохранится как минимум на прежнем уровне, а масштабы и география террористических акций, очевидно, будут расширяться. Поэтому представляется, что устранение причин, порождающих терроризм, является первостепенной и долгосрочной задачей, в

¹⁰⁵ Тенденции развития терроризма. Терроризм. privacy and terrorism. org.

¹⁰⁶ Косов Ю.В. Международный терроризм как глобальная проблема // Сборник «Перспективы человека в глобализирующемся мире». № 5. 2005. С. 43.

решении которой должны принимать участие, по меньшей мере, наиболее влиятельные государства.

За последние несколько лет ведущие мировые государства добились определенного прогресса по таким направлениям, как проведение совместных контртеррористических операций, интенсификация процесса сбора и обмена информацией, информатизация и развитие электронных баз данных, внедрение передовых технологических методов получения и анализа информации в области борьбы против терроризма. Кроме того, поддерживается постоянный контакт между различными силовыми структурами, осуществляется сотрудничество и в других областях, связанных с борьбой с терроризмом, таких как пограничный контроль, нераспространение ОМУ, управление использованием воздушного пространства и ядерная безопасность¹⁰⁷.

По мнению руководства ведущих стран НАТО, в настоящее время реальная угроза безопасности для стран альянса исходит и от религиозной (исламской) формы терроризма, которая состоит в следующем. Во-первых, религиозный терроризм распространяется, прежде всего, в регионах, где религиозный фактор имеет глубокие корни. Основная его цель заключается в вовлечении в свои ряды как можно большего количества людей, начиная с элиты и кончая беднейшими слоями населения. Во-вторых, идеологи террористических групп отличаются высоким уровнем образованности. Наиболее яркий пример – это религиозно-радикальные организации в ближневосточном регионе. В этих организациях наиболее популярна фундаменталистская «концепция героя», шахида¹⁰⁸, в которой шахид сознательно противопоставляется атеистическому, становящемуся все более виртуальному, безликому западному обществу, в котором нет необходимости героического и личностного начала.

Запад как таковой с его глобализацией и транснациональными корпорациями является цивилизационным врагом исламских террористов. Религиозный фактор в этом случае представляет собой очень эффективный инструмент мотивации членов экстремистских групп, чей фанатизм, тщательно развитый и поддерживаемый радикальным исламским руководством, позволяет

¹⁰⁷ Сурков Н. НАТО после Лиссабона. Источники разногласий и точки соприкосновения с Россией. М., 2011.

¹⁰⁸ В исламе это понятие применяется, как в отношении свидетеля на суде, так и в отношении верующих, принявших мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, часть, семью.

им предпринимать такие рискованные и часто самоубийственные акции, на которые вряд ли решились бы не религиозно мотивированные террористы. Гибель шахида в ходе джихада¹⁰⁹ – а именно так расценивают свою деятельность эти группы – является, с их точки зрения, прямой дорогой в рай и неудивительно, что многие экстремисты не только готовы, но и стремятся погибнуть во время выполнения задания. Проведение силовых операций Соединенными Штатами в Афганистане, Ираке, Сирии и других странах только способствуют распространению религиозно-радикальных движений на Ближнем и Среднем Востоке.

Третья особенность религиозной формы терроризма – это четко выраженный социальный аспект. Все религиозно-радикальные движения и организации выступают в своей трактовке за социальную справедливость и социальное равенство. Тем самым они создают притягательную среду для религиозно неграмотных и безработных категорий населения. Накопившиеся социально-экономические, политические, демографические, экологические, межэтнические проблемы и неравномерное распределение водных и энергетических ресурсов способствуют популяризации религиозного терроризма путем усиления социальных противоречий в обществе и снижения эффективности функционирования защитных механизмов в сфере нравственности, моральных ориентиров, в первую очередь среди молодежи.

Наконец, религиозный терроризм для его последователей – это своего рода концепция освободительной борьбы, т.к. она является элементом тотальной войны с «неверными».

Для финансирования экстремистской деятельности военизированные религиозные группы участвуют в незаконной торговле нефтью, наркотиками, оружием и предметами старины¹¹⁰, что подрывает основы устойчивого развития не только западных стран, но и в целом всего мирового сообщества.

Террористические организации, действующие в регионах Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии представляют собой своеобразные гибридные концерны с многомиллиардными доходами, с внутренним

¹⁰⁹ Джихадом в исламе является борьба со своими духовными или социальными пороками (ложью, обманом, развращенностью общества и т.д.), устранения социальной несправедливости, постоянное усердие в деле распространения ислама, ведение войны с агрессорами, наказание преступников и правонарушителей.

¹¹⁰ Джихадисты финансируют войну за счет торговли историческими реликвиями. Комсомольская правда. 18 декабря 2014.

разделением труда и специализацией, с тренировочными лагерями, мастерскими, складами, убежищами, госпиталями, лабораториями, широко использующие новейшие типы оружия, средства связи и транспортировки, практикующие самые разнообразные и в значительной мере нетрадиционные методы и приемы борьбы. Так, бывший министр обороны США Чак Хейгел признал, что Исламское государство «хорошо организовано и не испытывает нужды в деньгах, оно финансируется без ограничений, совмещает приверженность опасной человеконенавистнической идеологии с хорошим владением принципами современной военной тактики и стратегии»¹¹¹. Оно представляет собой угрозу безопасности не только для Ирака, но и региона в целом, а также безопасности Соединенных Штатов.

В определенном смысле террористические организации можно характеризовать как негосударственные военизированные системы, которые с началом XXI века находятся в состоянии непрерывной динамики, трансформации, клонирования, мутации. По уровню организации и боевой подготовки они постепенно выходят на достаточно высокий уровень военизированных формирований, а также активно проникают в политическую и экономическую систему государств (располагают клонированными структурами прикрытия в виде партий и общественных организаций, имеют собственные парламентские фракции и контролируемые средства массовой информации) и осуществляют скрытное представительство в международных организациях.

Наличие явных и возникновение потенциальных угроз и вызовов требует, по мнению американского военно-политического руководства, использования всех средств, которые позволяют одержать победу в конфликте с любым гипотетическим противником. Военная стратегия США и НАТО в целом оставляет им возможность нанесения «упреждающих ударов» по любым «неудобным» государствам, проводящим независимый внешнеполитический курс. Причем ведущие государства Североатлантического альянса будут действовать против возникающих угроз до того, как они полностью проявятся. Таким образом, отвергается концепция сдерживания, которая определяла оборонную политику западных стран в годы холодной войны – в пользу

¹¹¹ Что нужно США для операции против Исламского государства. Эксперт online. 3 сентября 2014.

упреждающей политики в отношении враждебных государств и негосударственных организаций.

Вооруженные силы ведущих государств НАТО все чаще решают задачи по обеспечению безопасности государства в особых условиях мирного времени. Одна из причин этой тенденции заключается в возрастающем числе нетрадиционных вызовов и угроз безопасности, в том числе техногенного и природного характера¹¹². Подготовка и проведение военных операций мирного времени направлены на достижение трех целей: формирование условий обстановки, благоприятных для отстаивания и продвижения национальных (коалиционных) интересов; реагирование на угрозы и вызовы национальной безопасности; подготовка к действиям в условиях непредвиденных обстоятельств.

Что касается непосредственно вооруженного противоборства, то, по взглядам американского командования, нетрадиционные военные действия, как ответ на нетрадиционные угрозы, представляют собой совокупность мероприятий силового и подрывного характера, проводимые подпольными организациями, партизанскими формированиями и сочувствующего им местного населения для предоставления оппозиционному движению возможностей принудить действующую власть пойти на уступки, внести раскол в правящие круги или свергнуть правительство отдельно взятой страны¹¹³. Нетрадиционные способы действий также подразумевают оказание третьей стороной помощи местным силам в борьбе с действующей властью (правлящим режимом).

Подобная помощь может включать подготовку и организацию оппозиционного движения, вербовку добровольцев, участие военных советников в разгорающемся конфликте, дипломатическую поддержку, материально-техническое обеспечение и поставку средств огневого поражения в целях предоставления преимущества повстанцам над силовыми структурами правящего режима. Как считают западные военные специалисты на примере боевых действий на юго-востоке Украины, применение иррегулярных формирований и поддерживающих их сил общего назначения ВС внешнего

¹¹² Применение вооруженных сил зарубежных государств в особых условиях мирного времени. Зарубежное военное обозрение № 5, 2013. С. 3.

¹¹³ USASOC White Paper: Counter-Unconventional Warfare. September 2014.

государства будет основным содержанием вооруженных конфликтов будущего (гибридных войн) и иметь в них ключевое значение¹¹⁴.

В течение последнего десятилетия различные страны и негосударственные образования вели нетрадиционные военные (боевые) действия в Ираке, Сирии, Афганистане, Грузии и других регионах мира в целях принуждения к уступкам, внесения раскола или свержения действующего правительства. Так, США и их союзники по НАТО к негосударственным образованиям относят экстремистские группировки, объявившие в свое время о создании «Исламского государства» и стремившиеся свергнуть национальные правительства, органы местного самоуправления и общественно-политический строй на обширной территории между восточной частью Сирии и северо-западными провинциями Ирака (рис. 10). В ходе проводившихся там боевых столкновений появлялись новые формы нетрадиционных военных (боевых) действий.

Рис. 10. Боевики террористической группировки «ИГИЛ»

В качестве же основных государств, представляющих угрозу в гибридных войнах интересам США и так называемым американским государствам-партнерам, определены Китай, Россия и Иран. В отношении РФ данный вывод был сделан в период с марта 2014 г. по март 2015 г. на основе анализа американскими разведывательными службами, аналитиками государственного департамента и министерства обороны США опыта использования формирований ополчения против силовых структур Украины. Кроме того, была учтена возможность возникновения новых вооруженных конфликтов на

¹¹⁴ Попов И.М. Матрица войн современной эпохи. Независимое военное обозрение. 22 марта 2013.

постсоветском пространстве с использованием различных военизированных формирований против правительственных силовых структур.

Американские эксперты предполагают, что в гибридных войнах иностранными государствам будут широко применяться нетрадиционные способы ведения войны в совокупности с использованием всех доступных дипломатических, информационных, военных и экономических средств для нанесения ущерба противнику при максимальном сокрытии принадлежности применяемых сил и средств.

Американское военно-политическое руководство полагает, что за последнее десятилетие вооруженные силы США совместно с федеральными агентствами и ведомствами Соединенных Штатов, а также иностранными партнерами значительно укрепили свои возможности по противодействию иррегулярным угрозам, которые представляют различные негосударственные образования, а именно террористические организации, повстанческие формирования и организованные преступные группировки (сообщества). Однако, за это время перед Соединенными Штатами, их союзниками по НАТО возникла новая проблема, заключающаяся в сочетании и смешении традиционных (классических) и иррегулярных угроз.

Данная проблема – гибридные военные (боевые) действия, предусматривающие совместное применение традиционных, иррегулярных и асимметричных способов, в том числе непрерывное манипулирование существующими политическими и идеологическими противоречиями. По мнению американских правящих кругов, гибридные военные (боевые) действия, предпосылками которых в 1990-е годы являлись действия Ирана на Ближнем и Среднем Востоке и китайская теория «неограниченной войны»¹¹⁵, достигли наиболее отчетливой формы в ходе гражданской войны на юго-востоке Украины.

Американское командование полагает, что, учитывая разносторонний характер противодействия нетрадиционным способам ведения войны, для его эффективного осуществления необходим адаптивный (гибкий) и комплексный подход со стороны правительства США, предусматривающий также использование возможностей союзников США по НАТО. После того, как затянувшиеся вооруженные конфликты в Афганистане и Ираке продемонстрировали общие недостатки ВС США при проведении

¹¹⁵ Цзяо Л., Ван С. Неограниченная война. Пекин, 1999.

противоповстанческих операций, американское командование в 2014 году приняло новый полевой устав FM 3-24 «Восстания и противоповстанческие действия»¹¹⁶. * Методические и практические рекомендации для должностных лиц различных федеральных агентств и ведомств также изложены в «Руководстве правительства США по противоповстанческим действиям»¹¹⁷.

Применение регулярных войск против иррегулярных формирований на протяжении последних лет тщательно исследуется в США, где такие операции называются противоповстанческими (контрповстанческими). Главным разработчиком совместного Полевого устава сухопутных войск и морской пехоты FM 3-24/MCWP 3-33.5 «Противоповстанчество», изданного в декабре 2006 года, считается генерал Д. Петрэус. Этот документ и поныне относят к лучшим наставлениям по организации повстанчества и борьбы с ним.

Полевой устав FM 3-24/MCWP 3-33.5 «Противоповстанчество» содержит достаточно неутешительный для регулярных войск вывод: «...силы, проводящие противоповстанческие операции, обычно начинают действовать неудачно. Вооруженные силы западных государств ошибочно полагают, что готовы к тому, чтобы победить в малых, нетрадиционных войнах. В реальности, некоторые возможности, обязательные для успеха в традиционных войнах – например, способность выполнять оперативный маневр и массированно использовать огневую мощь, – могут быть применены лишь частично или оказаться неэффективными в противоповстанческих операциях.

В мае 2014 года документ FM 3-24/MCWP 3-33.5 был коренным образом переработан и издан под тем же индексом, но с новым названием «Insurgencies and Countering Insurgencies» («Повстанчество и борьба с повстанчеством»). Проблема борьбы в повстанчеством отражается и в других американских документах: Наставление Объединенного комитета начальников штабов ВС США JP 3-24 «Counterinsurgency» («Противоповстанчество») от 22 ноября 2013 года и 25 апреля 2018 года; документ МО США «Irregular Warfare Joint Operating Concept» («Объединенная оперативная концепция иррегулярной войны», версия 2.0) от 17 мая 2010 года; Наставление ОКНШ ВС США JP 3-22 «Foreign Internal

¹¹⁶ Field Manual FM 3-24 MCWP 3-33.5 «Insurgencies and Countering Insurgencies. US Army, May 2014.

¹¹⁷Белая книга сил специальных операций сухопутных войск США. Противодействие применению иностранными государствами нетрадиционных (специальных) способов ведения войны. Сентябрь 2014.

Defense» («Внутренняя безопасность зарубежного государства») от 12 июля 2010 года и 17 августа 2018 года; Наставление ОКНШ ВС США JP 3-26 «Counterterrorism» («Борьба с терроризмом») от 13 ноября 2009 года; Наставление ОКНШ ВС США JP 3-07.3 «Peace Operations» («Миротворческие операции») от 17 октября 2007 года и 1 марта 2018 года; Полевой устав сухопутных войск США FM 3-24.2 «Tactics in Counterinsurgency» («Тактика действий в борьбе с повстанчеством») от апреля 2009 года; Доктринальный документ ВВС США AFDD 3-2 «Irregular Warfare» («Иррегулярная война») от 15 марта 2013 года; «U.S. Government Counterinsurgency Guide» («Руководство по противоповстанчеству правительства США») от января 2009 года; «CIA Guide to the Analysis of Insurgency» («Руководство ЦРУ США по анализу повстанчества») от 5 января 2009 года.

Таким образом, совершенствование принципов и способов ведения противоповстанческих действий, а также отдельных мероприятий в рамках боевых действий против иррегулярных формирований (в том числе контртеррористических операций и операций по стабилизации обстановки), в США и других ведущих странах НАТО основывается на официальных документах и в том числе на опыте, полученном в Афганистане и Ираке и в ходе борьбы с формированиями Исламского государства.

В связи с этим, любая методика противодействия нетрадиционным угрозам способам ведения войны призвана охватывать работу всех государственных структур. Данный подход заключается в использовании дипломатических, информационных, экономических, финансовых и правовых инструментов национальной мощи наряду с военной силой, оптимизированной для ведения гибридных и иррегулярных боевых действий. Данные инструменты должны функционировать скоординировано в едином комплексе с целью подавления воли противников, поддерживающих движение сопротивления и действия формирований ополченцев. Администрации президента Соединенных Штатов с учетом разработки федеральными агентствами и ведомствами скоординированной и комплексной стратегии противодействия применению иностранными государствами нетрадиционных способов ведения войны в обозримом будущем будет предоставлен выбор при определении варианта реагирования на подобные угрозы.

Применение нетрадиционных способов в рамках масштабной кампании по ведению гибридных военных (боевых) действий, как в случае с Украиной, будет

угрозой для достижения целей по обеспечению национальной безопасности США до тех пор, пока у Соединенных Штатов не появятся подходы, связывающие воедино политику, стратегию и практическую реализацию. И, наоборот, при наличии значительного потенциала для противодействия нетрадиционным способам ведения войны Соединенные Штаты, их союзники и государства-партнеры будут иметь преимущества для изнурения и уничтожения повстанческих формирований, сепаратистских движений и террористических организаций, зависящих от внешней поддержки.

По мнению американских военных аналитиков, в обозримом будущем обстановка в мире будет характеризоваться возрастающей ролью негосударственных образований и субъектов, что означает возникновение своеобразного «рассеивания мощи» (*diffusion of power*) в системе международных отношений¹¹⁸, демографическим сдвигом за счет ускоренной урбанизации, и повышением конкурентной борьбы за источники сырья и энергетических ресурсов и, как следствие, возрастанием конфликтного потенциала. Распространение и стремительное развитие информационных технологий и производства оружия еще более увеличит «рассеивание мощи» и конкуренцию между различными странами и негосударственными образованиями. Тем не менее, несмотря на вероятное продолжение ярко выраженной тенденции роста числа конфликтов с участием иррегулярных формирований, угроза крупномасштабного противостояния государств в обозримом будущем сохранится. По этой причине, ВС США будут и в дальнейшем совершенствовать свои возможности по ведению как традиционных, так и иррегулярных военных действий.

В соответствии с текущими прогнозами Национального совета по разведке США, в ближайшей перспективе в связи с развитием многополярной системы международных отношений ожидается еще большее «рассеивание глобальной мощи», что повлечет за собой геополитическую нестабильность. По оценке западных экспертов, «к 2030 году ни одна страна, будь то США, Китай или другое крупное государство, не будет господствующей силой». Быстро развивающиеся «региональные державы», такие как Китай, Россия, Индия, Бразилия, Индонезия, Турция и Иран, будут наращивать свою мощь и влияние на региональном и глобальном уровнях с целью обезопасить свои политические,

¹¹⁸ Guzzini S., Neumann I.B. *The Deffusion of Power in Global Governance*. 2012.

общественные и экономические интересы¹¹⁹. В связи с этим, администрация США будет применять различные подходы в своей внешней политике с учетом развития военно-стратегической обстановки, характеризующиеся более частым, чем раньше изменением союзов (коалиций) и широким распространением разнообразных видов противоборства.

«Рассеивание глобальной мощи» также будет выражаться в растущей роли негосударственных образований (субъектов), стремящихся расширить свое влияние на местном, региональном и глобальном уровне. Высокий темп распространения и развития технологий производства вооружений и военной техники и информационных технологий подтверждают предположение США о том, что «отдельные лица и малочисленные группы будут иметь больший доступ к передовым летальным и разрушительным технологиям (высокоточному и биологическому оружию, средствам ведения боевых действий в кибернетическом пространстве и т.д.)», что позволит им применять силу в более крупных масштабах¹²⁰. Ранее данная возможность была доступна только государствам. Экстремистские группировки, а также организованные преступные сообщества будут с небольшими ограничениями использовать их для достижения необходимых результатов. Возможности кибернетического пространства могут позволить малочисленным группам и отдельным лицам достичь несоразмерного с затраченными силами и ресурсами результата.

По мнению американского руководства, в обозримом будущем противники США будут действовать опосредованно, используя третью сторону, в том числе террористические организации и преступные группировки. Так, например, руководство Ирана для расширения и укрепления своего влияния за рубежом согласованно использует достаточно мощные силы третьих сторон, в частности, шиитской организации «Хезболлах» в Ливане, движения исламского сопротивления «Хамас» в Секторе Газа и различные группировки в Афганистане, Йемене и Ираке. Негосударственные образования, такие как «Хезболлах», «Хамас» и другие экстремистские группировки будут использовать формы и способы боевых действий, а также современные средства вооруженной борьбы, как правило, характерные для государств.

¹¹⁹ Белая книга сил специальных операций сухопутных войск США. Противодействие применению иностранными государствами нетрадиционных (специальных) способов ведения войны. Сентябрь 2014.

¹²⁰ Там же.

Вооруженные силы США должны быть готовы к участию в продолжительном вооруженном конфликте с все более мощными негосударственными образованиями. Соединенные Штаты должны также противостоять враждебным государствам, использующим современные военные технологии и силы третьих сторон. Так как своевременно обнаружить гибридные угрозы традиционными методами сложно, при противодействии им большое значение придается эффективному разведывательному обеспечению, скорости реагирования, согласованному использованию инновационных способов, приспособляемости, лишению противника средств, ресурсов и подавлению его воли к продолжению действий, наносящих ущерб интересам США и их союзников.

Для успешного проведения мероприятий по противодействию нетрадиционным способам ведения войны американские вооруженные силы готовятся действовать в соответствии с единым стратегическим замыслом, использовать в своих интересах высшие органы управления и одновременно сочетать выполнение полного спектра задач в рамках военных (боевых) действий против иррегулярных формирований. Данная деятельность ВС США также должна непрерывно координироваться с усилиями соответствующих американских ведомств и государств-партнеров (рис. 11).

Комплексный подход должен быть основан на организации тесного взаимодействия между различными военными и гражданскими структурами страны. Организация подобного сотрудничества является наиболее сложной задачей при достижении необходимого потенциала для противодействия нетрадиционным способам ведения войны. Борьба с терроризмом предусматривает, в первую очередь, реагирование на угрозу и проведение операций в сжатые сроки, противодействие же нетрадиционным способам ведения войны подразумевает реализацию превентивных (упреждающих) мер, требующих тщательного планирования и согласования в течение длительного периода времени.

Рис. 11. Соотношение различных способов ведения гибридных войн

Первым шагом на пути к упреждающему и продолжительному противодействию применению нетрадиционных способов ведения войны в рамках реализации государственной политики в сфере национальной безопасности является создание концептуально-правовой базы, определяющей алгоритм принятия решений и порядок организации взаимодействия соответствующих структур. При этом за основу взята национальная концепция США реагирования на чрезвычайные ситуации¹²¹. Исходя из положений данной концепции, ВС США будут применять предназначенные для ведения иррегулярных боевых действий органы управления различного уровня¹²². Предполагается, что они будут взаимодействовать с различными правительственными структурами и странами-партнерами при планировании и скоординированном ведении операций по борьбе с противниками, применяющими нетрадиционные способы противоборства, в различных регионах мира, в том числе в географических зонах ответственности ОК ВС США.

Указанные области могут находиться в глубине территории страны пребывания или в приграничных зонах, где расположены маршруты проникновения в страну третьей стороны. Точный состав применяемых сил и

¹²¹ National Response Framework. FEMA. March 2015.

¹²² FM 100-8. The Army in Multinational Operations. May 2010.

средств зависит от поставленных целей с учетом особенностей региона, отношения местного населения, политических факторов, имеющегося в распоряжении вооружения и военной техники и материальных средств.

Для проведения нетрадиционных военных (боевых) действий формирования ССО проходят необходимую подготовку и имеют в своем распоряжении соответствующее снаряжение. В соответствии с полевым уставом сухопутных войск США FM 3-24¹²³ основными задачами, стоящими перед подразделениями ССО при ведении подобных действий, являются: пресечение повстанческой деятельности, уничтожение опорных баз движений сопротивления, демонстрация поддержки правительства страны пребывания в отношении представителей оппозиции и сил сопротивления.

Кроме того, подразделения ССО осуществляют сбор и обобщение информации о планируемой деятельности повстанческих сил. В случае получения ценной информации, подразделения ССО оказывают помощь иррегулярным формированиям (добровольческим батальонам) страны пребывания по организации противодействия повстанческим движениям, причем в таких случаях внимание акцентируется на проведении силовых акций методами, используемыми оппозицией, но с преимуществами, которые обуславливаются возможностями регулярных вооруженных сил.

Постоянное сопоставление разведывательной информации, полученной от разных источников, является важнейшим условием успеха мероприятий по противодействию нетрадиционным способам ведения войны. Данный процесс должен проводиться непрерывно и быть обязательной составляющей работы органов управления. Ячеечный принцип построения сил сопротивления создает дополнительные трудности при вскрытии планов ведения нетрадиционных боевых действий. Для решения данной проблемы задействуются средства разведки для сбора и обработки сведений из различных источников.

По мнению американского руководства, комплексное противодействие нетрадиционным способам ведения войны предусматривает проведение следующих видов специальной деятельности в рамках иррегулярных боевых действий: помимо нетрадиционных военных (боевых) действий, о которых говорилось выше – это оказание содействия в обеспечении внутренней

¹²³ Field Manual FM 3-24 MCWP 3-33.5 «Insurgencies and Countering Insurgencies». US Army, May 2014.

безопасности иностранного государства, операции по стабилизации обстановки, противоповстанческие действия и борьба с терроризмом. Они могут проводиться как на территории одной страны, так и на территории нескольких государств одновременно. Вид и масштаб операции определяются администрацией США и руководством государства-партнера исходя из особенностей политической обстановки и характера поставленных целей.

К спецоперации могут привлекаться отдельные лица, отряды ССО или крупные формирования ВС США. В зависимости от масштаба операции и степени политического риска в операции по противодействию нетрадиционным способам ведения войны могут задействоваться ССО, силы общего назначения или их совместные формирования.

Содействие в обеспечении внутренней безопасности иностранного государства заключается в реализации военными и гражданскими ведомствами США мероприятий в рамках программ помощи правительству иностранного государства или других организаций по защите общества от попыток свержения существующего строя, недопущению нарушений законности и правопорядка, действий повстанческих движений и террористических организаций, а также других угроз безопасности.

Данная деятельность направлена на повышение возможностей государств-партнеров на своей территории противостоять применяющим нетрадиционные способы ведения войны противникам. Мероприятия по оказанию содействия в обеспечении внутренней безопасности иностранного государства могут проводиться малочисленными группами и требуют относительно небольших объемов финансирования. При этом могут применяться различные гибридные методы воздействия: политические, дипломатические, информационные, военные, экономические, финансовые, разведывательные и правовые. Руководство данными мероприятиями, как правило, осуществляется Государственным департаментом, а координацию деятельности различных федеральных агентств и ведомств Соединенных Штатов – представительством США в данной стране.

Противоповстанческие действия представляют собой комплекс мероприятий гражданского и военного характера, реализуемых совместно соответствующими американскими структурами в целях подавления и сдерживания повстанческого движения, а также устранения глубинных причин его возникновения. Успех данной деятельности требует от правительства США

комплексного подхода к обеспечению внутренней безопасности страны пребывания и оказанию помощи ее правительству в разработке программ совершенствования государственного управления и пресечения повстанческой деятельности.

Соответствующие органы США должны выявлять так называемые «горячие точки» с высокой вероятностью возникновения повстанческих движений с целью разработки плана по своевременной ликвидации глубинных причин их появления. Госдепартамент США осуществляет общее руководство работой по выявлению «проблемных» районов и координирует деятельность других федеральных агентств и ведомств, направленную на выявление зарождающихся повстанческих движений и ликвидацию причин нестабильности.

Операции по стабилизации обстановки включают различные виды военных (боевых) действий, проводимые за пределами территории США и согласованные с деятельностью федеральных агентств и ведомств, а также неправительственных организаций, в целях поддержания и укрепления безопасности, предоставления необходимых государственных услуг, восстановления целостности важных объектов инфраструктуры и оказания гуманитарной помощи. В рамках противодействия нетрадиционным способам ведения войны данные мероприятия позволяют выявить и ликвидировать глубинные причины возникновения нестабильности (рис. 12).

Рис. 12. Проведение операции по стабилизации обстановки

Операции по стабилизации обстановки могут выполнять различные функции в ходе противодействия нетрадиционным способам ведения войны за счет совместного использования нескольких инструментов национальной мощи США для повышения возможностей государств-партнеров по реализации мероприятий превентивного (упреждающего) характера. Их проведение позволяет США оказывать помощь правительству страны-партнера в оборонных вопросах и поддержании стабильности, способствует передаче власти местным органам управления после уничтожения повстанческого движения или обеспечивает стабилизацию обстановки в районах и среди групп населения, пострадавших в результате стихийного бедствия или техногенной катастрофы.

Операции по стабилизации обстановки могут включать восстановление объектов инфраструктуры, содействие экономическому развитию, установление правопорядка, возобновление работы центральных органов государственного управления, создание системы жизнеобеспечения населения или предоставление военной помощи гражданским органам власти. Деятельность американских государственных структур в данной сфере осуществляется под общим руководством Государственного департамента США.

Контртеррористическая деятельность (противодействие терроризму) подразумевает под собой действия, направленные непосредственно на ликвидацию террористических организаций, а также создание неблагоприятных для их существования и деятельности условий в глобальном и региональном масштабе. Данная деятельность является важной составляющей противодействия нетрадиционным способам ведения войны, так как за счет оказания влияния на определенные группы населения позволяет подорвать мощь, волю, доверие и легитимность противника. Контртеррористические операции могут быть разных масштабов и проводиться США тайно или скрытно как самостоятельно, так и во взаимодействии с государствами-партнерами. Их проведение может способствовать повышению возможностей государства-партнера по противодействию терроризму или использоваться для нанесения избирательных ударов в целях своевременного уничтожения важных объектов противника, спасения заложников, возвращения под свой контроль опасных материалов и изделий. Администрация США осуществляет руководство контртеррористической деятельностью в зависимости от условий складывающейся обстановки.

Таким образом, используя и развивая свои возможности в создании нетрадиционных военных угроз и ведении нетрадиционных военных (боевых) действий, противники США пытаются нивелировать существующее превосходство западных стран в военной мощи. Кроме того, они продолжают использовать такие асимметричные методы противоборства как кибернетические и информационные операции, подрывную деятельность, работу СМИ. Умелое сочетание вероятными противниками США различных видов деятельности влечет за собой образование принципиально новых театров военных действий, что в свою очередь потребует, по мнению американского военно-политического руководства и их союзников, гибкости и своевременной адаптации для эффективного реагирования на возникающие угрозы безопасности.

Глава 6. Борьба в информационной сфере в условиях гибридной войны

Борьба в информационной сфере не является чем-то новым для человечества. Еще античные авторы в подробностях рассказывали о хитроумных агитационных кампаниях, при помощи которых политики древности пытались ослабить своих противников и деморализовать их. Знаменитый полководец Афин Фемистокл во время войны с персами приказывал вырезать на камнях призывы к одному из главных древнегреческих племен (ионянам) переходить на сторону афинян – или хотя бы не сражаться с ними слишком усердно. Во время Великой Отечественной войны такого рода призывы уже не вырезались на камнях, а печатались на листовках и разбрасывались над позициями противника с самолетов.

К концу 70-х годов прошлого столетия, когда человечество находилось в переходе от информационной к пост информационной эпохе, стало очевидно, что информационное оружие способно решать ряд задач также, как и обычные вооруженные силы, но эффективнее и с меньшими издержками. Для военно-политического руководства ведущих государств мира стало очевидным, что современное общество находится в большой зависимости от информационно-телекоммуникационных систем, и этот факт не может быть не учтен при разработке технологий воздействия на сознание людей путем манипуляций.

Информационное противоборство всегда использовалось в войнах государств с помощью пропаганды, дезинформации, разведывательных и контрразведывательных мероприятий (рис.13).

Рис.13. Борьба в информационной сфере в условиях гибридной войны

Термин «информационная война» одним из первых использовал Т. Рона в аналитическом отчете для компании Боинг «Системы оружия и информационная война» в 1976 году.¹²⁴ С того момента начинается формироваться понимание того, что информация может быть оружием. С учетом того, что развитие экономик стран Европы и США основано на прорыве в информационно-телекоммуникационных технологиях, то этот сектор становится особенно уязвимым как в военное, так и в мирное время.

Применение информационного оружия происходит, во-первых, через воздействие на информационные средства и системы противника и, во-вторых, через воздействие на сознание людей. Первое направление получило название кибервойны, когда атакам подвергается техническое оборудование и системы его программного обеспечения. В мире существуют целые научные институты, разрабатывающие все новые и новые компьютерные вирусы, вирусные программы и прочие средства выведения из строя компьютеров или кражи информации.

Второе направление – это проверенные способы пропаганды и агитации, контрпропаганды и контрагитации, достигшие небывалых по своей силе высот по изощренности и массовости влияния на умы людей. Используется откровенная ложь и подделка информации (получил распространение термин «фейковая» – поддельная – война).

Если целью первого направления является нанесение ущерба жизнеобеспечивающим системам государства-противника (в области энергетики, обороны, управления и др.), то второе направление направлено на психологической обработки людей с целью дестабилизации политической ситуации в стране.

Известно следующее определение информационной войны: «... это вид конфликта, при котором задачами противоборствующих сторон являются защита собственной информации и информационных систем, манипулирование информацией противника или ее искажение, а также ограничение возможностей противоборствующей стороны в доступе и обработке информации»¹²⁵. Наряду с этим можно дать и другое определение информационной войны: «это активные действия в информационном пространстве, ставящие своей целью

¹²⁴ Rona T.P. Weapon Systems and Information War, Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.

¹²⁵ Бедрицкий А.В. Эволюция американской концепции информационной войны // Аналитические обзоры РИСИ. 2003. № 3. С. 3

дестабилизацию информационной системы противника и защиту собственной информационной среды»¹²⁶.

Огромным преимуществом информационной войны является то, что без единого выстрела можно овладеть ресурсами государства, если перепрограммировать поведение противника, убедив, например, общество в единственно верных западных ценностях. Разработана технология такого перепрограммирования, основными объектами которой являются властная элита и молодежь.

Существует распространенное мнение, что именно такое информационное поражение было нанесено Советскому Союзу в 90-е годы прошлого века, когда из строителей коммунизма людей в течение короткого времени превратили в строителей капитализма. По этому поводу американский аналитик Джозеф С. Най – автор концепции «мягкой силы» – сказал: «Именно информационная открытость советского государства, призыв новых политических элит интегрироваться в мировую систему и дали эффект бомбы, разрушившей страну. Бомба западничества, взорвавшаяся в России, произвела в ней неслыханные ранее опустошения не только в сферах государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в самом человеческом материале общества. В таких масштабах и в такие сроки это до сих пор не удавалось сделать никаким завоевателям и ни с каким оружием. <...> Запад с помощью этого орудия одержал самую грандиозную в истории человечества победу, предопределившую, на мой взгляд, ход дальнейшей социальной эволюции на много веков вперед»¹²⁷. Термин «информационная война» в 1992 году вошел в официальную стратегию США, что подтверждается документами министерства обороны Соединенных Штатов¹²⁸. *

Украинский конфликт стал благодатной почвой для очередного витка информационной войны. Миллионы хакерских атак обрушились на информационное пространство России. Периодически в информационную среду вбрасываются провокационные антироссийские фейки (интернет-утки, неправдивые фото или видео, выдаваемые за реальные), обостряя тем самым международные отношения государств. Главной задачей фейков служит

¹²⁶ Романова В.А. Информационная составляющая гибридных войн современности. Южно-Российский институт управления. Научная статья. 2015.

¹²⁷ Най Джозеф С. До скорой встречи, оружие! // Новая газета. № 10. 1 февраля 2010 г.

¹²⁸ Department of Defense Directive TS-3600.1, 21 December 1992, «Information Warfare».

дезинформация общества, при этом не только того государства, против которого направлена ложная информация, но и многих других государств. В результате у людей формируют искаженное мнение о каком-либо событии. Посредством такой ложной информации любое государство можно выставить агрессором, настроив тем самым против него мировое сообщество.

Вышеперечисленный материал позволяет сформулировать основные задачи, которых можно достичь посредством информационной войны. Они включают:

дезинформацию мирового сообщества путем размещения в средствах массовой информации, преимущественно электронных, заведомо ложной и провокационной информации;

распространение своей идеологии путем массированных атак на сознание граждан других государств, манипулирование их сознанием;

вербовку сторонников среди властной элиты, молодежи, в научных и образовательных кругах;

доступ к информационным ресурсам (архивам, банкам данных, музеям, библиотекам и пр.) с последующей их фальсификаций или уничтожением;

снижение влияния государства по принятию важных политических решений на мировой арене;

внедрение в общественное сознание принципов исключительного удовлетворения только своих потребностей, стяжательства, атмосферу безнравственности, негативного отношения к своей истории и культуре;

дестабилизацию политической и экономической системы государства; распространение порочащих и клеветнических сведений о руководстве страны;

создание состояния конфронтации между ведущими политическими силами государства;

шантаж влиятельных политических деятелей; разжигание национализма, ксенофобии, расовой и религиозной ненависти;

организацию массовых беспорядков, протестных выступлений, экстремистских проявлений.

Стало очевидным фактом то обстоятельство, что если еще недавно интернет имел преимущественно информационную составляющую, то теперь в нем все более набирает силу вектор агитационный, пропагандистский, отличающийся ярко выраженной агрессивностью. Традиционные СМИ все больше работают с интернет-ресурсами как источниками информации и

средством воздействия на умы граждан. Информация в Сети становится все более массово востребованной, быстро распространяемой и общественно значимой. Российское общество столкнулось с возрастающей угрозой в информационно-коммуникационной среде.

Целью информационной войны является управление процессом изменения сознания людей, их мировоззрения, отношения к обществу и государству; опасностью для людей является потеря ими собственной воли, а для государства – его суверенитета. Это всегда было целью любого завоевателя, но теперь этого можно добиться «мягкими» средствами, которые в ряде случаев могут быть опаснее «жестких», потому что жертва мягкого принуждения может и не осознавать обмана, а увидеть результат слишком поздно.

Таким образом, информационная война стала представлять собой мощное средство непрямого невоенного воздействия на политику отдельных государств и на международную обстановку в целом. Усиливается противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением США и НАТО использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения целей мирового господства. С этой целью во все возрастающих масштабах используются технологии манипулирования общественным сознанием как населения собственных стран, так и стран-мишеней с привлечением всего диапазона средств фальсификации истории и искажения фактов.

Современная Россия втянута не по своей воле в целый ряд информационных конфликтов со странами Запада, из которых следует особо выделить США и Великобританию. Помимо собственных СМИ и прочих специальных организаций, в своей информационной борьбе с Россией эти страны в последние десятилетия активно используют как спонсируемые ими силы внутри России (несистемную оппозицию, русофобские СМИ), так и антироссийски настроенные элиты и СМИ некоторых соседних с Россией стран (Польши, Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии).

Главной целью информационной войны, которую ведут против РФ Соединенные Штаты, является организация «цветной революции» в России. Второстепенной целью антироссийской информационной войны является ослабление России и нанесение вреда ее репутации за рубежом. Запад навязчиво пытается выставить Россию «тираническим», «отсталым» и «агрессивным»

государством; при этом агитация направлена как на население России, так и на жителей других стран мира¹²⁹.

В ходе форума «Армия-2019» на конференции «Актуальные вопросы информационного противодействия» министр обороны РФ С.К. Шойгу заявил, что Запад ведет информационную войну с Россией, стремясь сделать страну управляемой. «Основная и главная цель этой войны – стремление управлять Россией и, в конечном итоге, миром», – сказал Шойгу. По мнению министра обороны, Запад проводит в отношении России «агрессивное информационное воздействие», поскольку она практически вернула статус утраченного после распада СССР второго полюса мира¹³⁰.

Кроме того, американские и британские спецслужбы постоянно готовят дезинформацию об окружении президента России В.В. Путина и руководящего состава Министерства обороны РФ, которую используют для обоснования новых антироссийских санкций, и ведут активную антироссийскую кампанию.

В рамках уже нескрываемых провокационных действий специалисты американских и британских спецслужб фабрикуют фейковую информацию о российском руководстве. В общих чертах эта кампания повторяет сценарий так называемого «Панамского досье» (скандала, связанного с публикацией в западных СМИ досье об оффшорах в 2015 году): искусственно формируется выгодная Западу информация, которую вбрасывают в медийное пространство через аффилированные с американским Государственным департаментом некоммерческие организации – «Проект по расследованию коррупции и организованной преступности» (OCCRP) и «Международный консорциум журналистских расследований» (ICIJ). Затем эти фейковые новости попадают в СМИ, в том числе подконтрольные влиятельным американским финансистам. Речь идет о многочисленных фондах Джорджа Сороса и Уильяма Браудера, а кроме того, об изданиях, открыто финансируемых американскими властями, в том числе о признанных в России иностранными агентами «Радио Свобода» и «Настоящем времени»¹³¹.

¹²⁹ Информационная война против России. ARHIVACH.NG. 4 мая 2017.

¹³⁰ Шойгу назвал главную цель Запада в информационной войне с Россией. «Взгляд». Деловая газета. 26 июня 2019.

¹³¹ См. публикации «Эхо Москвы»: «Как власти готовят очередную «крупнейшую геополитическую катастрофу века» – 15 июля 2019; «Вырождение верхушки» – анонимный автор «Telegram-канал» 16 июля 2019. Социологические исследования, проводимые службами «Comcon» и «Gallup Media», показывают, что «Эхо Москвы» постоянно входит в десятку

Как и в случае с «Панамским досье», несмотря на нелепость выдвинутых обвинений, США эти информационные поводы прогнозируемо используют для обоснования новых санкционных мер. Такие действия являются прямым вмешательством во внутренние дела Российской Федерации с целью дестабилизировать обстановку в стране, ослабить экономический потенциал России и сформировать рычаги политического воздействия на ее руководство¹³².

Западная пропаганда традиционно концентрирует свои усилия на нескольких направлениях:

разжигание розни: в первую очередь межнациональной и межрелигиозной;
организация и поддержка сепаратистских настроений;

разжигание ненависти к представителям власти: в первую очередь к аппарату чиновников и органам правопорядка;

прямые фейковые нападки на президента России и его ближайшее окружение;

продвижение проектов «Мы – не Россия». Самый известный проект – «Украина не Россия», аналогичные проекты поддерживаются США во всех республиках бывшего СССР;

продвижение русофобских идей, согласно которым русские – ущербный народ, который не имеет права ни на патриотизм, ни на собственное государство;

реклама достижений Запада: как реальных, так и вымышленных, направленная в том числе на пропаганду эмиграции из России на Запад;

прямая пропаганда идей «майдана» – свержения власти под предлогом борьбы с «коррупцией» и «тиранией»;

создание в странах Запада образа агрессивной и вероломной России, с которой нельзя иметь никаких дел;

создание в республиках бывшего СССР образа нищей и отсталой России, которая во всем уступает Западу.

Антироссийская агитация состоит в попытке убедить россиян в правдивости большого количества выгодных Западу тезисов. Некоторые из этих тезисов откровенно лживы и нелепы, другие представляют собой качественное искажение реальных фактов. Информационное внедрение производится путем

ведущих коммерческих радиостанций по объему аудитории. Основная возрастная категория – от 35 до 55 лет.

¹³² США и Британия готовят фейки об окружении Путина, сообщил источник. 13 июля 2019. РИА Новости.

многократного повторения через разные каналы подачи информации и социальные сети.

Перемещение военных действий в информационное пространство повлекло за собой появление в военной доктрине Российской Федерации 2014 года пункта об использовании информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для противодействия акциям, противоречащим международному праву, направленным против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государства. В доктрину добавлен пункт о тенденции смещения военных опасностей и угроз во внутреннюю сферу. Среди новых внутренних опасностей называется деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, информационное воздействие на население, в первую очередь, на молодых граждан страны, с целью подрыва исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества¹³³.

Изначально постсоветское пространство рассматривалось Западом как единая сфера с определяющим российским влиянием. Задачей всех последовательных информационных кампаний на постсоветском пространстве являлось: лишение России союзников, ограничение ее влияния собственной территорией, геополитическое унижение, подрыв экономической и внутривнутриполитической стабильности и, в конечном итоге, разрушение российского государства руками граждан России так же, как разрушение украинского было осуществлено руками граждан Украины.

Поэтому сейчас в отношении России ведется та же информационная война, приемы которой были применены на Украине.

Во-первых, ведется поиск социальной, общественной, политической или этнической группы, которая могла бы стать базовой для легализации прозападной информационной платформы.

Во-вторых, поддерживаются абсолютно все оппозиционные действующей власти силы. Не важно патриотические они или коллаборационистские, правые или левые, демократические или тоталитарные. Главное требование – оппозиционность. Их постоянно, хотя и безуспешно пытаются координировать.

В-третьих, дискредитация власти любой ценой. Для этого используются и провокации, и распространение лживой информации, и ложные трактовки

¹³³ Военная доктрина Российской Федерации. Российская Газета. 30 декабря 2014.

реальных фактов и т.д. Так, официальный представитель Министерства обороны РФ генерал-майор И.Е. Конашенков заявил, что «...ожидается усиление информационного давления, направленного против представителей руководящего состава Вооруженных Сил РФ всех уровней – от командования соединений, объединений, родов и видов войск до непосредственно военно-политического руководства»¹³⁴. Попытки внешнего информационно-технического воздействия на системы Министерства обороны РФ проходят регулярно, атаки производятся на его интернет-ресурсы и на телеканал «Звезда».

В-четвертых, осуществляются постоянные попытки создать внутри России влиятельный альтернативный информационный сектор. Используется блогосфера, интернет-издания, интернет-видео, социальные сети, действующие официальные центральные и региональные СМИ. Задача этого сектора, перехватить у лояльных СМИ формирование картинки реальности. Заставить общество поверить, что оно живет в столь ужасных условиях, что никакая цена, заплаченная изменения в жизни россиян, не может быть слишком высокой.

Что касается военной составляющей информационного противоборства, то, как показывает опыт локальных войн и вооруженных конфликтов первой четверти XXI века, на первое место выходит не количественно-качественный состав противоборствующих группировок, а информационное обеспечение военных (боевых) действий и создание информационно необходимых условий для более эффективного применения вооруженных сил.

В военных конфликтах современности превосходство над противником достигается за счет существенного повышения качества управления войсками, единого понимания и оценки динамично развивающейся оперативно-стратегической обстановки командованием всех уровней, адекватного реагирования на изменяющуюся ситуацию принятием своевременных и обоснованных решений, ускоренного доведения их до подчиненных войск (сил).

Основой современной системы единого информационного пространства ведущих западных стран являются непрерывность и гибкость оперативного и боевого управления военными (боевыми) действиями. Это зависит от способности данной системы оперативно адаптироваться к динамично меняющейся обстановке и переносить функции оперативного и боевого

¹³⁴ Минобороны заявило о готовящихся вбросах в СМИ против руководства ВС России. «Взгляд». Деловая газета. 26 июня 2019.

управления на любой уровень по вертикали и горизонтали в соответствии с возникающими потребностями оперативного (боевого) планирования и управления войсками (силами).

В военных действиях коалиционных сил НАТО против Югославии (операция «Решительна сила» 1999 года) началась эпоха принципиально новых войн путем установления полного контроля над силами и средствами противоборствующей стороны и всеобъемлющего управления войсками НАТО в реальном режиме времени¹³⁵.

В военных действиях в Ираке (операция «Свобода Ираку» 2003 года) разнородные коалиционные силы и средства воздушно-космического нападения в соответствии с единым замыслом и планом согласовано наносили по целям, задачам, месту и времени удары по важнейшим пунктам управления, объектам вооруженных сил и инфраструктуры Ирака в единой информационной сфере. Последовательно решая боевые задачи, динамично менялся состав, структура и характеристики сил и средств, привлекаемых к нанесению ударов, адекватно обстановке варьировались объекты поражения и огневая мощь ударов. Таким образом, продолжалась отработка новых технологий войны и ведения военных действий.

С 2005 года происходит процесс перехода от структуры информационного обеспечения войск, основанной на иерархическом построении органов боевого управления, к структуре, направленной на формирование унифицированной единой сети информационного сопровождения, обеспечивающей соединение между любыми двумя точками на поле боя и любым точками на поля боя и за его пределами – от строго вертикальных к глобальным сетевым автоматизированным системам управления. Единое информационное пространство интегрируется в перспективные средства разведки, управления, наведения, огневого поражения и радиоэлектронного подавления. В реальном масштабе времени обеспечиваются получение и обработка данных об обстановке и необходимое боевое воздействие на противника. Повышается

¹³⁵ Network – Centric Warfare – Its Origin and Future. Proceedings Magazine. Volume 124/1/1, 139. 1998, January.

зависимость хода и исхода войны от использования в военном деле высоких технологий¹³⁶.

Информационное превосходство определяется американскими военными специалистами как оперативное преимущество, извлекаемое из способности собирать, обрабатывать и распределять непрерывный поток информации, противодействуя противнику в том же. Основные пути его достижения и использования в интересах вооруженной борьбы изложены в концепции «Ведение боевых действий в едином информационном пространстве» (NCW – Network-Centric Warfare), известной также как концепция «сетевых операций» (рис. 14).

Рис14 Ведение боевых действий в едином информационном пространстве

Реализация данной концепции должна способствовать проведению «господствующего маневра», «высокоточного сражения (боя)» и «всеобъемлющей защиты» путем надлежащего планирования и согласования действий войск (сил), обеспечения своевременной обратной связи с подчиненными соединениями, частями и подразделениями для получения сведений об их состоянии, положении и средствах, способствующих выполнению поставленных задач. По мнению американского командования,

¹³⁶ Герасимов В.В. «Будущее закладывается сегодня». Теория строительства Вооруженных Сил должна максимально соответствовать характеру грядущих войн. Военно-промышленный курьер № 10 (478). 2013, 13 марта.

выполнение намеченных НИОКР позволит обеспечить качественно новый уровень информационной совместимости систем разведки, наблюдения, опознавания войск и объектов на поле боя, управления и средств поражения в рамках единой информационно-управляющей инфраструктуры.

Состоящие на вооружении ВС США и разрабатываемые разведывательные и ударные средства, прежде всего высокоточное оружие, оснащаются аппаратурой автоматизации управления и обмена данными в глобальной информационной сети. Нарращивание боевых возможностей вооруженных сил благодаря этим мероприятиям будет осуществляться поэтапно, по мере внедрения систем и средств связи нового поколения, модернизации систем спутниковой связи и дальнейшей автоматизации процессов управления войсками и оружием. Полная функциональная готовность информационной среды планировалась к 2020 году. При этом ежегодные расходы на основные программы по ее построению составляют около 6 млрд. долл. в год. По мнению американских военных специалистов, создание этой системы позволит в значительной степени достичь информационного превосходства над любым противником и обеспечить эффективное применение вооруженных сил в любом вооруженном противоборстве.

Смысл данного сетевого принципа состоит в том, что главным элементом всей модели является обмен информацией – максимальное расширение форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения и обратной связи. Сеть представляет собой новое пространство – информационное, в котором и разворачиваются основные стратегические операции как разведывательного, так и военного характера, а также их дипломатическое, экономическое, техническое и тыловое обеспечение.

Сеть в таком широком понимании включает в себя одновременно различные составляющие. Ими могут быть боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операций, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, технические инновации и т.д. Вместе с этим они представляются как взаимосвязанные элементы единой системы, между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен. Военные действия в этой системе являются разновидностью сетевых процессов.

По мнению американского командования, так должна действовать в едином информационно-коммуникационном пространстве система ПРО, ПВО (ВКО). Построенная по единому замыслу и плану, эта комплексная система представляет собой совокупность взаимосвязанных, одновременно функционирующих подсистем: разведки и оповещения; ракетного и авиационного прикрытия; зенитного ракетного артиллерийского прикрытия; управления, а также всестороннего обеспечения. От качества работы каждой подсистемы, способности командования собрать в единое целое вышеперечисленные составляющие в конечном результате зависит и эффективность противоракетной (противовоздушной) обороны.

Современная война может вестись в любом звене управления (тактическом, оперативном, стратегическом), а принципы ее ведения не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры вооруженных сил.

Основным аспектом формирования перспективных систем стратегического и оперативного управления и разведки ВС США становится принцип формирования глобального «виртуального командного центра»¹³⁷, доступ к которому будут иметь имеющие на это право пользователи из любой точки мира, что практически приводит к размыванию классических границ между стратегическим и оперативным уровнем боевого управления. Такой глобальный «виртуальный командный центр» обеспечит соответствующим структурам боевого управления и разведки устойчивый доступ в рамках их функциональной ответственности к единой глобальной картине отображения боевого пространства, основой формирования которой становится единая информационная среда, получившая в США наименование глобальной информационной сети – «GIG» (Global Information Grid)¹³⁸. *

Центральной задачей всех сетевых войн является проведение операций базовых эффектов * – «ЕВО» (Effects-Based Operations)¹³⁹, представляющих собой совокупность действий, направленных на формирование модели поведения союзников, нейтральных и противостоящих государств в различных ситуациях: мира, кризиса и войны. Ведение «ЕВО» означает заведомое

¹³⁷ BAE partners on visualization for virtual command centers. Defense Systems. 2011, November 20.

¹³⁸ Global Information Grid. Information Assurance. 2004, October 26.

¹³⁹ Effects-Based Operations. Security Challenges. 2006.

установление полного и абсолютного контроля над всеми участниками проводимых или возможных военных (боевых) действий, манипулирование ими как в мирное, так и военное время. Таким образом, и противник, и занимающие нейтральную позицию стороны заранее подчиняются навязанному им сценарию, действуют не по своей воле, а по воле тех, кто руководит проведением «ЕВО». Это наглядно было продемонстрировано в событиях так называемой «арабской весны» на Ближнем Востоке, а также при нанесении воздушно-штурмовых ударов по объектам в Ливии (операция «Рассвет Одиссеи»).

Суть сетевой войны заключается в том, что она не имеет начала и конца, ведется постоянно для того, чтобы обеспечить тех, кто ее ведет, возможностями всестороннего управления всеми участвующими в войне сторонами. Смысл операций базового эффекта заключается в установлении прямого контроля не над отдельными субъектами, а над их побуждениями, действиями и намерениями. Это широкомасштабный проект глобальной манипуляции и тотального контроля.

Тотальный характер сетевых войн означает запрограммированный расчет на победу. Они развязываются не в период эскалации отношений, грозящий перерасти в военно-политический кризис, как классические войны недавнего прошлого, а намного раньше – в периоды мира и кризисов, причем в отношении не только противоборствующей стороны, но и союзников или нейтральных стран с целью абсолютного контроля над всеми участниками текущего процесса.

Для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники. Возможные сценарии военных (боевых) действий и особенности боевого применения войск в первой половине XXI века являются основой для формирования направлений развития вооружения и военной техники в ведущих государствах НАТО.

В современном информационном пространстве потенциал соединения космической разведки с различными системами оружия возрастает при полной автоматизации всего боевого цикла от обнаружения целей, подготовки данных и применения оружия. Основой военной мощи становятся роботизированные разведывательные ударные системы. Расширяется арсенал оружия на новых физических принципах и нелетального действия.

Разведка из традиционного вида обеспечения превращается в активно действующую службу и становится одной из составляющих ударного компонента высокоточных средств поражения и обороны. С развитием и накоплением высокоточного оружия возникает острая необходимость в различных информационных комплексах, реализованных в средствах разведки и управления, а также в силах и средствах РЭБ. Для непрерывного и детального наблюдения за всей территорией противника и омывающими ее морями, за его воздушно-космическим пространством, состоянием его стратегических ударных и оборонительных сил в настоящее время широко применяются космические, морские, воздушные и наземные силы и средства разведки в пределах театра военных действий.

В эпоху становления информационного общества во многом изменился и характер выполнения разведкой своих задач. Теперь, в качестве основной задачи, возложенной на разведывательные службы, кроме задачи опережающего оповещения высшего руководства страны о возможном нападении, на них возложена и задача достижения информационного превосходства над противником. В качестве развития средств ведения компьютерной разведки в последнее время рассматривается виртуальная архитектура объединенной разведывательной информации (Joint Intelligence Virtual Architecture, JIVA)¹⁴⁰. Она позволяет перераспределить технические и программные ресурсы и формировать «виртуальную разведывательную рабочую среду», – особое подпространство в пространстве информационном. В нем осуществляется скоординированный просмотр, согласование, утверждение и распределение конечной разведывательной продукции.

Космические средства разведки становятся основными источниками информации как при планировании, так и при организации и ведении военных (боевых) действий. Из космического пространства будет постоянно и широко осуществляться радиотехническая, радиолокационная, инфракрасная, радиационная, химическая, фото- и телевизионная разведки, которые призваны непрерывно выдавать необходимую информацию в реальном масштабе времени. Так, в войнах в зоне Персидского залива и в Югославии широко использовались американские спутники «Лакрос», передававшие из космоса радиолокационное изображение района боевых действий. Их применение позволило оценивать

¹⁴⁰ Joint Intelligence Virtual Architecture JIVA. GlobalSecurity.org. 28.07.2011.

эффективность ударов, вскрывать оборону противника в различных погодных условиях.

Американское командование и разведывательные структуры планируют создать центр по обеспечению космической безопасности США, главными угрозами которой считаются Россия и КНР. Предполагается, что этот центр позволит вести наблюдение за российскими и китайскими объектами на земной поверхности, а также обеспечивать безопасность американской орбитальной спутниковой группировки. Центр будет получать данные со спутников всех американских правительственных ведомств. Такой центр будет оказывать поддержку объединенному центру космических операций на военно-воздушной базе Ванденберг в штате Калифорния¹⁴¹. Новая структура должна обеспечить технологическое превосходство США над Китаем и в особенности над Россией.

Американским военным руководством активно вводится положение о том, что будущие войны будут, как правило, сетцентрическими и бесконтактными с использованием в основном высокоточного оружия. Цель такой политики состоит в том, чтобы внушить потенциальным противникам идею об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США, что опровергается практикой локальных конфликтов последних лет. Поэтому западные теории войны нельзя рассматривать как единственно верные и правильные.

Следует ожидать, что в переходный период к войнам нового поколения произойдет резкий скачок на пути информатизации и автоматизации управления войсками, силами флота и оружием. Сохраняясь в переходный период как один из видов обеспечения, информационное противоборство в последующем приобретет самостоятельный характер среди многих других форм и способов борьбы.

Вооруженные силы США входят в число лидеров в области теории и практики информационного противоборства. Их основным инструментом по достижению соответствующего превосходства над противником являются информационные операции (ИО), представляющие собой интегрированное использование в ходе военной операции информационных возможностей¹⁴²

¹⁴¹ СМИ: США готовятся вести «звездные войны» против России и Китая. RT на русском. 25 июня 2015.

¹⁴² Информационные возможности – специальные методы, технические приемы или мероприятия, направленные на достижение превосходства в информационном пространстве, которые могут быть использованы для достижения необходимых результатов операций (действий войск).

войск (сил) в соответствии с военными целями операции, и направленные на нарушение, искажение или контроль процесса принятия решения потенциальным или реальным противником при одновременной защите своих войск (сил) от аналогичных действий противника¹⁴³. *

Информационное превосходство над противником в ходе ИО может быть достигнуто только при проведении согласованных и взаимодополняющих мероприятий. Так, могут активно проводиться операции в киберпространстве или применяться силы радиоэлектронной борьбы для воздействия на боевую технику и военную инфраструктуру противника, что, в свою очередь, позволит боевым самолетам ВВС США (воздушная сфера), использующим GPS-системы (космическая сфера), нейтрализовать (уничтожить) часть системы ПВО противника (наземная сфера).

В вооруженных силах США происходит дальнейшее возрастание роли информационных операций, развиваются их теоретические основы, увеличивается численный состав подразделений ИО с одновременным расширением учебно-материальной базы подготовки специалистов в данной области. Особая значимость придается объединенному командованию ССО и кибернетическому командованию США по вопросам информационного обеспечения военных (боевых) действий и киберпространству как возможному ТВД.

Информационное превосходство в современных войнах достигается и будет достигаться за счет:

господства в информационном пространстве космических систем и средств разведки, предупреждения, навигации, метеорологии, управления и связи;

преимущества в количестве высокоточных ракет, разведывательно-ударных боевых систем наземного, морского, воздушного и космического базирования и возможности непрерывно маневрировать этими силами и средствами и их огнем;

скорости ввода боевых программ в высокоточные системы;

возможности массированного и длительного по времени применения высокоточного оружия различного базирования;

¹⁴³ Joint Publication 3-13. Information Operations. 27 November 2012. Incorporating Change 1 20 November 2014. P. II-1.

адресного всестороннего материально-технологического обеспечения разведывательно-ударных боевых систем;

надежной информационной защиты высокоточных ударных и оборонительных сил и средств на суше, на море, в воздухе и в космосе.

Таким образом, под информационным противоборством в войнах будущего следует понимать новую стратегическую форму борьбы сторон, в которой используются специальные способы и средства, воздействующие на информационную среду противника и защищающие собственную в интересах достижения стратегических целей войны.

Информационное противоборство будет резко возрастать в следующих направлениях: борьба с системами управления противника различных уровней; борьба между ударными и оборонительными средствами сторон; создание сложной информационной и помеховой обстановки во всем воздушно-космическом пространстве; информационное обеспечение массированных высокоточных ракетных ударов; ставка на информационное обеспечение военно-технического превосходства.

Следует заметить, что информационное противоборство как вид боевого обеспечения военных (боевых) действий практически никогда не прекращалось и во всех прошлых войнах. Выигрыш информационного противоборства в войнах будущего фактически приведет к достижению стратегических и политических целей войны.

Главная цель информационного противоборства (информационной борьбы) – сохранение необходимого уровня своей информационной безопасности и снижение уровня этой безопасности у противника. Поставленная цель может быть достигнута решением ряда взаимоувязанных задач, важнейшие из которых – разрушение информационного ресурса и поля противника и сохранение собственного.

В сентябре 2014 г. на саммите НАТО в Великобритании были внесены существенные изменения в оборонную политику блока, в том числе в области кибернетической безопасности. Теперь кибернетическая атака на любую из 28 стран, входящих в НАТО, может быть расценена как атака на весь альянс, как в случае воздушного нападения или наземного вторжения¹⁴⁴.

¹⁴⁴ НАТО готовится к кибервойне с Россией. Газета.ру. 01.09.2014.

Очевидная цель подобного решения заключается в наращивании возможностей НАТО по кибернетическому противоборству с Россией, чему способствует открытый в 2008 г. центр компьютерной безопасности в Таллине. В Эстонии также проводятся мероприятия по защите от кибернетических угроз наряду с ежегодными учениями под названием «Сомкнутые щиты». США и Великобритания вкладывают миллиарды долларов в разработку секретных программ по разработке кибероружия.

Американские военные эксперты отмечают, что основой достижения всеохватывающего господства в ближайшие десятилетия должны стать информационное и технологическое превосходство. Развитие «революции в военном деле» привело к тому, что в середине 90-х годов прошлого века была предпринята попытка интегрировать достижения в передовых отраслях науки и техники в военную науку, а также определить основное направление трансформации вооруженных сил США в следующем столетии.

Попытка определить такое направление была предпринята в документах Комитета начальников штабов «Единая перспектива – 2010» и «единая перспектива – 2020», которые являются концептуальной основой ведения совместных операций и боевых действий будущего и отражают взгляды американского командования на проблемы ведения операций в эпоху информационного общества. Эти документы определяют направления перспективного развития видов вооруженных сил в условиях глобализации, делая упор на обеспечении их эффективного взаимодействия.

В соответствии с документами «Единая перспектива», основной составляющей кардинального повышения боевых возможностей вооруженных сил США является достижение информационного и технологического превосходства, которое преобразит современные понятия о маневре, ударе, защите и тыловом обеспечении и приведет к появлению новых оперативных концепций господствующего маневра, высокоточного сражения, целенаправленного тылового обеспечения и всеобъемлющей защиты. Реализация этих концепций, по мнению американских военных специалистов, даст возможность проводить операции с решительными целями в любых условиях

обстановки, то есть достичь качества, которое определяется как «всеохватывающее господство»¹⁴⁵.

Главная задача в реализации информационного превосходства США ставится, как достижение в качестве национальной цели информационного доминирования по отношению к любой враждебной нации или транснациональной общности. В свою очередь, министерство обороны США, предпринимая усилия по созданию мощной информационной системы для театра военных действий, полагает, что эта система сможет обеспечивать вооруженные силы информацией такого уровня и качеств, которые не были доступны ранее (рис. 15).

Рис. 15. Сбор, обработка и передача разведывательной информации на театре военных действий

Характеристики информационной системы для театра военных действий дадут ее потребителям возможность получить намного более качественную его визуализацию¹⁴⁶ (как по времени, так и в пространстве) и обеспечить концентрацию усилий рассредоточенных соединений и частей на решаемых задачах. Интегрированная из коммуникационных сетей и сетей датчиков, программного обеспечения и организационных структур, информационная система сможет предоставлять: надежную и качественную связь для соединений, частей и подразделений; оперативную информацию о ходе операции; точные и

¹⁴⁵ Основа достижения «всеохватывающего господства» США в XXI веке. «Красноярское время». 23 октября 2011.

¹⁴⁶ Визуализация – общее название приемов представления числовой информации или физического явления в виде, удобном для зрительного наблюдения и анализа.

своевременные разведывательные данные о местоположении и действиях противника; каталог баз данных, относящихся к зоне операции и оперативным возможностям противника, а также доступ к этим базам; точное местоположение союзных войск и их боевые возможности (в реальном масштабе времени); способность проведения операций на всем театре военных действий, выполняемых непрерывно из мест оперативного развертывания; обработку в реальном масштабе времени информации, дающей общую картину оперативной обстановки, складывающейся на театре военных действий; встроенная система безопасности с многоуровневой защитой доступа, позволяющая распределять информацию только своим потребителям.

Информационные системы театра военных действий – это совокупность подсистем для сбора, обработки анализа, архивирования и распределения информации, которые призваны обеспечить достижение информационного превосходства над противником. При сосредоточении на имеющемся или потенциальном противнике информационные системы, собирающие данные, охватывают открытые источники, традиционную разведку, системы наблюдения и обнаружения. Собранные данные становятся информацией после их обработки и приведения к виду, удобному для пользования. Для удовлетворения специфических запросов потребителя такая информация может трансформироваться в разведывательную – в случае применения к ней целенаправленного анализа, интерпретации, сличения с относящейся к запросам другой информацией и общим информационным фоном.

Технологическое опережение в области информатизации США воспринимают в качестве одной из главных предпосылок реализации своего информационного преимущества. В то же время констатируется, что современные информационные технологии доступны любому, кто имеет финансовые возможности их получить. Постоянно увеличивающиеся распространение и доступность информации создают для потенциального противника (при растущей зависимости США от информации и информационных систем) предпосылки достижения временного или локализованного паритета в боевом пространстве или асимметричного преимущества. Быстрое внедрение перспективных технологий делает возможным неожиданное появление асимметричных угрожающих возможностей у широкого круга потенциальных противников. При этом американское командование считает, что уровень интенсивности

информационных операций, проводимых противником в мирное время, неизбежно повысится с эскалацией кризисной ситуации.

В ближайшее время вооруженные силы США будут располагать интегрированной архитектурой принятия решений, базирующейся на искусственном интеллекте, нанотехнологиях, эффективном синтезе информации, многофункциональных процессорах со способностью поддерживать принятие решений в реальном масштабе времени, технологиях сжатия данных для повышения скорости обработки. При этом использование командованием США информационных систем с подключением установок искусственного интеллекта, как операционных умножителей эффективности военных (боевых) действий, окажет влияние на военное искусство, организацию и боевую подготовку. Приобретая эффективные наступательные (как правило, превентивные) и оборонительные информационные способности, США стремятся не только защищать свои системы от «кибернетических атак», но и быстро находить их источник и давать адекватный «ответ» на любом уровне действий, вплоть до его физического уничтожения.

Одной из форм скрытого воздействия на общественное сознание является информационный терроризм, который ведется с использованием источников СМИ и других информационных средств в целях нагнетания негативной обстановки в обществе, разложения его определенных групп. С информационной точки зрения терроризм можно рассматривать как специфическое информационно-управляющее воздействие на население страны и органы власти в целях изменения общественного сознания, в основе которого лежат противоправные насильственные действия.

В арсенале информационных террористов в настоящее время имеются достаточно эффективные, успешно апробированные на практике методы, способы и средства проникновения к информационным ресурсам и программно-аппаратным средствам самого разного назначения, в том числе к объектам и сетям жизнеобеспечения. В особом ряду стоит случай успешной кибернетической атаки на объекты атомной промышленности Ирана вирусом «Стакнет»¹⁴⁷. Данная вредоносная программа была обнаружена в 2010 году в промышленных системах, управляющих автоматизированными производственными процессами, не только Ирана, но и Индии, Индонезии и ряда

¹⁴⁷ Ядерная программа Ирана подверглась кибератаке. Newsland. 24.07.2012.

других стран, в том числе США и России. Больше всего случаев инфицирования пришлось на США (57,71%), затем идет Иран (30%), а на третьем месте – Россия (4,09%). При этом в Иране было обнаружено 60% из всех инфицированных компьютеров¹⁴⁸. Вирус «Стакснет» был разработан совместно разведслужбами США и Израиля и в результате его использования иранская ядерная программа была отброшена на несколько лет назад¹⁴⁹.

По данным компании-разработчика антивирусов «Симантек» в интернете появился новый шпионский вирус «Реджин», нацеленный, в том числе, на российские телекоммуникации. По мнению компании, за созданием вируса стоят западные разведки. Вредоносное программное обеспечение аналогично вирусу «Стакснет», однако «Реджин» превосходит его в технических характеристиках. Новый вирус используется для взлома почтовых серверов и прослушивания телефонных разговоров основных международных сетей. Специалисты пока не могут определить, как именно вирус заражает промышленные системы, но он уже был применен против интернет-провайдеров и телекоммуникационных компаний России, Саудовской Аравии, Мексики, Ирландии и Ирана¹⁵⁰.

Только за 2014 год в кибернетическом пространстве России были выявлены и обезврежены три крупных агентурных сети – шпионские компьютерные системы, внедренные из-за рубежа. Было предотвращено хищение двух миллионов страниц секретной информации. В мировом кибернетическом пространстве развернулась жесткая масштабная кибервойна. Потери в таких войнах – многомиллиардные убытки, утраченные государственные секреты, угрозы жизнедеятельности стратегически важных объектов, то есть – угрозы государственной безопасности¹⁵¹. При наличии такого разнообразия кибероружия можно ожидать киберударов, направленных против действующей власти, банковской и коммерческой систем, электронного сервиса, управляемых компьютером инфраструктур, например, газо- и нефтепроводов, электрических сетей, систем контроля за наземным и воздушным транспортом,

¹⁴⁸ Предупредить – значить вооружить. Информационно-аналитический портал «Геополитика». 22 марта 2011.

¹⁴⁹ Российские компании оказались под угрозой нового вируса-шпиона. РИА НОВОСТИ. 24 ноября 2014.

¹⁵⁰ Российские компании оказались под угрозой нового вируса-шпиона. РИА НОВОСТИ. 24 ноября 2014.

¹⁵¹ Шеремет И. В России создается единая система отражения кибератак. «Российская газета» № 6538. 21 ноября 2014.

телефонных систем, сферы здравоохранения, оборонных систем коммуникации и снабжения. Все они уязвимы в той или иной степени для электронных атак и подрывных действий.

При этом в отличие от других форм компьютерных преступлений, указанные действия могут преследовать политические цели: оказание давления на органы власти и управления, принуждение их принять выгодные для террористов решения; дестабилизация общественно-политической обстановки за счет устрашения населения либо посягательства на личную безопасность государственного или общественного деятеля. Опасность кибертерроризма заключается в том, что он не имеет национальных границ и террористические акции могут осуществляться из любой точки мира. Как правило, обнаружить террориста в информационном пространстве очень сложно, так как он действует через один или несколько подставных компьютеров, что затрудняет его идентификацию и определение местонахождения.

Интенсивность атак в информационном и виртуальном пространстве в будущем однозначно будет только возрастать, поэтому во многих странах кибернетические атаки уже приравниваются к военным действиям. Ответ на них может быть не только виртуальным, но и с реальным использованием военной силы.

Заключение

1. Трансформация современных конфликтов, связанная с использованием новых технологий, вовлечением в войну гражданских и военных компонентов, приводит к качественным отличиям «новых войн» от «старой войны». Взгляды на применение ядерного оружия сменились пониманием того неоспоримого факта, что крупномасштабный военный конфликт в ядерную эпоху означает конец существованию человечества.

Трансформация конфликтов в первой четверти XXI века ведет к формированию новой модели, в которой развитие оружия играет меньшую роль в сравнении с организационными, информационно-технологическими, управленческими, транспортно-коммуникационными и некоторыми другими общими нематериальными изменениями.

2. Радикальную трансформацию современной войны обуславливают следующие факторы: сохранение роли ядерного оружия как средства обеспечения стратегической и политической стабильности; склонность западных стран к применению военной силы и другим нарушениям норм международного права за счет использования различных гибридных технологий, в том числе в районах, географически удаленных от их национальных территорий; появление международных террористических организаций, использующих для реализации своих политических целей «неклассические» способы насилия; порожденная глобализацией зависимость национальных экономик от мировой экономики; появление новых форм войны – информационной войны и кибервойны; формирование новых сред противостояния в космосе и киберпространстве.

3. Появление новых технологий, рост взаимосвязи и взаимозависимости придают особую остроту и изощренность современным конфликтам, в которых все чаще используются методы, основанные на комплексном применении политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Так называемые «гибридные» методы позволяют достичь политических целей конфликта с минимальным военно-силовым воздействием на противника.

4. Понятие «гибридная война» появилось в американской военной науке в связи с исследованиями американских военных специалистов по оптимизации

организационной структуры сухопутных войск США в боевой обстановке, в ходе которой противнику нельзя было дать адекватный симметричный ответ. В качестве примера были проанализированы действия военизированной ливанской шиитской организации «Хезболла» против Армии обороны Израиля во время Второй ливанской войны в 2006 года.

5. Центром стратегических и международных исследований США была выдвинута идея о том, что в будущем Соединенные Штаты могут столкнуться с угрозами четырех видов – традиционной войной, иррегулярной войной, международным терроризмом и подрывной деятельностью вероятных противников. Гибридная угроза возникает при развязывании конфликтов двух или более упомянутых видов. Таким образом, США могут столкнуться не с четырьмя отдельными угрозами, а с их сочетанием, что требует нового подхода к ведению военных (боевых) действий.

6. Понятие «гибридная война» ввели в научный оборот в 2005 году генерал Джеймс Мэттис и теоретик в области военно-политической стратегии Френк Хоффман. Согласно их представлениям, гибридная война сочетает методы классической войны, диверсионно-подрывные действия и новые информационные технологии. В 2010 году министр обороны США Роберт Гейтс официально ввел в военный лексикон понятие «гибридная война», которое используется в официальных документах министерства обороны США.

7. В англоязычной научной литературе концепт гибридной войны стал обозначаться несколькими терминами: hybrid war – hybrid warfare (гибридная война, гибридные боевые действия), hybrid threat (гибридная угроза), hybrid adversary (гибридный противник). Необходимо подчеркнуть, что военные специалисты США предпочитают использовать термин «гибридная угроза» (hybrid threat), в то время как в «академической литературе» почти всегда употребляется термин «гибридная война / боевые действия» (hybrid warfare).

8. Концепция гибридной войны в своей основе содержит идею, сформулированную в известном труде о военном искусстве К. фон Клаузевица «О войне», суть которой сводится к тому, что война не должна быть замкнута сама на себе, т.е. «война есть продолжение политики иными средствами». Под «иными средствами» понимаются различные способы ведения военных (боевых) действий, которые носят нетрадиционный характер и выходят за рамки стандартных и общепринятых технологий. Эти средства могут включать обширный перечень способов и механизмов воздействия на противника в рамках

межгосударственного противостояния и использоваться в различных пространствах – информационном, культурном, экономическом, внутривнутриполитическом, в сферах классической разведки и кибернетического шпионажа.

9. Американские военные специалисты и исследователи придерживаются осторожной точки зрения на широкое использование понятия «гибридная война» в оперативных документах, учитывая смешанный или не совсем ясный характер будущих конфликтов, представляющих для США потенциальную угрозу. В связи с этим в органах военного управления США ограниченно используют понятие «гибридная война». Наряду с понятием «гибридная война» часто используется термин «военные операции полного спектра» (full spectrum operations). Такой подход позволяет отодвинуть на второй план разногласия по многочисленным определениям феномена гибридности и сосредоточиться на практической стороне вопроса.

10. Определение понятия «гибридная угроза» было принято американским командованием в 2009 году в следующей формулировке, где под гибридной угрозой понимается:

(1) любой противник, который в вооруженном противоборстве использует сочетание традиционных и нетрадиционных средств борьбы, террористические действия и деятельность криминальных организаций. Гибридная опасность или гибридный противник может представлять собой не один субъект, а сочетание государственных и негосударственных субъектов.

(2) противник, который одновременно и применительно к складывающейся обстановке использует сочетания политических, военных, экономических, социальных и информационных средств, а также конвенциональных (традиционных), нетрадиционных, террористических и подрывных / криминальных способов ведения военных (боевых) действий. Гибридная угроза может представлять собой сочетание государственных и негосударственных субъектов.

11. Понятие «гибридная угроза» используется в американских четырехлетних обзорах по оборонной политике, вышедших в 2006, 2010 и 2014 годах. В документах говорится о широком спектре возможного противоборства с вероятным противником и необходимости готовить вооруженные силы для противодействия традиционным, нетрадиционным, катастрофическим и разрушительным вызовам. Таким образом, на Западе фактически разработана

концепция гибридной войны и гибридных угроз, положения которой используются в официальных документах США и их союзников по НАТО, где она была поставлена в один ряд с концепциями асимметричных конфликтов и неконвенциональной войны.

12. Наиболее полное определение гибридной войны дано в предисловии «Military Balance 2015» – ежегодного издания Лондонского Международного института стратегических исследований: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий; в сочетании с экономическим давлением».

13. На саммите НАТО в Уэльсе в 2014 году Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе генерал Ф. Бридлав поднял вопрос о необходимости готовить НАТО к участию в гибридных войнах, которые включают в себя проведение широкого спектра прямых военных (боевых) действий и тайных операций, осуществляемых по единому плану вооруженными силами, специальными силами, партизанскими (военизированными) формированиями, которые дополняются различными невоенными действиями. Отработка и проведение операций в гибридной войне называются одним из приоритетов альянса в широкомасштабном противостоянии с Российской Федерацией.

На саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 года была принята «Стратегия гибридной войны» для ускорения процесса принятия решений по противодействию вероятному противнику в случае начала гибридной войны против членов блока. Важное место отводится усилению взаимодействия между НАТО и ЕС по борьбе с гибридными угрозами, что нашло свое отражение в отчетном докладе Генерального секретаря НАТО за 2016 год.

14. Появление феномена гибридной войны, который заявил о себе как важная составляющая военных стратегий в конце 90-х – начале 2000-х годов, придает новое качество современным многомерным конфликтам. Свойство

многомерности предопределяет трансформацию количественных изменений в качественные по мере развития военных стратегий, используемых сил и средств в современных конфликтах.

Военные действия в военном конфликте «традиционного» типа ведутся, как правило, регулярными вооруженными силами, однако их структура и функции меняются. Группировки войск (сил), создаваемые для достижения определенных целей в проводимых операциях, носят не только межвидовой, но и межведомственный характер, включают в свой состав сухопутный, авиационный, космический, морской компоненты, а также силы специальных операций, другие формирования различных министерств и ведомств.

15. Принцип модульности (гибридности) позволяет создавать в каждом конкретном случае на каждом конкретном направлении необходимые группировки войск (сил) тактического, оперативного и даже стратегического уровня. Для непосредственного ведения военных (боевых) действий в вооруженных конфликтах будущего могут найти свое применение разведывательно-ударные воинские формирования, представляющие собой высокомобильные тактические части и подразделения, оснащенные разведывательными и навигационными комплексами, разнообразными системами вооружения и военной техники, действующие в едином информационно-коммуникационном пространстве. Включенные в единую сеть, эти формирования будут способны оперативно перемещаться в пространстве, концентрироваться в нужном месте, наносить «точечные» удары по критически важным объектам противника и «растворяться» после выполнения боевой задачи.

16. Существенное влияние на характер войн и вооруженных конфликтов «традиционного» типа оказывает комплекс применяемых систем вооружения, военной и специальной техники. Речь идет о кинетическом и некинетическом оружии, информационном, психотропном, концентриальном, геофизическом, климатическом и других видах оружия, имеющих высокотехнологические характеристики. В результате, регулярные вооруженные силы государства в

будущем могут не иметь ничего общего с их современным обликом. Соответственно, формы и способы применения группировок войск (сил) и характер военного конфликта будущего могут не соответствовать нашим сегодняшним представлениям.

17. Масштабные войны с противником традиционного типа с участием США будут характеризоваться многообразием форм и способов развязывания вооруженного конфликта, приоритетом систем разведки, управления и высокоточного поражения, использующих преимущества в получении, обработке и реализации полученных данных в реальном масштабе времени, высокоманевренным, вплоть до бесконтактного, ведением военных (боевых) действий на всю глубину фронта, перемещением в воздушное и космическое пространство. Вместе с тем, опасность возникновения крупномасштабной войны (вооруженного конфликта) является незначительной, но при определенных изменениях военно-стратегической обстановки вероятность ее развязывания может существенно повыситься, что требует поддержания готовности обороны РФ на надлежащем уровне.

18. В настоящее время наряду с качеством оружия важнейшее влияние на характер войны, ее пространственный размах, избираемые средства, формы и способы борьбы все большее влияние оказывает содержание политических целей, которые необходимо достигнуть в результате войны. Анализ современных вооруженных конфликтов показывает, что технологически развитые страны практически полностью отказались от ведения массовых войн классического типа, и предпочитают добиваться своих политических целей посредством ограниченной войны.

19. Активнее стала использоваться стратегия непрямых действий с присущими ей политико-дипломатическим и финансово-экономическим давлением, информационным воздействием, международно-правовыми и экономическими санкциями, подрывными акциями сил специальных операций, подкрепленными демонстрацией военной силы и готовности к ее применению.

Когда этот комплекс средств не приносит желаемых результатов, военная сила применяется непосредственно.

20. Стратегия гибридной войны в ограниченном конфликте нацелена на изнурение страны-жертвы и строится на использовании широкого спектра действий, осуществляемых с применением военных и иррегулярных формирований с проведением одновременно по единому замыслу и плану операций по хаотизации экономики, сферы военной безопасности, культурно-мировоззренческой сферы, осуществления кибернетических атак. Следуя такой стратегии, агрессор тайно, без формального объявления войны атакует структуры государственного управления, экономику, информационную и культурно-мировоззренческую сферу, силы правопорядка и регулярную армию страны-мишени.

21. Теория гибридных войн в рамках подготовки ограниченной войны против противника традиционного типа предусматривает использование не прямых методов, связанных с введением санкций, наращиванием силового давления, целенаправленным разрушительным информационно-психологическим воздействием на сознание правящих элит и всего населения страны, созданием и поддержкой иррегулярных вооруженных формирований, задействованием сил специальных операций, участием организованной преступности и террористических группировок, что в совокупности создает крайне опасную, неподконтрольную ситуацию в стране-мишени.

22. Военно-политическое руководство многих государств принимает активные меры по адаптации своих ВС к новым условиям вооруженной борьбы и пытается учесть особенности ограниченных военных конфликтов XXI века по борьбе с иррегулярными формированиями. Наиболее показательны в этом плане примеры США и Великобритании, а также Израиля, проявляющих большую активность в подготовке своих войск (сил) в проведении операций против иррегулярных формирований в различных регионах мира.

23. Как убедительно доказала практика международных отношений, всегда добиваться поставленных целей силовыми методами невозможно даже

сверхдержаве. Поэтому в современных условиях столь важной оказывается «мягкая сила», проявляющаяся как особый тип влияния, непосредственно связанный с информационной революцией, с большим объемом информации, со скоростью и широтой распространения этой информации благодаря новейшим коммуникативным технологиям.

24. Технологии мягкой силы и управляемого хаоса широко используются целым рядом государств для обеспечения своих национальных интересов на международной арене. В наши дни политика мягкой силы многократно усилена новейшими информационными и когнитивными технологиями, что позволяет более эффективно использовать ее для решения широкого спектра задач – от информационной обработки мирового общественного мнения и населения противостоящих стран до подготовки плацдарма для прямого военного вмешательства.

25. Инструментом реализации политики мягкой силы стали технологии управляемого хаоса, в соответствии с которыми в хаос превращалась экономическая и социальная жизнь неудобных Соединенным Штатам стран. В основу организации управляемого хаоса положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий.

26. Умелое сочетание вероятными противниками США, таких как Иран, различных асимметричных и гибридных тактик влечет за собой образование принципиально новых очагов напряженности, что в свою очередь требует, по мнению американского военно-политического руководства и их союзников, гибкости в применении вооруженных сил для эффективного реагирования на возникающие угрозы безопасности.

27. Под информационным противоборством в войнах будущего следует понимать новую стратегическую форму борьбы сторон, в которой используются специальные способы и средства, воздействующие на информационную среду

противника и защищающие собственную среду в интересах достижения стратегических целей войны.

28. Информационная война стала представлять собой мощное средство непрямого невоенного воздействия на политику отдельных государств и на международную обстановку в целом. Усиливается противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением США и НАТО использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения целей мирового доминирования.

Библиографический список

1. Акулинин В.Н., Елифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №. 36 (2015).
2. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Т. 1. Российский совет по международным делам. Аспект пресс. М., 2013.
3. Бартош А.А. Гибридные угрозы и особенности войны нового типа. Независимое военное обозрение. 10 августа 2018.
4. Бартош А.А. Философия гибридной войны. Сравнительный анализ моделей гибридной войны и цветной революции. СПб. Геополитика и безопасность, 2015. № 4(32). С. 44-52.
5. Батчиков С. Глобализация – управляемый хаос. «Экономические стратегии», № 04-2008. С. 30-36.
6. Бедрицкий А.В. Эволюция американской концепции информационной войны // Аналитические обзоры РИСИ. 2003. № 3. С. 3
7. Белая книга сил специальных операций сухопутных войск США. Противодействие применению иностранными государствами нетрадиционных (специальных) способов ведения войны. Сентябрь 2014.
8. Бобкин Н. Трамп подходит к красной черте – военному столкновению с Ираном. Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». 8 мая 2019.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. ООО Издательский дом «ПОСТУМ», 2014.
10. В МИД заявили о подготовке США к применению ядерного оружия в Европе. RT на русском. 14 апреля 2019.
11. Военная доктрина Российской Федерации. Российская Газета. 30 декабря 2014.
12. Военная реформа как составная часть концепции безопасности Российской Федерации: системно-динамическая оценка. Экспертный доклад. 6 февраля 2013 г.
13. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века. М., 2008.

14. Вооруженные силы ведущих государств НАТО на рубеже 2020-2025 гг. Издательский дом «Научная библиотека». М., 2016.
15. Генштаб увидел в учениях НАТО подготовку к крупномасштабному конфликту. Известия. 18 декабря 2019.
16. Герасимов В.В. «Будущее закладывается сегодня». Теория строительства Вооруженных Сил должна максимально соответствовать характеру грядущих войн. Военно-промышленный курьер № 10 (478). 2013, 13 марта.
17. Гибридная война – новый вызов национальной безопасности России. Национальная оборона № 9 сентябрь. 2019.
18. Гибридные угрозы. GLASRU. Обзор российской геополитической мысли. 24 октября 2013.
19. Глобальные тенденции 2030: изменяющийся мир. Национальный совет по разведке США. 2012.
20. Грачева Т. Армия на подхвате. Военно-промышленный курьер, № 29 (595). 5 августа 2015.
21. Даник Ю. Гибридная война: Хай-Тек, Информационный и киберконфликты. Quarterly Journal. 2015.
22. Джихадисты финансируют войну за счет торговли историческими реликвиями. Комсомольская правда. 18 декабря 2014.
23. Дианов С. В Кремле отреагировали на угрозы Сечина о потере контроля над экономикой. URA.RU. Российское информационное агентство. 6 июня 2019.
24. Иваница Ф. Делайте, как мы сказали: Брюссель получил ультиматум от Вашингтона. Телеканал «Звезда». 19 мая 2019.
25. Ивашов Н. США на пути к мировому господству. Портал «Родон». 21 мая 2008.
26. Информационная война против России. ARHIVACH.NG. 4 мая 2017.
27. Иран пообещал серьезные ответ на любые силовые действия США. РИА Новости. 12 мая 2019.
28. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в эпоху глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

29. Косов Ю.В. Международный терроризм как глобальная проблема // Сборник «Перспективы человека в глобализирующемся мире». № 5. 2005. С. 43.
30. Краткий обзор зарубежных прогнозов военно-политического характера. Центр военно-политических исследований. 21.09.2014.
31. Кучинская М.Е. Феномен гибридизации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс. Проблемы национальной стратегии № 6 (51) 2018. С.124.
32. Майстер Ш. Геоэкономика Евразии: Европейский взгляд. Германский совет по международным делам. 18 января 2017.
33. МВФ высоко оценил решение Украины по земельной реформе. Газета.ru. 4 апреля 2020.
34. Минобороны заявило о готовящихся вбросах в СМИ против руководства ВС России. «Взгляд». Деловая газета. 26 июня 2019.
35. Най Джозеф С. До скорой встречи, оружие! // Новая газета. № 10. 1 февраля 2010 г.
36. Насколько готов Иран к войне против США? Альтернативная история. 1 февраля 2012.
37. НАТО готовится к кибервойне с Россией. Газета.ru. 01.09.2014.
38. НАТО отработала сценарий войны против России. Азиатский репортер: Деловые хроники Востока. 17 февраля 2014.
39. Николайчук И.А. О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации. Проблемы национальной стратегии № 3 (36) 2016. С. 98.
40. Обзор ядерной политики. Аппарат министра обороны. Февраль 2018.
41. Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики: Аналитический доклад. - М.: ИНФРА-М, 2008.
42. Основа достижения «всеохватывающего господства» США в XXI веке. «Красноярское время». 23 октября 2011.
43. Ответ Трампа на ракетный удар Ирана оказался мягче ожидаемого. Ведомости. 8 января 2020.
44. Официальный текст Заявления по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. 05 Sep. 2014.
45. Перкинс Д. «Исповедь экономического убийцы», М., «Претекст», 2007.

46. Першин Ю.Ю. Записки о «гибридной войне» // Вопросы безопасности. 2016. № 4. С. 63-85.
47. Петров В. «мягкая сила» как технология разрушения нашей национальной духовной матрицы». Информационно-политический журнал «Политобразование». 29 октября 2016.
48. Польский генерал оценил готовность НАТО применить ядерное оружие против России в случае войны. Федеральное агентство новостей. 4 апреля 2019.
49. Пономарева Е. Мягкая сила: Железная хватка «мягкой силы». Правдаинформ. 26 февраля 2013.
50. Попов И.М. Военные конфликты: взгляд за горизонт. Независимое военное обозрение. 12.04.2013.
51. Попов И.М. Матрица войн современной эпохи. Независимое военное обозрение. 22.03.2013.
52. Попов И.М. Матрица войн современной эпохи. Независимое военное обозрение. 22 марта 2013.
53. Почему США начнут войну против Ирана. Армейский вестник. Интернет-журнал об армии, вооружении и технике. 1 мая 2018.
54. Правда-TV.ru. Новости 14-21 ноября 2015.
55. Предупредить – значить вооружить. Информационно-аналитический портал «Геополитика». 22 марта 2011.
56. Пригожин И., Стенгерс И. Прядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М: Эдиториал УРСС, 2000.
57. Применение вооруженных сил зарубежных государств в особых условиях мирного времени. Зарубежное военное обозрение № 5, 2013. С. 3.
58. Публикации «Эхо Москвы»: «Как власти готовят очередную «крупнейшую геополитическую катастрофу века» – 15 июля 2019.
59. Путин В.В. «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить». Российская Газета. 16 января 2012.
60. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. ФАИР-ПРЕСС, 2006.
61. Романова В.А. Информационная составляющая гибридных войн современности. Южно-Российский институт управления. Научная статья. 2015.

62. Российские компании оказались под угрозой нового вируса-шпиона. РИА НОВОСТИ. 24 ноября 2014.
63. Сивков К. Неядерная дубина Пентагона. США способны реализовать концепцию быстрого глобального удара исключительно для решения локальных задач. Военно-промышленный курьер № 9 (477). 6 марта 2013.
64. Слипченко В.И. «Война будущего», 1999 г.; «Бесконтактные войны», 2001 г.; «Войны шестого поколения: вооружение и военное искусство будущего», 2002.
65. СМИ: США готовятся вести «звездные войны» против России и Китая. RT на русском. 25 июня 2015.
66. Смыслы гибридной войны. Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 12 июля 2017.
67. Стратегия нацбезопасности США: главными конкурентами назвали Россию и Китай. РИА Новости. 19 декабря 2017.
68. Сурков Н. НАТО после Лиссабона. Источники разногласий и точки соприкосновения с Россией. М., 2011.
69. США готовят в Европе для ограниченной ядерной войны. «Вести. Экономика». 26 апреля 2019.
70. США и Британия готовят фейки об окружении Путина, сообщил источник. 13 июля 2019. РИА Новости.
71. Тенденции развития терроризма. Терроризм. privacy and terrorism. Org.
72. Удар по России: миф или реальность? «Национальная оборона» № 9, сентябрь 2014.
73. Цяо Л., Ван С. Неограниченная война. Пекин, 1999.
74. Чимаров С.Ю. Общая характеристика основных подходов к определению феномена «гибридной войны». Научные труды Северо-Западного института управления. Том 7, № 3 (25), 2016. С. 143-146.
75. Число жертв терактов в Париже возросло до 129 человек. Интерфакс. 14 ноября 2015.
76. Что нужно США для операции против Исламского государства. Эксперт online. 3 сентября 2014.
77. Шеремет И. В России создается единая система отражения кибератак. «Российская газета» № 6538. 21 ноября 2014.

78. Шойгу назвал главную цель Запада в информационной войне с Россией. «Взгляд». Деловая газета. 26 июня 2019.
79. Ядерная программа Ирана подверглась кибератаке. Newsland. 24.07.2012.
80. BAE partners on visualization for virtual command centers. Defense Systems. 2011, November 20.
81. Bond M.S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2007.
82. Bond M.S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2007.
83. Committee on 18 March 2009 // веб-документ
<http://www.jfcom.mil/newslink/storyarchive/2009/sp031809.html>.
84. Compound Warfare: That Fatal Knot. Thomas M. Huber, ed. Fort Leavenworth, KS: US Army Command and General Staff College Press, 2002.
85. Department of Defense Directive 3000.07 “Irregular Warfare” // веб-документ
<http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/300007p.pdf>.
86. Department of Defense Directive TS-3600.1, 21 December 1992, «Information Warfare».
87. Ebinger C.K. Why the U.S. Needs to Reconsider the Energy Policy and Conservation Act of 1975. Brookings Institute. December 11, 2014.
88. Echevarria A; Antulio J. Preparing for One War and Getting Another? Carlisle Barracks, Pa: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, September 2010.
89. Effects-Based Operations. Security Challenges. 2006.
90. Field Manual FM 3-24 MCWP 3-33.5 «Insurgencies and Countering Insurgencies». US Army, May 2014.
91. Field Manual FM 3-24 MCWP 3-33.5 «Insurgencies and Countering Insurgencies». US Army, May 2014.
92. FM 100-8. The Army in Multinational Operations. May 2010.
93. Gates R. A Balanced Strategy: Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs, # 1, 2009.
94. Glenn R.W. Thoughts on «Hybrid» Conflict // Small Wars Journal – 2009. – March 02.

95. Glenn R.W. Thoughts on «Hybrid» Conflict // Small Wars Journal – 2009. – March 02.
96. Global Information Grid. Information Assurance. 2004, October 26.
97. Guzzini S., Neumann I.B. The Deffusion of Power in Global Governance. 2012.
98. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Studies, 2007.
99. Hoffman F.G. Hybrid vs. Compound War: The Janus Choice of Modern War: Defining Conflict // Armed Forces Journal, October 2009.
100. Huber T.M. Compound Warfare: A Conceptual Framework.
101. Huovinen P. Hybrid warfare – Just a Twist of Compound Warfare. Views on warfare from the United States Armed Forces perspective. Department of Military History. April 2011.
102. Joint Intelligence Virtual Architecture JIVA. GlobalSecurity.org. 28.07.2011.
103. Joint Publication 3-13. Information Operations. 27 November 2012. Incorporating Change 1 20 November 2014. P. II-1.
104. Joseph S. Nye, Jr. «Soft Power: The Means to Success in World Politics». New York. 2004.
105. Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autum 1992. P. 62.
106. Marine Corps Vision and Strategy 2025 // Headquarters Marine Corps. URL: <http://www.hqmc.marines.mil/Portals/142/Docs/>.
107. McCuen J.J. Hybrid Wars // Military Review. Fort Leavenworth, Ks: Combined Arms Center. March-April 2008. Pp. 107-113.
108. National Response Framework. FEMA. March 2015.
109. Network – Centric Warfare – Its Origin and Future. Proceedings Magazine. Volume 124/1/1, 139. 1998, January.
110. Predictions regarding international actors up to the year 2030. www.defmin.fi.
111. Rona T.P. Weapon Systems and Information War, Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.
112. Russia's Hostile Measures in Europe. Understanding the Threat. «Rand Corporation». 2019.

113. Sadowski D., Becker J. Beyond the “Hybrid” Threat: Asserting the Essential Unity of Warfare // Small Wars Journal – 2010. – January 7.
114. Saudi Aramco oil facilities spark fires. Aljazeera. 14 September 2019.
115. Statement of General James N. Mattis, USMC Commander, United States Joint Forces Command, before the House Armed Services
116. Strategic Trends Programme/ Global Strategic Trends – Out to 2040. Fourth Edition. Ministry of Defence. 12 January 2010.
117. The Military Balance-2015. Editor’s Introduction // URL: [https://www.iiss.org/en/publications/military 2015 balance/issues](https://www.iiss.org/en/publications/military%2015%20balance/issues) (дата обращения 18.11.2016).
118. Trevertjn G.F., Jones C.G. «Measuring National Power». Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2005. P. 35.
119. UK Development, Concepts and Doctrine Center. Multiple Futures Project. Navigating Towards 2030. Allied Command Transformation, April 2009.
120. United States Government Accountability Office: Hybrid Warfare, GAO-10-1036R. Washington, DC, USA: USGAO, 2010 (September 10).
121. USASOC White Paper: Counter-Unconventional Warfare. September 2014.
122. Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. September 5, 2014.

Шагов Андрей Евгеньевич

«Гибридная война» и «Гибридные угрозы» в зарубежной военно-исторической науке

Монография издана в авторской редакции

Сетевое издание

Ответственный за выпуск – Алимова Н.К.

Научное издание

Системные требования:

операционная система Windows XP или новее, macOS 10.12 или новее, Linux.

Программное обеспечение для чтения файлов PDF.

Объем данных 3 Мб

Принято к публикации «19» января 2023 года

Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/07MNNPM23.pdf> свободный. – Загл. с экрана. – Яз.
рус., англ.

ООО «Издательство «Мир науки»

«Publishing company «World of science», LLC

Адрес:

Юридический адрес – 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

Почтовый адрес – 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

<https://izd-mn.com/>

**ДАННОЕ ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НА
ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ**